ПАРМЕНИДЪ.

ДІАЛОГЪ ПЛАТОНА.

Имѣя дѣло съ какимъ-либо сочиненіемъ Платона, прежде всего задаются, обыкновенно, рѣшеніемъ извѣстныхъ всегдашнихъ вопросовъ, какъ-то: о подлинности сочиненія, если она оспаривается, о времени написанія его, о мѣстѣ его между другими сочиненіями Платона и т. п. Въ настоящемъ случаѣ, представляя переводъ діалога „Парменидъ", мы хотя и коснемся этихъ вопросовъ, но не будемъ спеціально заниматься ими, потому что, при отсутствіи надежныхъ основаній для такихъ рѣшеній, взять на себя эту задачу значило бы только повторить или представить нѣчто подобное тѣмъ недостаточнымъ доказательствамъ „за" или „противъ", которыя были уже нѣсколько разъ высказаны. Въ вопросѣ о подлинности настоящаго сочиненія мы склоняемся на сторону ея и принимаемъ обыкновенное мнѣніе объ этомъ діалогѣ, какъ о произведеніи Платона, относящемся къ Мегарскому періоду его жизни. Притомъ же, совсѣмъ не было нашимъ намѣреніемъ писать ученое изслѣдованіе діалога; мы хотимъ только уяснить содержаніе его и сдѣлать нѣсколько замѣчаній, какъ нужно смотрѣть на него, въ какомъ духѣ онъ написанъ, и какую имѣетъ важность для пониманія характера философіи Платона и вообще философіи того времени. Намъ показалось лучше сдѣлать эти замѣчанія уже послѣ внимательнаго чтенія самаго діалога. Однакожъ, уясненіе его мы можемъ начать теперь же изложеніемъ его содержанія. По сухости и отвлеченности предмета, и по однообразію пріемовъ разсужденія, — это сочиненіе Платона, особенно вторая и бо́льшая его часть, очень монотонно и мало занимательно; притомъ же, не свойственная намъ теперь, діалогическая форма разсужденія дѣлаетъ для насъ труднымъ слѣдить за связью и соотношеніемъ развиваемыхъ

здѣсь понятій; такъ что намъ легче и удобнѣе приступить къ чтенію діалога, если мы напередъ познакомимся съ нимъ въ связномъ изложеніи содержанія его. При этомъ изложеніи будетъ удержана точка зрѣнія Платона, даже и въ тѣхъ толкованіяхъ, которыя будутъ сдѣланы для лучшаго уясненія какихъ-либо мѣстъ.

Содержаніе діалога [1]).

Съ внѣшней стороны и по предмету бесѣды, діалогъ можно раздѣлить на двѣ части: первую составляетъ разговоръ Сократа съ Зенономъ и Парменидомъ объ идеяхъ и ихъ отношеніи къ чувственному міру; а во второй Парменидъ даетъ собесѣдникамъ образчикъ діалектическаго разсужденія, выбравъ предметомъ для него главное положеніе своего ученія. Но по ходу дѣла, первая часть служитъ лишь какъ-бы предисловіемъ ко второй, составляющей главное сосодержаніе и цѣль всего діалога. Эта цѣль—наглядно, на примѣрахъ, показать методъ изслѣдованія истины и образчикъ критики принятыхъ мнѣній. Этотъ методъ, предлагаемый Парменидомъ,—гипотетическій методъ Зенона, или выводъ всѣхъ слѣдствій, проистекающихъ изъ принятія какого-либо положенія,—слѣдствій, проистекающихъ какъ для самого принятаго положенія, такъ и для противоположныхъ ему отрицаемыхъ. Показать образчикъ этого метода на какомъ-либо взятомъ положеніи Парменидъ упрошенъ былъ Сократомъ. Сократъ, въ то время еще молодой человѣкъ, спорилъ съ Зенономъ и думалъ опровергнуть его своимъ ученіемъ объ идеяхъ. Но Парменидъ, начавъ разбирать положенія Сократа, своимъ діалектическимъ методомъ показалъ ему непрочность ихъ и противорѣчія, и даже выставилъ предъ нимъ всю основательность сомнѣнія въ томъ,

---

[1]) Содержаніе діалога передано нами такъ, что вмѣстѣ комментированъ и общій складъ его; это избавляетъ насъ отъ надобности дѣлать примѣчанія собственно экзегетическаго свойства, которыхъ иначе было бы очень много. Прилагаемыя здѣсь примѣчанія будутъ относиться, поэтому, почти только къ переводу, для оправданія его въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ дословную точность его нельзя было соединить съ ясностію или выразительностію русской рѣчи, или гдѣ онъ обусловливался нашимъ пониманіемъ текста. Здѣсь же, вмѣсто нѣсколькихъ частныхъ примѣчаній, лучше сдѣлать одно общее касательно перевода частицъ: часто нельзя было придерживаться тѣхъ значеній, которыя отводятся имъ въ граматикахъ или лексиконахъ; въ каждомъ мѣстѣ своя связь рѣчи, зависящая отъ характера представленій говорящаго; въ живой разговорной рѣчи тонъ ея постоянно мѣняется; все это одной и той же частицѣ или извѣстному соединенію ихъ часто придаетъ разные оттѣнки въ значеніи.

что, оставаясь при взглядѣ Сократа, едва-ли можемъ знать что-либо объ идеяхъ и Богѣ, и вообще имѣть какое-либо дѣйствительное знаніе; такъ что Сократъ почувствовалъ себя въ тяжеломъ состояніи невозможности имѣть истинное знаніе. Парменидъ сказалъ, что вся бѣда вышла у него отъ поспѣшности въ изысканіяхъ, отъ незнанія надежнаго пути, при которомъ дается увѣренность въ справедливости своихъ знаній,—отъ того, что онъ безъ надлежащаго предварительнаго упражненія приступилъ къ изысканію истины. На вопросъ Сократа, что это за упражненіе, ведущее къ познанію истины, Парменидъ указалъ ему на тотъ самый методъ, который онъ уже слышалъ у Зенона. Тогда Сократъ, не обращавшій прежде вниманія собственно на методъ, захотѣлъ теперь лучше ознакомиться съ нимъ, и сталъ просить Парменида разъяснить его на какомъ-либо примѣрѣ. Предметомъ для такого діалектическаго разсужденія Парменидъ взялъ свое ученіе объ „одномъ", и лицомъ, разговаривающимъ съ нимъ, до самаго конца діалога остается одинъ только Аристотель. Но прежде, чѣмъ приступимъ къ изложенію этого изслѣдованія Парменида, разкажемъ сначала и бесѣду съ нимъ самого Сократа.

Разъ на Панаѳинскій праздникъ пришли въ Аѳины Парменидъ и Зенонъ. Послѣдній принесъ съ собою для чтенія свои сочиненія. Привлеченные славой этого философа, Сократъ и другіе, бывшіе съ нимъ, захотѣли послушать его. Читать сталъ самъ Зенонъ. По окончаніи чтенія, Сократъ началъ возражать ему. Мысль Зенона та, что „*многое*" не мыслимо и не существуетъ, такъ какъ каждое изъ „*многаго*" имѣетъ противорѣчащіе предикаты, какъ напримѣръ, оно есть подобное и неподобное вмѣстѣ; а по законамъ разума, это не возможно, слѣдовательно, не возможно и многое. Сократъ говоритъ, что „многое" представимо, и нѣтъ логическаго противорѣчія въ такомъ представленіи, если мы допустимъ бытіе идей, которыя сами по себѣ существуютъ, и въ которыхъ вещи участвуютъ. Сами идеи заключаютъ въ себѣ строгое единство и всегда тожественны съ собою; напримѣръ, идея „одного" (единства) или „подобія" не заключаетъ въ себѣ множественности или неподобнаго, то-есть, свойствъ идей „многаго" или „неподобнаго". Но вещи, которыя мы называемъ „многимъ", могутъ участвовать заразъ въ идеѣ подобнаго и неподобнаго, и такимъ образомъ, заключать въ себѣ противоположные предикаты. Напримѣръ, совершенно справедливо говорятъ, что человѣкъ есть одно и вмѣстѣ многое,—одно, какъ нѣчто единичное между другими подобными людьми, и многое, какъ имѣющій многіе и различные члены.

Такимъ образомъ, *чрезъ участіе въ идеяхъ*, вещи, не смотря на принадлежащіе имъ противоположные признаки, представляютъ для нашей мысли связь и единство, — одинъ изъ основныхъ и существенныхъ законовъ мышленія, и, слѣдовательно, „многое" вполнѣ мыслимо. Вотъ еслибъ кто утверждалъ, что само подобное становится неподобнымъ, или, что свойство „одного" есть множественность, то-есть, когда стали бы утверждать, что сами идеи, идеи въ самихъ себѣ, имѣютъ противорѣчащіе предикаты,—это было бы странно, потому что тогда мы ни въ чемъ не имѣли бы единства и тожества, безъ которыхъ не возможны никакія представленія.

Парменидъ отвѣчаетъ Сократу, что дѣйствительно, это самое и должны испытать идеи, если онѣ, существуя сами по себѣ, отдѣльно отъ вещей, имѣютъ отношеніе къ послѣднимъ; именно, тогда онѣ должны принимать противорѣчащіе предикаты, должны дѣлиться и смѣшиваться. Впрочемъ, не это возраженіе было первымъ отвѣтомъ Парменида. Въ опроверженіе Зенона Сократъ выставилъ цѣлую философскую систему. Парменидъ захотѣлъ показать не только невозможность посредствомъ ея разрѣшить положенія Зенона, но и несостоятельность ея самой по себѣ. Примиреніе выставленнаго Зенономъ противорѣчія,—что многое должно быть подобно и не подобно,—Сократъ думаетъ найдти въ идеяхъ подобнаго и неподобнаго. Но признавать самостоятельное существованіе этихъ идей было столь несоотвѣтственно взгляду Парменида, что онъ захотѣлъ узнать подробнѣе, какъ же именно смотритъ Сократъ на идеи, и сталъ распрашивать его по порядку, какихъ и какихъ родовъ идеи принимаетъ онъ. Оказалось, что онъ принимаетъ не только идеи, соотвѣтствующія видовымъ и родовымъ понятіямъ предметовъ, но наравнѣ съ ними и тѣ идеи, которыя обозначаютъ не сущность или свойство вещей, но только отношенія ихъ между собою, какъ напримѣръ, идеи великаго и малаго, подобнаго и неподобнаго; признаетъ даже идеи элементовъ природы, напримѣръ, огня, воды. Да и этотъ мало продуманный взглядъ, безъ разбору принимающій идеи для всякой вещи и названія, страдалъ непослѣдовательностію, потому что Сократъ не рѣшается признать существованіе идей для вещей ничтожныхъ или презрѣнныхъ, каковы, напримѣръ, волосы, грязь между тѣмъ какъ для истиннаго философа, по замѣчанію Парменида, ничто не должно быть презрѣннымъ при изслѣдованіи, и все должно быть понимаемо изъ связи со всеобщимъ.

Давъ Сократу замѣтить непослѣдовательность въ его взглядѣ на

идеи, Парменидъ переходитъ къ разбору отношенія идей къ предметамъ. Здѣсь должно замѣтить, что самъ Парменидъ признаетъ существованіе идей, какъ необходимое условіе возможности мышленія, слѣдовательно, признаетъ ихъ отношеніе къ вещамъ. Если онъ споритъ противъ этого съ Сократомъ, то не впадаетъ тутъ въ противорѣчіе съ самимъ собою. Обобщая возраженія Парменида, мы видимъ, что онъ подвергаетъ разбору только идеи, означающія отношенія вещей между собою, какъ напримѣръ, отношенія пространственныя (великое, малое), количественныя (одно, многое), качественныя (подобное и неподобное). Потомъ прямо говоритъ „что для всего есть родъ и сущность сама въ себѣ". И касательно отношенія вещей къ идеямъ, онъ не соглашается только со взглядомъ Сократа: „не *посредствомъ* взаимнаго подобія участвуютъ вещи въ идеяхъ, но должно изслѣдовать, какимъ другимъ образомъ онѣ участвуютъ". Изъ этихъ положительныхъ словъ, равно какъ и по смыслу вмѣстѣ взятыхъ возраженій, можно видѣть, что Парменидъ отрицаетъ бытіе такихъ только идей, которыя указываютъ не на сущность и свойства вещей, хотя въ спорѣ противъ Сократа выражается такъ, какъ будто возраженія свои обращаетъ противъ идей всякаго рода. Для понятій же, означающихъ отношенія вещей, онъ не допускаетъ идей по той причинѣ, что такія идеи, при участіи въ нихъ вещей, должны принимать противорѣчащіе своей натурѣ предикаты. Эта причина и служитъ ему основаніемъ для возраженій Сократу. Онъ спрашиваетъ Сократа: какъ вещи участвуютъ въ идеяхъ? участвуетъ ли вещь во всей идеѣ, или только въ части ея?—Сократъ отвѣчаетъ: во всей. Тогда, говоритъ Парменидъ, явилось бы столько же одинаковыхъ идей, сколько и участвующихъ вещей извѣстнаго рода, потому что идея, будучи одна, въ каждой вещи должна находиться вся. То-есть, вышло бы: 1) нѣчто, несообразное съ нашимъ представленіемъ объ идеѣ чего-либо, которая должна быть одна; 2) та нелѣпость, что „то же самое" было бы вмѣстѣ и многимъ; 3) то косвенное слѣдствіе, что тогда идеи ничѣмъ не отличались бы отъ самыхъ вещей, которыя въ нихъ участвуютъ. Въ защиту себя Сократъ сталъ говорить, что одна и та же идея можетъ находиться во многихъ предметахъ, подобно тому, какъ день находится вездѣ, не раздѣляясь чрезъ это. Парменидъ отвѣтилъ, что и по взгляду самого Сократа, какъ оказывается изъ его поясненія примѣромъ дня, идеи должны дѣлиться. Еслибы взять болѣе осязательный образъ, чѣмъ образъ дня, то представленіе Сократа объ отношеніи идей къ вещамъ можно бы точнѣе пояснить примѣ-

ромъ распростертаго надъ людьми паруса. На каждомъ изъ людей былъ бы не весь парусъ, но только часть его.—Сократъ согласился на дѣлимость идей. Тогда Парменидъ сталъ доказывать, что, и при ихъ дѣлимости, вещи не могутъ участвовать въ нихъ, потому что тогда постоянно будутъ выходить противорѣчія. Возьмемъ, напримѣръ, идею великаго. Предметовъ, участвующихъ въ идеѣ великаго, чрезвычайно много; „великое" должно, поэтому, раздробиться и находиться въ каждомъ изъ нихъ небольшою своею частію. Каждый предметъ, участвующій въ „великомъ", мы называемъ великимъ. Но какъ же онъ будетъ великимъ посредствомъ части, которая есть *„малая"* по сравненію съ самимъ *„великимъ"*? Развѣ не будетъ это противорѣчіемъ, что „малое" будетъ дѣлать предметъ великимъ? Или посмотримъ, что будетъ съ идеей малаго, при ея отношеніи къ вещамъ. „Малое" также должно раздробиться, и тогда понятіе его должно испытать превращеніе: такъ какъ само „малое" (идея малаго) больше каждой изъ своихъ частей, на которыя оно раздѣлилось, то *„малое" сдѣлается „больше"*, а между тѣмъ на предметахъ, участвующихъ въ маломъ, это превращеніе съ понятіемъ малаго отразится обратнымъ образомъ,—каждый изъ нихъ, отъ присоединенія къ нимъ части малаго, сдѣлается „меньшимъ". Такимъ образомъ, оказывается полная невозможность отношенія идей къ вещамъ — и со стороны самихъ идей, которыя вслѣдствіе этого должны принимать противорѣчащіе своей натурѣ предикаты, и со стороны предметовъ, которые, черезъ участіе въ извѣстныхъ идеяхъ, должны принимать свойства, противоположныя свойствамъ этихъ идей.

Далѣе Парменидъ показываетъ Сократу, что еслибъ онъ далъ себѣ отчетъ въ томъ, какимъ путемъ пришелъ онъ къ своему понятію объ идеяхъ, и не остановился бы на половинѣ этого пути, то увидѣлъ бы, что въ идеяхъ онъ не можетъ найдти все объединяющаго высшаго принципа. Отвлекая отъ предметовъ однородные признаки и соединяя ихъ въ одно понятіе, Сократъ возводитъ его въ идею, давая ей конкретное, отдѣльное отъ предметовъ существованіе. Такъ, напримѣръ, образовалась идея великаго. Парменидъ говоритъ, что Сократъ ничего не достигъ этимъ, потому что великіе предметы и выросшая изъ нихъ идея великаго, соединяясь, въ свою очередь, въ новый образъ великаго, дадутъ подлѣ себя новую, обнимающую ихъ, идею великаго. Такъ какъ этой второй идеѣ приписывается также отдѣльное существованіе, то теперь всѣ вмѣстѣ дадутъ подлѣ себя опять новую идею великаго и т. д. въ безконечность; такъ что этимъ

будетъ увеличиваться только число великихъ предметовъ, ибо каждая идея, какъ имѣющая реальное существованіе, должна быть представляема, какъ дѣйствительный, конкретный предметъ. Указанный Парменидомъ процессъ образованія идей и тотъ путь, которымъ Сократъ дошелъ до своего взгляда на нихъ, привелъ теперь Сократа къ мысли—понять идеи, только какъ произведеніе ума. Опровергнутый во всемъ, онъ и высказалъ теперь этотъ новый взглядъ, замѣчая, что тогда не произойдетъ тѣхъ нелѣпыхъ выводовъ, потому что, находясь только въ единой душѣ, идеи не будутъ уже дѣлиться и возрастать въ числѣ до безконечности, какъ обособленныя. Въ отвѣтъ Парменидъ указалъ здѣсь опять на невозможность *того* участія вещей въ такихъ идеяхъ, какъ понималъ его Сократъ. Идея, хотя принимаемая лишь за мысль, должна, однакоже, быть присуща всему, что̀ въ ней участвуетъ. А если такъ, то каждая вещь, участвующая въ идеѣ, должна имѣть свойства этой идеи, то-есть, должна мыслить и обнимать своею мыслію столько же, сколько и самая мысль наша—идея.

Послѣ такого вывода Сократъ тотчасъ оставилъ этотъ взглядъ, котораго и не имѣлъ раньше, и возвратился къ прежнему, нашедши для него болѣе точное выраженіе; именно, что идеи суть вѣчные образцы природы, а все прочее есть только отображеніе, копіи ихъ, и что участіе вещей въ идеяхъ не иное, какъ только сходство съ ними.

Сначала Парменидъ выставляетъ противъ этого прежнія возраженія. Слово „идея" должна означать нѣчто такое, что̀ соединяетъ многое въ одно понятіе. По Сократу теперь два совершенно отдѣльные міра — идеальный и чувственный. Общаго между ними то, что второй подобенъ первому. Парменидъ замѣчаетъ, что такъ какъ и первый долженъ быть подобенъ второму, то понятіе подобія, какъ объединяющаго ихъ, есть поэтому идея, и притомъ высшее понятіе, которое содержитъ подъ собою оба эти міра, какъ свои соподчиненные члены. Такимъ образомъ, подлѣ Сократовой идеи явится новая идея, и если она подобна первой, то подлѣ нихъ явится третья и т. д. Потомъ, такъ какъ Сократъ на этотъ разъ рѣзко отдѣлилъ идеи отъ вещей, Парменидъ выводитъ новыя заключенія изъ такого взгляда. Именно, если идеи имѣютъ совершенно отдѣльное, самостоятельное бытіе, то онѣ не находятся въ насъ и между нами,—иначе потеряли бы свою самостоятельность. Если-жъ онѣ ничѣмъ не даютъ намъ чувствовать себя, то мы и не можемъ быть увѣрены, что знаемъ

ихъ и ихъ истинныя свойства; такъ что если онѣ и имѣютъ какія-нибудь отношенія, то имѣютъ ихъ въ отношеніи къ самимъ себѣ, а не къ намъ и чувственнымъ предметамъ. Равно и послѣдніе имѣютъ отношеніе къ самимъ себѣ, а не къ идеямъ, въ чемъ убѣждаетъ насъ и обыкновенный смыслъ; ибо когда мы говоримъ, напримѣръ, „этотъ человѣкъ есть рабъ этого господина", то мы не захотимъ утверждать здѣсь того смысла, что этотъ господинъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи идею раба, но что онъ пользуется услугами именно этого раба. И когда, съ другой стороны, предметомъ нашего разговора будетъ идея власти, господства, то въ противоположность этому понятію, можно указывать только на понятіе рабства, а не на того или другаго раба. Итакъ, міръ идей и чувственный міръ не вліяютъ другъ на друга. Первое слѣдствіе отсюда то, что мы не имѣемъ и не можемъ знать и такихъ идей, какъ идеи добра, красоты и справедливости. Второе же слѣдствіе—еще нелѣпѣе того: если наше знаніе ограничивается лишь областью видимаго, то для познанія идей должно существовать и особаго рода знаніе,—знаніе въ самомъ себѣ. Въ совершенствѣ такимъ знаніемъ обладаетъ одинъ Богъ. Но такъ какъ міръ идей и видимый не даютъ себя чувствовать взаимно, то Богъ, какъ существо не этого міра, обладая въ совершенствѣ знаніемъ идей, не знаетъ, однакоже, нашего міра, и не имѣетъ надъ нимъ никакой власти. Вотъ къ какимъ заключеніямъ, говорилъ Парменидъ, мы должны прійдти, если для каждаго предмета будемъ принимать отдѣльно существующую идею. Но тѣмъ не менѣе, продолжалъ онъ, для всего должны быть родъ и сущность сама въ себѣ; и отрицая существованіе идей, мы не будемъ знать, куда направить мысль свою, то-есть, уничтожимъ возможность мышленія Такимъ образомъ, самимъ Парменидомъ Сократъ утвержденъ былъ въ главной мысли своей—существованіи идей; но онъ стоялъ теперь на развалинахъ своего прежняго взгляда на нихъ; на новый вопросъ Парменида о философіи онъ уже ничего не могъ отвѣчать. „Я вижу теперь", сказалъ онъ, „что я не совершенно осмотрѣлся". Онъ не зналъ теперь, какъ найдти путь изъ всѣхъ выставленныхъ ему противорѣчій, не видѣлъ передъ собою исходной точки для новаго, правильнаго взгляда на нихъ. Парменидъ сказалъ, что онъ и не долженъ приступать къ философіи, не нашедши напередъ вѣрнаго способа испытывать достоинство мнѣній и несомнѣнно распознавать истину, и что этотъ способъ — то упражненіе Зенона, которое толпа называетъ безполезною болтовней, но безъ котораго не дается прочное

міросозерцаніе, не падающее ни передъ какими возраженіями. Діалектическое обсужденіе предмета должно быть первымъ и необходимымъ условіемъ философіи, потому что какъ бы ни казалось намъ вѣрнымъ наше знаніе о какомъ-либо предметѣ, мы не можемъ уже думать такъ, какъ скоро замѣтимъ логическое противорѣчіе въ понятіи о немъ. Указавъ на методъ Зенона, Парменидъ сталъ описывать его Сократу, но Сократъ хотѣлъ понять его въ совершенствѣ и упросилъ Парменида на какомъ-либо примѣрѣ показать ему методъ діалектическаго изслѣдованія.

Парменидъ взялъ для этого главное положеніе своего ученія: все бытіе, весь міръ есть „одно". Методъ Зенона требуетъ разкрыть, какія изъ этого будутъ слѣдовать заключенія какъ для настоящаго положенія, такъ и для противоположнаго ему: бытіе—множественно. Вся остальная часть діалога только и содержитъ въ себѣ эту длинную цѣпь заключеній, которыми разрѣшился поставленный вопросъ. Этотъ общій вопросъ раздробился на восемь частныхъ, и до конца діалога идетъ восемь рядовъ заключеній. Большая часть рѣшеній состоитъ изъ противорѣчащихъ другъ другу выводовъ, изъ антиномій. Въ чемъ основаніе антиномій, мы скажемъ послѣ, а теперь посмотримъ, какъ ведутся эти изслѣдованія.

Сначала берется „одно" въ самомъ строгомъ его смыслѣ, такое „одно", которое опредѣлить можно не иначе, какъ взявъ для него другое синонимическое названіе: недѣлимое, то-есть, не подлежащее дѣленію. Но что же изслѣдовать и анализировать въ этомъ понятіи, когда оно не имѣетъ никакихъ предикатовъ, кромѣ одного, даннаго въ самомъ названіи,—предиката недѣлимости? Если можно было дѣлать какія сужденія объ „одномъ", то только отрицательныя. Пармениду и оставалось поэтому показать, что оно не есть, то-есть, какія понятія логически не совмѣстимы съ понятіемъ его. Именно, если „одно" не дѣлимо, не имѣетъ частей, заключающихъ въ себѣ понятіе предѣла, то оно 1) исключаетъ отъ себя понятіе *пространства*; 2) не имѣетъ какой-либо *фигуры*,—*безвидно*; а если непространственно и безвидно, то 3) *не занимаетъ мѣста* и не находится гдѣ-нибудь, потому что иначе имѣло бы какую-нибудь фигуру и не было бы безвидно; 4) не имѣетъ ни *движенія*, *ни покоя*, потому что если движеніе его будетъ состоять въ собственномъ его измѣненіи, то оно уже не было бы „однимъ, тѣмъ же самымъ"; а движеніе, состоящее въ перемѣщеніи куда-нибудь, обнаруживало бы въ немъ пространственность и части; 5) *не тожественно и неразлично ни съ*

чѣмъ другимъ, ни съ самимъ съ собою, потому что понятія тожества и различія не совмѣстны съ понятіемъ матеріально и логически недѣлимаго, *не опредѣляемаго никакими признаками*; изъ отрицанія предикатовъ тожества и различія слѣдуетъ, что 6) *не есть подобное или не подобное* себѣ самому или чему другому; 7) *не есть равное или неравное*; 8) *ни старше, ни моложе* въ отношеніи къ другому чему или къ себѣ самому; послѣднее заключеніе указываетъ на то, что 9) оно *не подлежитъ никакимъ опредѣленіямъ времени*, то-есть, ни „будетъ", ни „было"; а какъ скоро нельзя приложить къ нему подобныхъ опредѣленій, то значитъ, 10) *не имѣетъ и бытія*. Въ заключеніе же Парменидъ говоритъ, что если „одно" не подлежитъ никакимъ опредѣленіямъ, не обрисовывается предъ нашимъ представленіемъ никакими признаками, то оно совершенно даже и немыслимо и непредставимо.

Такимъ образомъ, изслѣдованіе привело къ отрицанію „*одного*". И значитъ, если оно существуетъ, то не есть и не должно быть понимаемо, какъ совершенно недѣлимое и безпредикатное, какъ абсолютное одно, но какъ цѣлое, состоящее изъ частей, какъ единство многоразличнаго во всеобщемъ; въ такомъ случаѣ, ему принадлежали бы различные предикаты, принадлежали бы всѣ признаки вещи дѣйствительной, и слѣдовательно, вполнѣ было бы мыслимо его бытіе. Не есть ли оно и въ самомъ дѣлѣ таково? Парменидъ снова начинаетъ разсужденіе, и уже самое начало его новой аргументаціи показываетъ, что какое бы мы ни имѣли понятіе объ „одномъ", но если говоримъ, что оно существуетъ, коль скоро утверждаемъ его бытіе, то не иначе можемъ мыслить его, какъ единствомъ, содержащимъ подъ собою множество, цѣлымъ, состоящимъ изъ частей. Именно, когда мы говоримъ: „одно существуетъ", то приписываемъ ему предикатъ, не вытекающій изъ понятія „одного", и такимъ образомъ, „одно" становится допускающимъ опредѣленія, потому что даже одинъ предикатъ уже указываетъ на различимость въ предметѣ, именно, на самый предметъ и принадлежность его. Итакъ, существующее одно оказалось чѣмъ-то цѣлымъ, состоящимъ изъ двухъ частей: „бытія" и „одного". Но не одну только двойственность будетъ заключать оно. Каждая часть его должна имѣть свойства своего цѣлаго, и если цѣлое содержитъ подъ собою два понятія: „бытіе" и „одно", то и каждая часть также должна опредѣляться этими двумя предикатами, то-есть, каждая изъ нихъ есть также нѣчто одно, которому мы должны приписать бытіе уже потому, что утверждаемъ его за цѣлымъ,

состоящимъ изъ этихъ двухъ частей. Такимъ образомъ, каждая изъ частей „существующаго одного" становится также цѣлымъ, состоящимъ изъ двухъ частей. И процессъ этого распаденія одного на многое совершается въ безконечность, такъ что мы теперь должны представлять „одно": 1) какъ безконечное по множеству, составляющему его цѣлое. Но когда бы и не приписывали ему бытія, оно также приведетъ насъ ко „множеству", чрезъ извѣстное только отношеніе къ „бытію". Именно, по отношенію къ „бытію" „одно", есть нѣчто различное отъ него. Но въ такомъ отношеніи къ бытію оно можетъ стоять только посредствомъ третьяго—„различнаго", потому что понятіе различія не лежитъ въ понятіяхъ „одного" или „бытія"; такъ что сами по себѣ, непосредственно, они не могли бы быть различны между собою. А какъ скоро есть три данныя, то изъ взаимнаго ихъ отношенія между собою, изъ отношенія каждаго изъ нихъ къ составившимся изъ нихъ комбинаціямъ, потомъ изъ многообразнаго отношенія этихъ комбинацій между собою, составляется все безконечное множество существующаго; точно также въ ариѳметикѣ изъ двухъ комбинируемыхъ съ ихъ суммами или произведеніями получается нескончаемое множество чиселъ, напримѣръ, $2+3=5$, $2\times 3=6$, $2+5=7$, $2\times 5=10$ и т. д.

Итакъ, „одно" — *безгранично по множеству.* Но такъ какъ всѣ единицы множества, на которое раздѣлилось „одно", суть части этого одного, какъ части своего цѣлаго, то онѣ обнимаются своимъ цѣлымъ; обнимающее ихъ „одно" будетъ, поэтому, предѣломъ всего ихъ количества, и слѣдовательно, 2) одно будетъ *ограниченнымъ*. Будучи же ограниченнымъ, должно имѣть начало, середину и конецъ, и поэтому 3) должно имѣть какой-нибудь *видъ*, — круглый или прямой. Потомъ, будучи ограниченнымъ и имѣя видъ, должно имѣть 4) *мѣстонахожденіе*. Именно, оно будетъ находиться и въ себѣ самомъ, и въ чемъ-либо другомъ; въ себѣ потому, что „одно" — это совокупность всѣхъ его частей, всѣ эти части находятся въ немъ, какъ въ цѣломъ, и такимъ образомъ, „одно" находилось бы въ „одномъ", то-есть, въ самомъ себѣ. Но какъ цѣлое, замыкающее въ себѣ свои части, оно чрезъ это является и ограничивающимъ себя, и слѣдовательно, по необходимости должно, за своими предѣлами, окружаться чѣмъ-нибудь другимъ, то-есть, находиться въ чемъ-нибудь другомъ Далѣе, вслѣдствіе такого мѣстонахожденія, оно будетъ обладать 5) *покоемъ и движеніемъ*. Что всегда находится въ самомъ себѣ, то стоитъ, и напротивъ, что никогда не находится въ томъ же самомъ себѣ,

то должно имѣть постоянное движеніе. „Одно", какъ мы видѣли, всегда и находится въ самомъ себѣ, и также никогда не остается въ самомъ себѣ; слѣдовательно, и стоитъ, и движется. 6) *Будетъ тожественно съ самимъ собою и съ другимъ и также различно* отъ себя и отъ другаго. Эти заключенія вытекаютъ изъ извѣстныхъ взаимныхъ отношеній между вещами. Именно, всѣ отношенія вещей сводятся къ отношеніямъ четырехъ родовъ: вещь или то же самое или различное, или цѣлое или часть по отношенію къ чему либо. Теперь, „одно" не есть различное отъ себя самого, не есть цѣлое или часть по отношенію къ себѣ; слѣдовательно, оно тожественно съ собою. Но если, какъ мы видѣли, находясь въ самомъ себѣ, оно всегда находится также и въ другомъ, и такимъ образомъ всегда отдѣлено отъ себя, то оно есть, поэтому, и различное отъ себя. Различнымъ отъ „прочаго" оно будетъ потому, что мы полагаемъ его, какъ совершенно отдѣльное отъ „прочаго" [1]), какъ нѣчто другое по отношенію къ „прочему". Но также будетъ съ нимъ и тожественно, — это на основаніи противуположности между понятіями тожественнаго и различнаго. Эти два понятія взаимно исключаютъ другъ друга. Теперь, если мы говоримъ о двухъ отдѣльныхъ предметахъ, то каждый изъ нихъ мыслимъ, какъ тожественный съ самимъ собою. Такимъ образомъ, обоимъ предметамъ принадлежитъ одинъ предикатъ—тожества, исключающій противоположный ему предикатъ различія, и потому эти два предмета будутъ тожественны. На основаніи тожества и различія, оно 7) будетъ *подобнымъ и неподобнымъ въ отношеніи къ себѣ самому и „прочему"*. Одно будетъ подобно „прочему" на томъ основаніи, что различно отъ него. Это слѣдующимъ образомъ: если „одно" различно отъ „прочаго", то и „прочее" различно отъ „одного"; значитъ, оба имѣютъ одинъ и тотъ же признакъ и тожественны по этому признаку; но когда вещи въ чемъ-нибудь тожественны, то и подобны. Если же въ силу различія отъ „прочаго" „одно" сдѣлалось подобнымъ ему, то въ силу тожества съ нимъ, будетъ неподобно ему по той причинѣ, что „тожественное" имѣетъ свойства противоположныя „различному". 8) *Будетъ равно и не равно себѣ самому и „прочему"*. „Одно" и „прочее" не могутъ быть больше или меньше другъ друга, потому что идеи великаго и малаго относятся только къ себѣ самимъ, а не къ вещамъ; напримѣръ, какимъ образомъ „малое" могло

[1]) Подъ «прочимъ» въ этомъ діалогѣ разумѣется «многое», все остальное, кромѣ «одного». Какъ термины діалога, оба эти слова мы ставимъ въ кавычкахъ.

бы находиться въ „одномъ", или въ цѣломъ его, или въ части. Въ первомъ случаѣ, оно распространялось бы по всему цѣлому и обнимало бы его, чрезъ что становилось бы равно цѣлому и больше его, и такимъ образомъ, дѣлало бы несвойственное своей природѣ. Во второмъ случаѣ, по той же причинѣ, оно не могло бы находиться и во всей части. Еще менѣе возможности, чтобы находилось въ немъ „великое": то, въ чемъ оно находилось бы, будетъ больше его, какъ обнимающее; и по отношенію къ нему же, великое будетъ великимъ, когда малаго нѣтъ въ „одномъ". Слѣдовательно, не будучи больше или меньше, одно и прочее будутъ равны по отношенію къ себѣ самимъ и другъ къ другу; но какъ было утверждено, „одно" находится въ себѣ самомъ и „прочемъ"; здѣсь же нужно присовокупить, что и „прочее" находится въ „одномъ", потому что когда, кромѣ этихъ двухъ—„одного" и всего „прочаго", нѣтъ ничего болѣе, а все существующее должно и находится въ чемъ-нибудь, то необходимо, чтобы „одно" и „прочее" находились одно въ другомъ. Вслѣдствіе такихъ отношеній, „одно" будетъ и меньше самого себя и „прочаго", какъ заключающееся въ нихъ, и больше, какъ содержащее ихъ въ себѣ. По той же причинѣ и „прочее" будетъ и больше, и меньше „одного". Слѣдовательно, теперь „одно" и „прочее" будутъ не равны по отношенію къ себѣ и другъ къ другу. 9) Подлежитъ условіямъ и опредѣленіямъ времени, такъ что при этомъ *будетъ старше и моложе самого себя и „прочаго" и также ни старше, ни моложе.* „Одно" потому не стоитъ внѣ времени, что ему принадлежитъ бытіе, которое есть не иное что, какъ участіе во времени. Время постоянно течетъ впередъ. Поступая впередъ вмѣстѣ со временемъ, „одно" становится старѣе, чѣмъ было, старѣе самого себя; и потому, сравнивая теперешній возрастъ его съ прежнимъ, мы должны сказать, что прежде оно было моложе, чѣмъ теперь, моложе теперешняго себя; такимъ образомъ, постоянно возрастая, „одно" — и старше, и моложе себя. Но, взятый въ общей сложности, возрастъ его равняется протекшему времени; нельзя, напримѣръ, утверждать, что „одно" имѣетъ только 500 лѣтъ, хотя существуетъ уже 1000 лѣтъ. Имѣя же всегда равный съ собою возрастъ, оно не будетъ ни старше, ни моложе себя. Въ такихъ же отношеніяхъ „одно" стоитъ и къ „прочему". Какъ противоположность „одному", „прочее" есть многое. Многое есть совокупность единицъ какого-либо рода, которыя мы принимаемъ за извѣстныя недѣлимыя; безъ послѣдняго условія, то-есть, если мы не установимъ единицы, извѣстной мѣры въ вещахъ какого-либо рода,

для насъ не мыслимо „многое" въ этой области. Поэтому единица, одно, есть основаніе многаго. Если мы хотимъ сосчитать какое-либо многое, мы должны начать счетъ съ единицы; если мы хотимъ сдѣлать двадцать шаговъ, должны начать съ перваго, и вся сумма шаговъ получится позднѣе перваго шага. Такимъ образомъ, многое является всегда позднѣе „одного", и только посредствомъ одного. Слѣдовательно, „одно", какъ основаніе „многаго" и какъ первое по времени въ процессѣ происхожденія многаго, старѣе „прочаго", то-есть, многаго. Съ другой стороны, „одно" есть цѣлое, состоящее изъ частей. Цѣлое — это такой организмъ, что если ему недостаетъ какой-нибудь части, то оно не есть цѣлое. Въ своемъ происхожденіи оно является уже какъ окончательный результатъ соединенія частей въ одно. Чтобы составилось „одно" — цѣлое, для этого нужно напередъ все то множество частей, совокупность которыхъ даетъ цѣлое. Слѣдовательно, „одно", какъ составляющееся изъ многаго, является позднѣе многаго, „прочаго", и потому моложе его. Такимъ образомъ, „одно" и старѣе, и моложе „прочаго". Но оно также не старше или моложе „прочаго" по слѣдующимъ основаніямъ. „Прочее" — это все множество частей, совокупность коихъ должна составлять „одно цѣлое". Каждую часть этого многаго мы принимаемъ какъ единицу, какъ одно. Пусть теперь „прочее" составляется въ „одно" — цѣлое, напримѣръ, чрезъ постепенное соединеніе всѣхъ своихъ частей. Каждая изъ присоединяющихся частей есть одно, и это „одно", черезъ весь процессъ составленія цѣлаго, будетъ идти параллельно, съ каждою частію всего „прочаго" до момента его завершенія въ „одно" — цѣлое. Такимъ образомъ, „одно", какъ имѣвшее одновременное возрастаніе съ „прочимъ", ни старѣе, ни моложе „прочаго".

Въ такихъ отношеніяхъ по времени стоятъ между собою „одно" и „многое". Но когда мы посмотримъ на дальнѣйшее ихъ существованіе, то противорѣчивыя отношенія будутъ еще страннѣе. На первый взглядъ, если, напримѣръ, „одно" старѣе „многаго", то и всегда будетъ старѣе; и разница въ ихъ возрастаніи будетъ постоянно одна и та же, потому что съ возрастаніемъ „одного" на столько же увеличивается и возрастъ „многаго". Но по требованію діалектики, нужно разсматривать предметъ со всѣхъ сторонъ и на дѣло можно еще смотрѣть и иначе. Положимъ, что „одно" въ-четверо старѣе „многаго". Останется ли съ теченіемъ времени неизмѣннымъ такое ихъ отношеніе? Нѣтъ. Если „одно" имѣетъ, напримѣръ, 400 лѣтъ, то „многое" должно имѣть 100, потому что, по нашему предположенію, оно въ

четыре раза моложе „одного". Чрезъ 200 лѣтъ „одно" будетъ имѣть 600 лѣтъ, а „многое" 300. Сравните эти числа и посмотрите, „одно" будетъ уже не въ-четверо старѣе „многаго", и „многое" не въ-четверо моложе „одного", а только уже вдвое. Еще черезъ 200 лѣтъ, когда „одно" будетъ имѣть 800 лѣтъ, а „многое" 500, первое будетъ только въ 1$^{3}/_{5}$ раза старѣе втораго. Какъ видно, первоначальныя отношенія ихъ постоянно будутъ уменьшаться съ теченіемъ времени; отношенія ихъ по возрасту сдѣлаются теперь обратными прежнимъ, и потому „одно", дѣлаясь все менѣе старымъ въ отношеніи ко „многому", должно получить и противуположное прежнему названіе—„моложе"; потому что мы разсматриваемъ теперь „одно" и „многое" въ моментъ ихъ возрастанія, спрашиваемъ не то, какъ они „есть" въ отношеніи другъ къ другу, а какъ „становятся"; становится же, какъ мы видѣли, „одно" все менѣе противъ прежняго старымъ въ отношеніи ко „многому", и слѣдовательно, нельзя сказать: „становится старѣе". А напротивъ того, „многое", идя на встрѣчу „одному" и прогрессивно измѣняя разницу своего возраста по отношенію къ нему, становится старѣе по отношенію къ нему, чѣмъ было прежде. Такимъ образомъ, *старшее становится моложе младшаго, и младшее становится старѣе старшаго.*

Итакъ, главныя заключенія изъ положенія: „одно существуетъ" приводятъ къ тому, что „одно" есть вмѣстѣ и многое, что оно есть дѣйствительное бытіе со всѣми признаками настоящихъ вещей; по отношенію ко „многому"—то слѣдствіе, что множественность является вслѣдствіе бытія „одного", предполагаетъ его и есть собственно произведеніе его. Если это изслѣдованіе сдѣлано вѣрно, то мы должны прійдти къ тому же выводу, взявъ за положеніе: „многое существуетъ",—именно къ заключенію, что „многое" не есть самостоятельное бытіе, что оно есть собственно „одно" и не можетъ быть мыслимо безъ своего основанія—„одного". Провѣримъ, въ самомъ дѣлѣ, на этомъ положеніи, первое изслѣдованіе.

Что̀ такое—многое? То, что̀ состоитъ изъ множества вещей, что̀ дѣлится на множество частей. Если взять одну вещь изъ многаго, будетъ ли она—все многое? Нѣтъ, это будетъ только нѣкоторая часть „многаго". А если дѣйствительно часть, то уже самое понятіе этого слова обличаетъ, что „многое" должно быть мыслимо „цѣлымъ", и слѣдовательно, замыкаться въ единствѣ: вѣдь часть не можетъ существовать сама по себѣ, отдѣльно, она необходимо принадлежитъ цѣлому; слѣдовательно, если она—часть, то „многое" есть цѣлое—„одно". Потомъ, каждая вещь или часть „многаго" есть отдѣльная отъ дру-

тихъ, каждая есть—одно; такимъ образомъ, опять понятіе „одного", опять приходимъ къ признанію единства. Далѣе, какіе предикаты будутъ принадлежать „многому"? Всѣ тѣ, которые, какъ найдено, принадлежатъ и „одному". Многое есть множество вещей; каждая изъ нихъ разграничена отъ другихъ, слѣдовательно, имѣетъ предѣлъ и ставитъ предѣлъ другимъ; опредѣлена и по отношенію къ цѣлому, какъ часть. Такимъ образомъ, „многое" имѣетъ предѣлъ. Но несомнѣнно и то, что какъ все „многое" состоитъ изъ безчисленнаго множества вещей или частей, такъ и каждая часть, въ свою очередь, можетъ дѣлиться до безпредѣльности. Слѣдовательно, *„многое" и безпредѣльно, и имѣетъ предѣлъ.* Вслѣдствіе каждаго отдѣльно изъ этихъ свойствъ, оно *будетъ подобно себѣ*, а вслѣдствіе обоихъ вмѣстѣ, какъ противуположныхъ, *не подобно.* Такимъ же образомъ будетъ тожественно и различно, и т. п.—Итакъ, путемъ доказательствъ положительныхъ мы нашли, что „многое" и во всей совокупности есть "одно", какъ цѣлое, и что каждая часть „многаго" есть — также „одно". Эти заключенія подкрѣпляются и доказательствами отрицательными. Допустимъ, что „многое" не имѣетъ никакого единства и исключаетъ всякое понятіе объ „одномъ";—что тогда? По условіямъ такого предположенія, мысль наша, пытаясь обратиться своимъ представленіемъ къ такому „многому", не можетъ остановиться ни на какомъ пунктѣ; мы можемъ представить только „что-либо", а "что-либо" есть уже нѣчто отдѣльное отъ другаго, нѣчто отличное и обособленное, слѣдовательно, единичное; поэтому многое мы можемъ представить только посредствомъ единичнаго: многое для насъ есть собраніе единицъ. Въ противномъ случаѣ, оно будетъ хаосъ, будетъ совершенно не мыслимымъ и не существующимъ для насъ. И такъ какъ предѣлъ и различіе вещей не возможны безъ „тожественнаго" и „единичнаго", или еще болѣе—такъ какъ многое возможно только посредствомъ *единаго*, обусловливается имъ и потомъ проникается и связуется имъ, то называемое нами *„многимъ"* еще съ большею справедливостію есть единое. Посему основательнѣе утверждать, что есть не *„многое"*, а „одно", но которое есть все.

Истина выведенныхъ заключеній утверждена будетъ еще болѣе, когда мы увидимъ, что не возможно отрицательное сужденіе: „одно не существуетъ", что самымъ отрицаніемъ мы будетъ только утверждать его. Въ самомъ дѣлѣ, посмотримъ, въ какомъ положеніи находится отрицающій бытіе „одного": онъ утверждаетъ „многое", и не признавая „одного", знаетъ, что отрицаетъ нѣчто такое, что различно

отъ „многаго"; значитъ, онъ отрицаетъ то, о чемъ имѣетъ опредѣленное представленіе, а это потому, что само „одно", значитъ, имѣетъ опредѣленные предикаты. Дѣйствительно, пусть обратитъ онъ вниманіе на свое представленіе „одного", бытіе котораго отрицаетъ: прежде всего, онъ знаетъ его, какъ *различное* отъ „многаго", которое онъ признаетъ; различая отъ „многаго", онъ полагаетъ „одно" *тожественнымъ* съ собою, потому что, безъ этого условія, нельзя вести и рѣчи о чемъ-нибудь. Изъ сопоставленія его со „многимъ" оно будетъ мыслиться въ отношеніи къ нему, какъ *неподобное, неравное, великое или малое.* Далѣе мы увидимъ, что оно имѣетъ и много другихъ предикатовъ. Словомъ, отрицающій „одно" имѣетъ опредѣленное представленіе о немъ, и всѣ другіе знаютъ, о чемъ онъ говоритъ. Но развѣ можно знать какую-нибудь вещь и утверждать за нею извѣстные признаки, если она не существуетъ? Признаваніе извѣстныхъ свойствъ, какъ принадлежащихъ именно этой какой-либо вещи, будетъ ли совмѣстно съ отрицаніемъ бытія этой вещи? Тутъ утверждалась бы та нелѣпость, что свойства какой-либо вещи существуютъ безъ этой самой вещи, и отрицающій только опровергалъ бы самъ себя; ибо въ положеніи: „эта вещь не существуетъ" только по видимому отрицается бытіе вещи: не существуетъ что? —эта вещь; а вещь есть нѣчто существующее. Да кромѣ того, пусть вникнетъ онъ и въ значеніе своего положенія: „одно не существуетъ"; не утверждается ли въ немъ бытіе „одного?" Всякое сужденіе, когда оно справедливо, выражаетъ собою, что дѣло именно таково, выражаетъ *то, что есть.* По этому и отрицающій бытіе „одного", если онъ правъ, также утверждаетъ *то, что есть*; а утвеждаетъ онъ слѣдующее: „одно" *есть* не существующее. То-есть, онъ высказываетъ фактъ не существованія „одного", признаетъ бытіе небытія, и поэтому не отрицаетъ абсолютно бытія „одного", но только ограничиваетъ его, какъ извѣстный видъ бытія: „одно" *есть*, но оно „*есть*" какъ не существующее. Такимъ образомъ, ему приписывается положеніе и отрицаніе. Но вѣдь и въ томъ случаѣ, когда мы полагаемъ что-либо существующимъ, наше сужденіе всегда есть положеніе и отрицаніе вмѣстѣ [1]): эта вещь „есть" то и „не есть" то; или это существуетъ = это „не есть" не существующее. Поэтому бытіе и небытіе всегда вмѣстѣ, и каждое изъ нихъ есть только и небытіе. Но „одно", которое теперь имѣетъ бытіе въ качествѣ несуществующаго, не останется въ этой не совсѣмъ понятной намъ формѣ бы-

---

[1]) Omnis determinatio est negatio, и на оборотъ.

тія; напротивъ того, оно должно принять тотъ видъ бытія, подъ которымъ мы мыслимъ всѣ вещи, когда говоримъ, что онѣ существуютъ. Если „одно" *есть и не есть*, то оно не за разъ будетъ испытывать эти два противоположныя состоянія, но переходя изъ одного въ другое. Перейдя изъ небытія въ бытіе оно будетъ положительно существующимъ. Такъ какъ соединеніе τό εἶναι καὶ τό μὴ εἶναι даетъ въ результатѣ τό γίγνεσθαι (Sein+Nichtsein=Werden), то „одно" будетъ имѣть *движеніе* и *измѣненіе*, то-есть, такія свойства, которыя никакъ нельзя приписывать тому, что̀ не существуетъ.

Возможно, конечно, отрицаніе „одного" и въ томъ смыслѣ, что его совершенно нѣтъ. Но тогда мы и не знали бы его, не называли бы его, не могло бы у насъ родиться и мысли о немъ. Такъ-называемое „многое" также не могло бы тогда существовать, потому что оно возможно только посредствомъ „одного"; но какъ скоро отрицается единство, принципъ обособленности и индивидуальности, то все дѣлилось бы въ безконечность, нигдѣ не останавливаясь, все исчезало бы въ безразличіи хаоса; „многое" было бы міромъ призраковъ и тѣней. Нѣтъ, даже и того менѣе: въ мірѣ призраковъ намъ можетъ казаться, что иногда какъ будто мелькаетъ нѣчто отдѣльное или имѣющее образъ; когда же мы, въ самомъ дѣлѣ, совершенно устранимъ принципъ обособленности и формы, тогда даже и тѣней чего-либо не можетъ быть. Словомъ, тогда ничто не существуетъ, уничтожается всякое бытіе и мышленіе.

Таково содержаніе діалога. Теперь приступимъ къ чтенію его. Мы заранѣе хотимъ сказать, на что̀ слѣдуетъ обратить вниманіе при этомъ чтеніи, чтобы тѣмъ лучше замѣтить тѣ отличительныя стороны діалога, съ которыхъ мы хотимъ разсмотрѣть его. Изложеніе содержанія діалога только въ томъ и состоитъ, что мы перевели его на современный намъ языкъ. Самый текстъ діалога отличается другимъ языкомъ и складомъ понятій. Мы знаемъ теперь исторію образованія понятій, природу ихъ — отвлеченность, ихъ составъ и объемъ, ихъ градацію по восходящимъ и нисходящимъ ступенямъ родовъ и видовъ, ихъ взаимное отношеніе и подчиненность; мы можемъ по частямъ разобрать и опредѣлить источникъ фальши въ какихъ-либо логически неправильныхъ сужденіяхъ и умозаключеніяхъ. Но такіе плоды благоустроенной мысли не сразу явились; софисты всегда становились въ тупикъ при вопросахъ Сократа, и самъ онъ говоритъ о себѣ, что ничего не знаетъ; сознаніе логическихъ законовъ и формъ только что пробуждалось въ то время; нужно было сначала собрать

для этого матеріалъ, потомъ разсмотрѣть все порознь, и наконецъ разсортировать. Такой предварительный трудъ въ первый разъ сознательно предпринятъ былъ Греками, и въ особенности Платономъ и Аристотелемъ. Настоящій діалогъ служитъ отличнымъ образчикомъ для ознакомленія съ первыми попытками такой работы. Такимъ образомъ, при чтеніи его, главнымъ образомъ должно обратить вниманіе на характеръ тогдашняго мышленія, и во-вторыхъ, на силу Платонова анализа словъ и понятій, и слѣдовательно, на заслуги его для мысли. Этою любознательною и заранѣе постановленною себѣ цѣлью мы, кромѣ того, легче поддержимъ въ себѣ интересъ чтенія, который иначе могъ бы ослабѣть отъ монотонности діалога и особеннаго рода его діалектики.

Діалогъ [1]).

Лица разговаривающія: Кефалъ, Адимантъ, Антифонъ, Главконъ, Пиѳодоръ, Сократъ, Зенонъ, Парменидъ и Аристотель.

> Καλὴ μὲν οὖν καὶ θεία, εὖ ἴσθι, ἡ ὁρμὴ ἣν ὁρμᾷς ἐπὶ τοὺς λόγους· ἕλκυσον δὲ σαυτὸν καὶ γύμνασαι μᾶλλον διὰ τῆς δοκούσης ἀχρήστου εἶναι καὶ καλουμένης ὑπὸ τῶν πολλῶν ἀδολεσχίας, ἕως ἔτι νέος εἶ. εἰ δὲ μή, σὲ διαφεύξεται ἡ ἀλήθεια.—136.

Когда изъ отечества нашего Клазоменъ мы пришли въ Аѳины, на рынкѣ здѣсь встрѣтились съ Адимантомъ и Главкономъ. „Здравствуй, Кефалъ“, взявъ меня за руку, сказалъ Адимантъ,—„и если тебѣ что-нибудь нужно здѣсь, что мы можемъ сдѣлать, скажи“. — „Да, я дѣйствительно затѣмъ и пришелъ“, сказалъ я, „чтобы обратиться къ вамъ съ просьбою“. — „Скажи твою просьбу“. — „Какъ имя вашему брату“, сказалъ я, „который отъ одной матери съ вами? Я не помню, онъ былъ еще мальчикомъ, когда я прежде приходилъ сюда изъ Клазоменъ; а съ тѣхъ поръ уже много прошло времени. Отца же вашего, кажется, зовутъ Перилампомъ?“—„Совершенно такъ, а того—Антифономъ. Но что ты такъ особенно распрашиваешь объ этомъ?“—„Вотъ они“, сказалъ я, „мои сограждане, большіе друзья мудрости и слышали, что этотъ Антифонъ много обращался съ нѣкоимъ Пиѳодоромъ, другомъ Зенона, и часто слышавъ отъ Пиѳодора тѣ разго-

---

[1]) Переводъ сдѣланъ по изданію Шталльбаума: «Parmenides. Cum quatuor libris prolegomenorum. 1839». Слова, означенныя въ переводѣ скобками, поставлены для большей ясности текста и помѣщены въ самомъ переводѣ въ избѣжаніе множества мелкихъ примѣчаній.

воры, которые вели между собою нѣкогда Сократъ, Зенонъ и Парменидъ, помнитъ ихъ". — „Ты правду говоришь", сказалъ онъ. — „Итакъ, мы желаемъ послушать ихъ" (тѣхъ разсужденій).— „И нѣтъ затрудненія, потому что, будучи юношей, онъ особенно занимался этимъ, между тѣмъ, какъ теперь, слѣдуя дѣду своему, съ которымъ онъ одного имени, занимается большею частію искусствомъ верховой ѣзды; если нужно, пойдемъ къ нему; онъ только-что ушелъ отсюда домой, но живетъ близко, въ Мелитѣ". Послѣ такого разговора мы пошли и нашли Антифона отдававшимъ кузнецу узду для починки; когда онъ отошелъ отъ послѣдняго, братья сказали ему, зачѣмъ мы пришли къ нему; онъ узналъ меня, по моему первому путешествію сюда, и привѣтствовалъ. И когда мы просили его изложить намъ тѣ разговоры, онъ сначала медлилъ, — сказалъ, что это дѣло трудное; потомъ, однако, сталъ разказывать.

Пиѳодоръ, такъ сказалъ Антифонъ, говорилъ, что однажды, на большой Панаѳенейскій праздникъ, пришли Зенонъ и Парменидъ. Парменидъ былъ уже очень старый и сѣдой, однако, красивъ лицемъ и видомъ; ему было около 65 лѣтъ; Зенону же тогда было лѣтъ около 40; онъ былъ высокаго роста и пріятной наружности; говорили [1]), что онъ былъ любимецъ Парменида. Они зашли, говорилъ онъ, къ Пиѳодору въ Керамикѣ, внѣ стѣнъ; сюда пришелъ также и Сократъ и съ нимъ многіе другіе, желавшіе послушать сочиненій Зенона, потому что онѣ тогда въ первый разъ были принесены ими (Парменидомъ и Зенономъ); Сократъ же былъ тогда еще очень молодъ. Читалъ имъ самъ Зенонъ; Парменидъ же былъ внѣ дома, и уже очень немного оставалось изъ читаемаго, какъ вошелъ самъ Пиѳодоръ, какъ говорилъ онъ, и съ нимъ Парменидъ и Аристотель, бывшій однимъ изъ тридцати, и кое-что не многое изъ сочиненія еще слышали; впрочемъ, самъ онъ еще прежде слушалъ Зенона.

Выслушавъ все, Сократъ велѣлъ снова прочитать первое положеніе первой книги, и когда было прочитано, сказалъ: „Какъ, Зенонъ, ты говоришь это, — если существующее есть многое, то оно должно быть подобное и вмѣстѣ неподобное, а это, конечно, не возможно: потому что неподобное не можетъ быть подобнымъ, ни подобное — неподобнымъ. Не такъ ли ты говоришь?"—„Такъ, сказалъ Зенонъ".— „А если не возможно, чтобы неподобное было подобнымъ, и подобное

---

[1]) Въ текстѣ: καὶ λέγεται αὐτὸν παιδικὰ τοῦ Παρμενίδου γεγονέναι. Но кажется, что это метафорическая фраза, и нельзя понимать ее буквально.

неподобнымъ, тогда не возможно-де и существованіе многаго; ибо если бы существовало многое, оно дѣлало бы невозможное дѣло. То ли это, чего хочетъ твое ученіе? Не другаго чего, какъ спорить противъ всеобщаго мнѣнія, (утверждая), что нѣтъ многаго? И каждое изъ твоихъ разсужденій ты считаешь доказательствомъ этого, такъ что сколько ты написалъ книгъ, столько думаешь дать и доказательствъ того, что нѣтъ многаго? Такъ ли ты говоришь, или я тебя неправильно понимаю?" — „Нѣтъ, ты хорошо понялъ, чего хочетъ все сочиненіе", отвѣчалъ Зенонъ.—„Я замѣчаю, Парменидъ", сказалъ Сократъ, „что Зенонъ желаетъ войдти въ близкую съ тобою дружбу не только во всемъ остальномъ, но и чрезъ это сочиненіе, ибо онъ нѣкоторымъ образомъ написалъ то же, что и ты, но (нѣкоторою) перемѣною пытается обмануть насъ, какъ будто и нѣчто другое говоритъ; ты въ своихъ стихотвореніяхъ утверждаешь, что все есть „одно", и представляешь на это прекрасныя доказательства; а онъ утверждаетъ, что нѣтъ многаго, и также представляетъ многія и значительныя доказательства. (Но) что одинъ принимаетъ „одно", а другой отрицаетъ многое, и каждый говоритъ такъ, что, утверждая это, они какъ будто говорятъ совсѣмъ не одно и то же,—такія ваши слова, видимо, выше нашего пониманія". — „Да, Сократъ", сказалъ Зенонъ", но ты не совсѣмъ уразумѣлъ истинный смыслъ этого сочиненія, и хотя, какъ лаконійскія собаки, отлично преслѣдуешь и отыскиваешь слѣды сказаннаго, но ты обманываешься въ томъ, вопервыхъ, что сочиненіе совсѣмъ не похваляется, такъ что будто написано съ тѣмъ намѣреніемъ, какое ты ему приписываешь, и прикрывается передъ людьми такъ, какъ будто хочетъ произвесть нѣчто великое [1]); ты сказалъ нѣчто, не вытекающее изъ самого дѣла, хотя дѣйствительно это сочиненіе служитъ къ подкрѣпленію ученія Парменида противъ тѣхъ, которые пытаются смѣяться надъ нимъ (по той причинѣ), что, если есть „одно", то выходитъ много смѣшнаго и противорѣчащаго такому ученію; поэтому мое сочиненіе возстаетъ противъ утверждающихъ „многое", обратно даетъ имъ тѣ же и еще большія возраженія, и хочетъ показать, что больше смѣшнаго слѣдуетъ изъ ихъ положенія—„многаго", чѣмъ изъ положенія „одного", если бы кто достаточно изслѣдовалъ это. По влеченію къ этому-то спору, оно было написано мною въ молодыхъ лѣтахъ, и его написанное кто-то (у меня) укралъ, такъ что мнѣ не пришлось рѣшать,

---

[1]) Буквально: какъ будто производитъ нѣчто великое.

должно ли было ему выйдти въ свѣтъ, или нѣтъ. Итакъ, въ этомъ ты обманываешься, Сократъ, полагая, что оно написано не юношею, охотникомъ спорить, но честолюбивымъ старикомъ. Въ остальномъ, какъ я сказалъ, ты не дурно его [1]) истолковалъ".

„Я принимаю это", сказалъ Сократъ, „и (теперь) думаю, что дѣло таково, какъ ты говоришь. Но скажи мнѣ вотъ что̀: не полагаешь ли ты, что есть нѣкоторая существующая сама по себѣ идея подобнаго и потомъ, противоположная такой, другая идея неподобнаго, что въ этихъ двухъ участвуемъ и я, и ты, и прочее, что̀ мы называемъ многимъ? И что вещи, участвующія въ подобномъ, бываютъ подобны такимъ образомъ и на столько участвуютъ; а участвующія въ неподобномъ—неподобны; участвующія въ обоихъ бываютъ и тѣмъ, и другимъ. Что̀ же удивительнаго, если и всѣ предметы, какъ участвующіе въ обѣихъ одна другой противуположныхъ (идеяхъ), чрезъ это участіе въ обѣихъ бываютъ подобны и неподобны между собою? Вотъ, если бы кто доказывалъ, что̀ само подобное становится неподобнымъ, или неподобное—подобнымъ, это, я думаю, было бы дивно; когда же кто участвующее въ томъ и другомъ признаетъ имѣющимъ то и другое, это нисколько не кажется мнѣ страннымъ, Зенонъ, ни то, если бы кто доказывалъ, что все есть одно, по участію въ одномъ, и оно же самое есть многое, по участію во многомъ; но когда бы утверждалъ, что самое то, что̀ есть одно, — есть многое, а многое — одно, этому ужь я удивился бы. И относительно всего прочаго также; если кто утверждаетъ, что роды и виды сами въ себѣ испытываютъ подобныя противуположныя состоянія,—это было бы достойно удивленія; если же онъ будетъ доказывать, что я есмь одно и многое, что̀ тутъ удивительнаго, когда онъ, желая выставить меня, какъ многое, скажетъ, что я есмь нѣчто различное съ правой и лѣвой стороны, съ передней и задней, также сверху и снизу,—ибо, я думаю, я причастенъ многому; а потомъ (желая показать), что я—одно, онъ, когда бы насъ было семеро, скажетъ, что я составляю между ними одного человѣка и имѣю участіе въ одномъ,—такъ что и то, и другое онъ утверждалъ бы справедливо. Итакъ, если бы кто относительно подобныхъ предметовъ попытался представить одно и многое, какъ то же самое, напримѣръ, камни, дерево и т. п., мы скажемъ, что онъ показываетъ одно и многое, какъ то же самое, а не то, что одно

---

[1]) ἀπεικάσαι значитъ или понять, или выразить понятое. Въ словѣ «истолковать» совмѣщаются оба эти значенія.

есть многое и многое—одно, и не утверждаетъ чего-либо страннаго, но то, съ чѣмъ всѣ мы могли бы согласиться. Но если бы, что̀ я сейчасъ говорилъ,—кто-нибудь идеи въ самихъ себѣ, каковы, напримѣръ, подобное и неподобное, многое и одно, стояніе и движеніе и всѣ такія, сначала полагалъ отдѣльными, а потомъ доказывалъ, что онѣ въ самихъ себѣ могутъ смѣшиваться и раздѣляться, — этому, Зенонъ, я совершенно удивился бы. Хотя, по моему мнѣнію, то очень серьезно обсуждено, однако, какъ я сказалъ, я очень удивился бы, если бы кто захотѣлъ показать, что это же самое затрудненіе разнообразно касается идей въ самихъ себѣ и всего постигаемаго мышленіемъ точно также, какъ вы прослѣдили это относительно видимыхъ предметовъ".

Пиѳодоръ самъ думалъ, какъ онъ сказывалъ, что Сократъ, говоря такимъ образомъ, досаждаетъ каждому, и Пармениду, и Зенону; но они очень внимательно слушали его, и улыбаясь, часто взглядывали другъ на друга, какъ-бы удивляясь Сократу. И когда онъ пересталъ говорить, Парменидъ сказалъ: „Какой похвалы достоинъ ты, Сократъ, за твою ревность къ изслѣдованіямъ! Но скажи мнѣ, самъ ты такъ различаешь, какъ говоришь, (полагая) извѣстныя идеи, сами по себѣ существующими отдѣльно, а участвующее въ нихъ также отдѣльно? и что? тебѣ кажется, что „подобное само въ себѣ" существуетъ отдѣльно отъ того подобнаго, которое имѣемъ мы, и одно, и многое, и все, что̀ ты теперь слышалъ отъ Зенона?"

— „Я такъ думаю", сказалъ Сократъ. — „И есть такія", сказалъ Парменидъ, „существующія сами по себѣ идеи, какъ напримѣръ, справедливаго, прекраснаго, добраго и всего подобнаго?" — „Да", сказалъ онъ. — „Что же, и идея человѣка существуетъ отдѣльно отъ насъ и всего такого же, каковы и мы, — сама въ себѣ идея человѣка, огня, воды?" — „Дѣйствительно, Парменидъ, я часто", сказалъ онъ, „находился въ недоумѣніи относительно этихъ предметовъ, — должно ли разсуждать о нихъ также, какъ и о тѣхъ, или иначе".— „И относительно этихъ предметовъ, которые могли бы показаться смѣшными, какъ напримѣръ, волосъ, грязь, кало или другое что̀ самое презрѣнное и худое, ты также сомнѣваешься, Сократъ, утверждать ли, что есть идея и каждаго изъ этихъ предметовъ, отдѣльная отъ этихъ упомянутыхъ нами вещей, или нѣтъ"? — „Отнюдь нѣтъ, но онѣ и существуютъ, (только) какъ эти, которыя мы видимъ; думать, что есть идея такихъ вещей, было бы странно; впрочемъ,

меня уже нѣкогда безпокоила [1]) мысль, не существуетъ ли идея и каждой вещи. Остановясь на этомъ (предположеніи), я потомъ обратился въ бѣгство, боясь, чтобы какъ-нибудь не впасть въ бездонную пустоту и не погибнуть; итакъ, я пришелъ къ тѣмъ предметамъ, о которыхъ мы говорили, что они имѣютъ идеи, и занимаюсь разсмотрѣніемъ ихъ".

„Но ты еще молодъ, Сократъ", сказалъ Парменидъ, „и любовь къ мудрости еще не объяла тебя такъ, какъ она плѣнитъ тебя, по моему мнѣнію, тогда, когда ни которую изъ этихъ вещей ты не будешь считать презрѣнною; теперь же, по причинѣ своей молодости, ты еще смотришь на мнѣнія людей. Скажи же мнѣ теперь вотъ что: тебѣ кажется, какъ-ты говоришь, что есть извѣстныя идеи, имя которыхъ получаютъ всѣ прочія участвующія въ нихъ вещи, какъ напримѣръ, участвующее въ идеѣ подобнаго бываетъ подобнымъ, участвующее въ идеѣ великаго — великимъ, въ идеѣ красоты и справедливости — справедливымъ и прекраснымъ". — „Совершенно такъ", сказалъ Сократъ. — „Теперь, каждое участвующее участвуетъ ли во всей идеѣ, или въ части ея? или, кромѣ этихъ, есть еще какое-нибудь иное участіе?" — „Какое же могло бы быть?" сказалъ онъ. — „Итакъ тебѣ кажется, что идея, будучи одно, въ каждомъ изъ многаго находится вся? или какъ?" — „Что препятствуетъ ей, Парменидъ, находиться въ нихъ?" сказалъ Сократъ.

— „Тогда она, какъ составляющая одно и то же самое, вся будетъ находиться въ одно время во многихъ отдѣльныхъ предметахъ, и такимъ образомъ, была бы отдѣлена отъ самой себя. — „Нѣтъ бы" [2]), сказалъ Сократъ — „если такъ точно, какъ день, хотя онъ одинъ и тотъ же, однако, есть вездѣ и ничуть не раздѣляется самъ съ собою, — если также и каждая идея одновременно будетъ во всемъ, оставаясь тою же самою одною". — „Хорошо, Сократъ", сказалъ онъ, „у тебя то же самое одно заразъ находится повсюду, какъ напримѣръ, если бы, распростерши надъ многими людьми парусъ, ты утверждалъ, что одно цѣлое — надъ многими. Не это ли ты думаешь сказать?" — „Можетъ быть", сказалъ онъ. — „Такъ весь ли парусъ былъ бы на каждомъ,

---

[1]) Буквально: «не то ли же самое и относительно всего». Но при своей неопредѣленности, такая фраза могла бы быть при чтеніи поставлена въ прямую связь съ ближайшими предыдущими словами и давала бы уже такой смыслъ: «не то ли же самое и о всѣхъ вещахъ», то-есть, что онѣ не имѣютъ идей.

[2]) Нѣтъ бы (вм. не была бы) нерѣдко употребляется нами въ отвѣтахъ, и кажется совершенно соотвѣтствуетъ здѣсь греческому οὐκ ἄν.

или часть его одна была бы надъ однимъ, другая надъ другимъ?" — „Часть". — „Слѣдовательно, Сократъ, и самыя идеи дѣлимы, и участвующее участвовало бы въ части ихъ, и въ каждомъ предметѣ находилась бы не вся идея, но часть ея". — „Такъ, по крайней мѣрѣ, оказывается". „И такъ, Сократъ, захочешь ли утверждать, что идея, будучи одно, на самомъ дѣлѣ дѣлится въ насъ на части и при этомъ будетъ еще одна?"

— „Никоимъ образомъ", отвѣчалъ онъ. — „Смотри теперь", сказалъ онъ, „если само великое ты раздѣлишь на части, и каждый изъ многихъ великихъ предметовъ будетъ великимъ посредствомъ части, меньшей самого великаго, — развѣ не выйдетъ это противорѣчіемъ?" — „Совершенно", сказалъ онъ. — „Какъ опять? каждая вещь, принявъ маленькую часть равнаго, будетъ ли равна чему-нибудь, когда она заключаетъ въ себѣ то, что̀ меньше самого равнаго?" [1]) — „Не возможно". — „Но пусть кто-нибудь изъ насъ имѣлъ бы часть въ маломъ, само малое будетъ больше ея, какъ своей части; и такимъ образомъ само малое сдѣлается большимъ, а то самое, къ чему взятая (отъ малаго) часть будетъ приложена, сдѣлается меньшимъ, а не большимъ". — „Этого не могло бы быть", сказалъ онъ. — „Какимъ же образомъ, Сократъ, прочія вещи будутъ у тебя участвовать въ идеяхъ, если онѣ не могутъ участвовать ни въ частяхъ ихъ, ни въ цѣлыхъ?" — „Клянусь Зевесомъ, сказалъ онъ, опредѣлить это отнюдь не кажется мнѣ легко". — „Что̀ же однако? какъ ты вотъ объ этомъ думаешь?" — „О чемъ?" — „Мнѣ кажется, что каждую идею ты считаешь за одно по слѣдующей причинѣ: когда многіе какіе-нибудь предметы тебѣ кажутся великими, то передъ тобою въ то время, какъ ты смотришь на все это, можетъ быть, является нѣкоторый одинъ образъ великаго [2]), почему ты и считаешь великое за одно". — „Правду ты говоришь", сказалъ онъ. — „Что же, если такимъ взоромъ ума ты будешь смотрѣть на все, то само великое и все прочее великое не явится ли въ свою очередь снова какъ великое, въ силу

---

[1]) Буквально: каждое, принявши малую часть равнаго, будетъ ли имѣть что-нибудь такое, посредствомъ котораго, хотя оно (которое) и меньше самого равнаго, могло бы, имѣя это, быть чему-нибудь равно.

[2]) Ὅταν πόλλ' ἄττα μεγάλα σοι δόξῃ εἶναι, μία τις ἴσως δοκεῖ ἰδέα ἡ αὐτὴ εἶναι ἐπὶ πάντα ἰδόντι. Мѣстоимѣніе ἡ αὐτὴ указываетъ на свойство упомянутыхъ выше предметовъ, величность ихъ, и могло бы быть замѣнено словомъ αὐτῶν или τούτων, — ἰδέα τούτων, то-есть, μεγάλων, почему я и перевелъ: является нѣкоторый одинъ образъ «великаго».

котораго все то должно являться великимъ?"—„Кажется".—„Итакъ, подлѣ самого великаго и участвующаго въ немъ явится еще другая идея великаго, а сверхъ ихъ, опять другая, по которой все это будетъ великимъ. И каждая идея уже не будетъ у тебя одна, но безконечное множество ихъ".—„Но, Парменидъ", сказалъ Сократъ, „не есть ли каждая изъ этихъ идей — мысль, и не надлежитъ ли ей находиться не въ другомъ какомъ-либо мѣстѣ, какъ въ душѣ? Тогда каждая была бы одна, и съ нею не могло бы быть того, что̀ сейчасъ говорилось". — „Что же? каждая мысль — одно, но развѣ мысль ни о чемъ?" — „Это не возможно", сказалъ Сократъ. — „Но о какомъ-нибудь предметѣ?" — „Да". — „О существующемъ или не существующемъ?" — „О существующемъ". — „Не о такомъ ли объ одномъ, что мышленіе мыслитъ, какъ находящееся во всемъ, какъ нѣкоторую одну идею?" — „Это опять необходимо такъ оказывается". — „Итакъ что же", сказалъ Парменидъ, „если ты утверждаешь, что „прочее" [1]) участвуетъ въ идеяхъ, то не должно ли тебѣ казаться, что или каждая вещь есть мысль и мыслитъ все, или что хотя есть мысль, но не мыслитъ". — „Это не имѣетъ и смысла", сказалъ онъ; „но, Парменидъ, всего болѣе дѣло представляется мнѣ такимъ образомъ: *эти идеи суть какъ-бы образцы для природы*, а все прочее подобно имъ и копіи ихъ; и это участіе прочаго въ идеяхъ не иное, какъ то, что *вещи сходны съ ними*". — „А если", сказалъ Парменидъ, „что-нибудь подобно идеѣ, то возможно ли, чтобы и эта идея не была съ подобнымъ ей сходна на столько, на сколько то подобно ей? Или есть какая-нибудь возможность, чтобы подобное не было съ подобнымъ сходно?" — „Нѣтъ". — „Итакъ, не совершенно ли необходимо, чтобы подобное съ подобнымъ участвовало въ одной и той же идеѣ?" — „Необходимо". — „Но то, чрезъ участіе въ чемъ то и другое подобное дѣлается подобнымъ [2]),—не будетъ ли само идеей?"—„Совершенно такъ".—„Слѣдовательно, не возможно, чтобы что-нибудь было подобно идеѣ, или идея чему-нибудь другому; а иначе подлѣ идеи всегда явится другая идея, и если послѣдняя чему-нибудь подобна, явится еще идея, и непрестанно будетъ происходить всегда новая

[1]) Подъ «прочимъ» здѣсь разумѣется чувственный міръ.

[2]) Ὅυ δ' ἂν τὰ ὅμοια μετέχοντα ὅμοια ᾖ, ὀυκ ἐκεῖνο ἀυτὸ τὸ εἶδος. Здѣсь множественное число τά ὅμοια указываетъ на два предыдущіе «подобные» предмета: на «подобное» идею, и «подобное» предметъ. Въ русскомъ переводѣ множественное число давало бы не совсѣмъ ясный смыслъ, и потому оно обозначено здѣсь выраженіемъ: «то и другое подобное», о которыхъ говорилось выше.

идея, если бы идея была подобна участвующему въ ней". — „Совершенно вѣрно ты говоришь". — „Слѣдовательно, не посредствомъ подобія участвують въ идеяхъ прочіе предметы, но нужно искать чего-нибудь другаго, черезъ что они участвують". — „Такъ выходитъ" [1]). „Итакъ видишь, Сократъ", сказалъ онъ, „*какія затрудненія*, если кто принимаетъ существующія сами по себѣ идеи?" — „И очень". — „Итакъ знай, что ты еще, такъ-сказать, и не почувствовалъ, какія *затрудненія*, *если каждую идею*, *принимая какъ одно*, *всегда будешь отдѣлять ее отъ вещей*" [2]). — „Какія же?" спросилъ онъ. — „Многія и разныя", сказалъ онъ; „самое же большее слѣдующее: если бы кто сталъ утверждать, что и невозможно знать, таковы ли идеи, каковыми онѣ должны быть по нашимъ словамъ, то утверждающему это никто не могъ бы показать, что онъ заблуждается; развѣ что опровергающій его былъ бы свѣдущъ во многомъ, не лишенъ былъ бы дарованій и хотѣлъ бы слѣдовать за разсуждающимъ, когда бы тотъ издалека и многія приводилъ доказательства; но (и тогда) утверждающій, что идеи не познаваемы, остался бы не убѣжденнымъ". — „Почему же такъ, Парменидъ?" сказалъ Сократъ. — „Потому я думаю, Сократъ, что ты и всякій другой, принимающій для каждой вещи саму по себѣ существующую сущность, *призналъ бы* прежде всего, *что въ насъ нѣтъ никакой изъ нихъ*". — „Потому что какимъ бы образомъ тогда существовала она сама по себѣ?" сказалъ Сократъ. — „Прекрасно ты говоришь", отвѣчалъ онъ; „такимъ образомъ тѣ идеи, которыя, по своей природѣ, имѣютъ отношеніе другъ къ другу, относятся по своей сущности къ самимъ себѣ, а не къ тому, что у насъ, къ подобіямъ ли ихъ, или кто опредѣлитъ это иначе какъ-нибудь, — по участію въ чемъ мы называемся разными именами. И въ свою очередь, тѣ предметы, которые у насъ, и одноименны съ тѣми

---

[1]) Переводить ἔοικε словомъ «кажется» не вездѣ удобно. Здѣсь очень часто отвѣтомъ ἔοικε выражается до ясности представившійся выводъ изъ посылокъ и заключеній говорящаго, и тогда оно будетъ соотвѣтствовать нашему: «такъ выходитъ», «такъ оказывается».

[2]) Подлинное выраженіе тутъ не ясно: εἰ ἓν εἶδος ἕκαστον τῶν ὄντων ἀεί τι ἀφοριζόμενος θήσεις. Можетъ быть, текстъ переданъ не совсѣмъ вѣрно; но я старался сдѣлать яснымъ въ русскомъ выраженіи тотъ смыслъ, который оно должно заключать, по связи съ предыдущею и особенно со всею послѣдующею рѣчью Парменида, переводя по этому τῶν ὄντων словомъ «вещи» и поставивъ его въ зависимость отъ ἀφοριζόμενος. Шталльбаумъ, Астъ, Мюллеръ — всякій по своему переводитъ это мѣсто.

(идеями), имѣютъ (взаимное) отношеніе къ самимъ себѣ, а не къ идеямъ, и бываютъ принадлежностью въ отношеніи къ самимъ себѣ, а не къ нимъ, носящимъ то же имя". — „Что именно ты говоришь?" сказалъ Сократъ. — „Если, напримѣръ", сказалъ Парменидъ, „кто-нибудь изъ насъ есть господинъ или рабъ кого-нибудь, то онъ рабъ, конечно, не господина въ самомъ себѣ, но того, что̀ выражаетъ понятіе господина; и господинъ есть господинъ не раба въ самомъ себѣ, что̀ онъ есть по самому понятію, но то и другое — отношеніе человѣка къ человѣку. Господство же въ самомъ себѣ имѣетъ отношеніе къ рабству въ самомъ себѣ, что̀ оно есть по своему понятію; и равнымъ образомъ рабство — рабство въ самомъ себѣ, по отношенію къ господству въ самомъ себѣ. Но это, что̀ у насъ, не имѣетъ вліянія на то, ни то — на насъ; но, какъ я говорю, то, что̀ есть само въ себѣ, и отношеніе имѣетъ къ тѣмъ предметамъ, самимъ въ себѣ; равно и находящіяся у насъ относятся (только) къ самимъ себѣ. Или тебѣ не понятно, что̀ я говорю?" — „Совершенно понимаю", отвѣчалъ Сократъ. „Поэтому и знаніе", сказалъ онъ, „знаніе само въ себѣ [1]) не будетъ ли знаніемъ истины самой въ себѣ?" — „Да, конечно". — „Потомъ, каждое изъ знаній будетъ ли знаніемъ каждаго, что̀ есть само въ себѣ, или нѣтъ?" — „Да". — „Съ другой стороны, наше знаніе не есть ли знаніе той истины, которая у насъ, и потомъ, каждое наше знаніе не будетъ ли знаніемъ каждаго у насъ существующаго?" — „Необходимо". — „А самыхъ идей, какъ ты соглашаешься, мы не имѣемъ и не возможно, чтобы онѣ были у насъ". — „Конечно, нѣтъ". — „Роды же въ самихъ себѣ познаются черезъ идею знанія самого въ себѣ?" — „Да". — „А мы ея не имѣемъ". — „Не имѣемъ". — „Итакъ, мы не познаемъ никакой идеи, потому что мы не причастны знанію самому въ себѣ". — „Такъ выходитъ". — „Слѣдовательно, для насъ не познаваемо ни прекрасное само въ себѣ, ни доброе, ни все, что̀ мы принимаемъ за существующія сами по себѣ идеи". — „Такъ кажется". — „Посмотри еще вотъ и на то, что̀ еще страннѣе этого". — „Что̀ это?" — „Согласился ли бы ты, или нѣтъ, что если есть родъ знанія самого въ себѣ, оно многимъ совершеннѣе, чѣмъ наше знаніе? Равнымъ образомъ и красота, и все другое?" — „Да". — „И если что-нибудь участвуетъ въ знаніи самомъ въ себѣ,

---

[1]) Словомъ: «само въ себѣ» переведено здѣсь греческое ὅ ἐστι. При буквальныхъ выраженіяхъ русская рѣчь заключала бы много тождесловія и была бы некрасива.

не утверждалъ ли бы ты, что, кромѣ Бога, никто не обладаетъ болѣе совершеннѣйшимъ знаніемъ?" — „Необходимо такъ". — „Теперь, въ свою очередь, можетъ ли Богъ, обладающій знаніемъ самимъ въ себѣ, знать находящееся у насъ?" — „Почему же нѣтъ?" — „Потому, Сократъ", сказалъ Парменидъ, „что, какъ признали мы, ни тѣ идеи на находящееся у насъ не имѣютъ того вліянія, которымъ онѣ обладаютъ, ни то, что есть у насъ, не имѣетъ отношенія къ тѣмъ, но каждыя изъ нихъ къ самимъ себѣ". — „Да, мы въ этомъ согласились".— „Такимъ образомъ, если у Бога есть это совершеннѣйшее владычество и это совершеннѣйшее знаніе, то ни господство ихъ никогда не имѣло бы силы надъ нами, ни вѣдѣніе ихъ не знало бы насъ, ни чего-либо другаго, находящагося у насъ; но равнымъ образомъ, и мы властію нашею не господствуемъ надъ ними, и нашимъ знаніемъ не знаемъ ничего изъ божественнаго; и на этомъ основаніи, опять, они не наши властители, и, хотя боги, не знаютъ дѣлъ человѣческихъ".— „Но не очень ли странно было бы", сказалъ Сократъ, „если бы ктонибудь отнималъ у Бога знаніе?" — „Въ самомъ дѣлѣ, Сократъ", сказалъ Парменидъ,—„къ этому и многому другому, сверхъ того, необходимо ведутъ идеи, если есть эти идеи существующаго, и если ктонибудь будетъ опредѣлять каждую, какъ нѣчто само по себѣ, такъ что слушающій это будетъ недоумѣвать и спорить, что нѣтъ такихъ, или если непремѣнно есть, то необходимо не познаваемы для человѣческой природы. И утверждающій это будетъ думать, что онъ говоритъ нѣчто (дѣльное), и онъ, какъ мы недавно сказали, удивительно какъ не разубѣдимъ. И только богато одаренному мужу свойственно уразумѣть, что для каждаго (предмета) есть родъ и сущность сама въ себѣ, а еще болѣе отличному, чтобы нашелъ и могъ убѣдить другаго, достаточно выяснивъ все это". — „Я соглашаюсь съ тобою, Парменидъ", сказалъ Сократъ, „потому что ты говоришь совершенно по моей мысли". — „Но, Сократъ", сказалъ Парменидъ, „если бы, въ свою очередь, кто-нибудь въ отношеніи всего, теперь сказаннаго, и прочаго подобнаго не допускалъ въ самомъ дѣлѣ, что есть идеи вещей, и не установлялъ бы идеи каждаго предмета, то такой не допускающій, что есть идея каждой вещи, какъ всегда тожественная съ собою, не будетъ знать, куда направить мысль свою, и такимъ образомъ совершенно уничтожитъ возможность разсужденія. Мнѣ кажется, что тобою это и очень почувствовано". — „Справедливо ты говоришь", сказалъ онъ. — „Итакъ, что же ты будешь дѣлать относительно философіи? Куда обратишься, когда относительно этого такія недоумѣ-

нія?" [1]).—„Въ настоящее время, какъ вижу, я не совершенно осмотрѣлся".—„Это оттого, Сократъ", сказалъ онъ, „что очень рано, безъ предварительнаго упражненія, пытаешься опредѣлить, что̀ есть прекрасное и справедливое, и доброе, и каждая отдѣльная идея. Это я замѣтилъ и прежде, слышавъ, какъ ты здѣсь разсуждалъ съ Аристотелемъ. Знай—твердо, прекрасно и божественно это рвеніе твое къ изысканіямъ; но пока ты еще молодъ, напрягись и болѣе упражняйся въ кажущейся безполезною болтовнѣ, какъ называетъ это толпа; если же не такъ, то убѣжитъ отъ тебя истина".—„Какой же это родъ упражненія, Парменидъ?"—„Тотъ, который ты слышалъ у Зенона", сказалъ онъ; „впрочемъ, я выражалъ ему свое удивленіе о тебѣ, когда ты сказалъ, что не допустилъ бы, чтобы обращали вниманіе (только) на видимые предметы и блуждали около нихъ, но на то, что могъ бы кто-нибудь изыскать преимущественно умомъ и принять за идею".—„Потому что", сказалъ онъ, „тогда (въ противномъ случаѣ) нисколько не трудно, мнѣ кажется, доказать, что существующее причастно подобному и неподобному, и другому чему".—„И совершенно вѣрно", сказалъ онъ; „но при этомъ ты долженъ еще вотъ что̀ дѣлать, желая лучше упражняться: если предполагаютъ что-либо существующимъ, то взвѣшивай не только то, что̀ слѣдуетъ изъ такого предположенія, но также и то, если эта же вещь предполагается не существующею".—„Что именно ты говоришь?" спросилъ онъ.—„Когда, напримѣръ" [2]), сказалъ онъ, „касательно выставленнаго Зенономъ положенія ты хочешь разсмотрѣть, что въ томъ случаѣ, если есть „многое", должно слѣдовать для самого „многаго" въ отношеніи его къ себѣ самому и къ „одному", и что для „одного", какъ въ отношеніи его къ себѣ самому, такъ и ко „многому". И если, напротивъ, нѣтъ „многаго", также должно смотрѣть, какія будутъ изъ этого слѣдствія, и для одного и для многаго, въ отношеніи ихъ къ себѣ самимъ и другъ къ другу. И потомъ, если бы кто полагалъ, что есть „подобное", или что нѣтъ его,—что̀ будетъ слѣдовать изъ каждаго предположенія и для самого предположеннаго и для прочаго, въ отношеніи ихъ къ себѣ самимъ и другъ къ другу. И относительно „неподобнаго" то же изслѣдованіе, и относительно движенія, и стоянія, происхожденія и исчезновенія, и самаго бытія и небытія; однимъ

[1]) Буквально: когда это не познаваемо, не извѣстно.

[2]) Это придаточное предложеніе имѣетъ соотвѣтствующее себѣ главное не далѣе, впереди себя, не стоитъ въ зависимости отъ предыдущихъ словъ Парменида.

словомъ, что̀ бы ни полагалъ кто-нибудь, какъ существующее, или не существующее, или находящееся въ другомъ какомъ-либо состоянiи, должно усматривать, какiя изъ этого слѣдствiя къ этому самому, къ каждому изъ прочаго отдѣльно, что̀ бы ни взялъ, и въ отношенiи къ очень многому и ко всему. И это прочее опять (должно разсмотрѣть) въ отношенiи къ нему самому и къ другому, какое каждый разъ ни выбралъ и предположилъ ли бы то, что̀ принимаешь, какъ существующее, — если совершеннымъ упражненiемъ хочешь основательно изслѣдовать истину". — „Ты предлагаешь трудное занятiе, Парменидъ", сказалъ онъ, „и я не совершенно постигаю его; но почему ты, взявъ какое-нибудь положенiе, не пройдешь его передо мною самъ, чтобы я лучше понялъ это?" — „Великiй трудъ возлагаешь ты, Сократъ, на меня въ такiе годы". — „Но почему ты, Зенонъ", сказалъ Сократъ, „не изложишь намъ чего-нибудь?" И Зенонъ улыбнувшись сказалъ: „Мы должны, Сократъ, просить объ этомъ самого Парменида; потому что не легко было бы то, что̀ онъ говоритъ. Или ты не видишь, какое дѣло назначаешь? И еслибы здѣсь насъ было много, то не слѣдовало бы просить, потому что неблагоразумно [1]) было бы передъ многими говорить о такомъ дѣлѣ, и особенно находящемуся въ такомъ возрастѣ, ибо не знаетъ толпа, что безъ этого черезъ все идущаго изысканiя и обслѣдованiя нельзя достигнуть истины и прiобрѣсти умъ. Итакъ и я, вмѣстѣ съ Сократомъ, прошу тебя, Парменидъ, чтобы и самому мнѣ, послѣ долгаго времени, послушать тебя".

Антифонъ говорилъ, что послѣ того, какъ Зенонъ сказалъ это, Пиѳодоръ также сказалъ, что и онъ, а также Аристотель и другiе, просятъ Парменида показать имъ (образчикъ), что̀ онъ сталъ бы говорить, — и не отказываться отъ этого. Парменидъ сказалъ: „Итакъ, я долженъ повиноваться, хотя кажется, мнѣ выпало то же, что̀ коню Ивика. Этотъ — сравнивая себя съ искуснымъ въ состязанiяхъ, но состарѣвшимся конемъ, который будучи запряженъ въ колесницу, долженъ выдержать борьбу и дрожитъ, зная по опыту предстоящее, — сказалъ, что такъ и онъ самъ, будучи столь старымъ, противъ воли понуждается на любовь. Также и я, мнѣ кажется, вспомнивъ это,

---

[1]) ἀπρεπῆ не значитъ «неблагоразумно», но соотвѣтственное ему слово «неприлично» въ теперешнемъ русскомъ языкѣ употребляется въ смыслѣ «непристойно, не хорошо», тогда какъ ἀπρεπῆ въ этомъ мѣстѣ значитъ: «нецѣлесообразно, неумѣстно, не кстати». Слѣдовательно, могло бы быть переведено словомъ «неприлично» въ томъ значенiи, въ которомъ оно употреблялось въ прошломъ столѣтiи.

очень боюсь, какъ мнѣ, въ такихъ лѣтахъ, переплыть такое множество рѣчей. Однакоже, долженъ сдѣлать въ угоду вамъ, такъ какъ и Зенонъ велитъ, а (притомъ) мы одни здѣсь. Итакъ, откуда же начнемъ, и какое положеніе сначала поставимъ? Или, если вздумали начать эту трудную игру, вы хотите, чтобы я началъ съ себя самого и своего положенія о самомъ „одномъ", сдѣлавъ изслѣдованіе, какія будутъ слѣдствія, если существуетъ „одно" или „не одно". — „Да, именно", сказалъ Зенонъ. — „Итакъ, кто будетъ мнѣ отвѣчать?" сказалъ онъ. „Не тотъ ли, который всѣхъ моложе? Потому что такой всего менѣе былъ бы требователенъ и отвѣчалъ бы всего скорѣе то, что̀ онъ думаетъ; а вмѣстѣ и для меня его отвѣтъ былъ бы отдохновеніемъ". — „Я готовъ отвѣчать, Парменидъ", сказалъ тогда Аристотель; „потому что, называя самаго молодаго, ты разумѣешь меня. Итакъ спрашивай, я буду отвѣчать". — „Пусть будетъ такъ", сказалъ Парменидъ. „Если есть „одно", то не было ли бы одно многимъ? *Ар.* Какъ же это могло бы быть? *П.* Итакъ, оно не должно ни имѣть частей, ни быть цѣлымъ. *Ар.* Почему такъ? *П.* Вѣдь часть есть часть цѣлаго? *Ар.* Да. *П.* Что̀ же такое цѣлое? Не должно ли быть цѣлымъ то, у котораго не достаетъ ни которой изъ (его) частей? *Ар.* Совершенно такъ. *П.* Слѣдовательно, въ томъ и другомъ случаѣ, „одно" состояло бы изъ частей, и какъ цѣлое, и какъ имѣющее части. *Ар.* Необходимо. *П.* Такимъ образомъ, въ обоихъ случаяхъ, „одно" было бы многимъ, а не однимъ. *Ар.* Справедливо. *П.* А вѣдь должно быть одно, а не многое. *Ар.* Да. *П.* Слѣдовательно, если одно есть одно, то оно не будетъ ни цѣлымъ, ни состоять изъ частей. *Ар.* Конечно, нѣтъ. *П.* Слѣдовательно, если оно не имѣетъ никакихъ частей, оно не могло бы имѣть ни начала, ни конца, ни середины, потому что они были бы уже его части? *Ар.* Справедливо. *П.* Но конецъ и начало составляютъ предѣлъ каждой вещи. *Ар.* Какъ же иначе? *П.* Слѣдовательно, „одно" безгранично, если оно не имѣетъ ни начала, ни конца? *Ар.* Безгранично. *П.* А слѣдовательно, и безъ образа; потому что не могло бы участвовать ни въ кругломъ, ни въ прямомъ. *Ар.* Какимъ образомъ? *П.* Да вѣдь круглое есть то, крайнія части котораго находятся въ равномъ разстояніи отъ середины. *Ар.* Да. *П.* И прямое то, середина котораго на прямой линіи къ концамъ его [1]).

---

[1]) Мюллеръ переводитъ: «и прямое то, середина котораго покрываетъ оба конца его». Но это — математическое опредѣленіе, и въ обыкновенной рѣчи на столько темно, что самъ Мюллеръ къ своему переводу долженъ былъ сдѣлать пояснительное примѣчаніе.

Ар. Такъ. *П.* Слѣдовательно, одно имѣло бы части и было бы многимъ, еслибъ имѣло видъ прямаго или круглаго. *Ар.* Совершенно такъ. *П.* Значитъ, оно не прямое и не круглое, такъ какъ и частей не имѣетъ. *Ар.* Справедливо. *П.* А будучи такимъ, оно и не могло бы быть гдѣ-нибудь,—ни въ другомъ, ни въ самомъ себѣ. *Ар.* Какъ такъ? *П.* Находясь въ другомъ, оно вокругъ охватывалось бы тѣмъ, въ чемъ находилось бы, и во многихъ мѣстахъ касалось бы его многими частями; но невозможно, чтобы „одно", не имѣющее частей и (формы) круга, соприкасалось съ кругомъ во многихъ мѣстахъ. *Ар.* Невозможно. *П.* Но и находясь въ самомъ себѣ даже, оно обнимало бы самого себя, хотя было бы и не другимъ чѣмъ, какъ самимъ собою,—если дѣйствительно находилось бы въ самомъ себѣ; ибо невозможно, чтобы что-нибудь могло находиться въ томъ, что не окружаетъ его. *Ар.* Да, невозможно. *П.* Поэтому разнилось бы окружающее отъ окружаемаго, потому что одно и то же цѣлое не можетъ быть вмѣстѣ обоимъ — и страдающимъ, и дѣйствующимъ; и такимъ образомъ, „одно" уже не было бы одно, но два. *Ар.* Конечно. *П.* Слѣдовательно „одно" не находится нигдѣ—ни въ самомъ себѣ, ни въ другомъ. *Ар.* Да. *П.* Смотри теперь, можетъ ли оно, будучи такимъ, стоять или двигаться? *Ар.* Почему же нѣтъ? *П.* Потому что движущееся или перемѣняло бы свое мѣсто, или измѣнялось бы, ибо это—единственныя движенія. *Ар.* Да. *П.* Но измѣняясь въ самомъ себѣ, „одно" не можетъ уже быть однимъ. *Ар.* Не можетъ. *П.* Слѣдовательно, оно не имѣетъ движенія чрезъ измѣненіе. *Ар.* Очевидно, нѣтъ. *П.* Но такимъ образомъ черезъ перемѣну мѣста? *Ар.* Можетъ быть. *П.* Но если „одно" передвигалось бы, то оно или обращалось бы кругомъ въ самомъ себѣ, или перемѣняло бы одно мѣсто на другое. *Ар.* Необходимо. *П.* Теперь, вращаясь кругомъ, оно должно стоять въ центрѣ и имѣть различныя отъ себя части, обращающіяся вокругъ середины; но есть ли возможность, чтобы не имѣющее ни середины, ни частей вращалось какъ-нибудь вокругъ центра? *Ар.* Совершенно нѣтъ. *П.* А не передвигается ли оно, переходя съ одного мѣста на другое, и не движется ли именно этимъ образомъ? *Ар.* Если въ самомъ дѣлѣ, такимъ образомъ. *П.* Не оказалось ли бы невозможнымъ, чтобы оно находилось въ чемъ-нибудь? *Ар.* Да. *П.* Слѣдвательно, еще болѣе не возможно, чтобы оно появлялось въ чемъ-нибудь. *Ар.* Я не понимаю, какимъ образомъ? *П.* Если что вступаетъ во что-нибудь, то не необходимо ли, что вступающее не находится еще въ немъ, и не совсѣмъ внѣ его, если уже показывается въ немъ.

Ар. Необходимо. *П*. Слѣдовательно, если это могло бы случиться съ чѣмъ-нибудь, то съ тѣмъ только, что имѣетъ части; тогда одна часть его могла бы уже быть въ томъ, а въ другомъ въ то же время внѣ его; но то, что не имѣетъ частей, никоимъ образомъ не можетъ находиться цѣлымъ и внутри, и вмѣстѣ внѣ его. *Ар*. Справедливо. *П*. И то, что не имѣетъ частей, не есть цѣлое, не еще ли менѣе имѣетъ возможности проходить куда-нибудь, если оно не можетъ вступать туда ни цѣлымъ, ни частями? *Ар*. Очевидно. *П*. Такимъ образомъ оно не движется, ни поступая впередъ и достигая чего-нибудь, ни вращаясь въ самомъ себѣ, неизмѣняясь. *Ар*. Выходитъ, что нѣтъ. *П*. Слѣдовательно, „одно"—неподвижно по каждому роду движенія? *Ар*. Неподвижно. *П*. Но мы также считаемъ невозможнымъ, чтобы оно находилось въ чемъ-нибудь? *Ар*. Да, мы такъ утверждаемъ. *П*. Слѣдовательно, оно никогда не находится и въ „томъ же самомъ". *Ар*. Почему же? *П*. Потому что, находясь въ томъ, въ чемъ оно есть, оно находилось бы въ немъ уже какъ „въ томъ же самомъ". *Ар*. Совершенно такъ. *П*. Но ни въ самомъ себѣ, ни въ другомъ оно не можетъ находиться. *Ар*. Да, не можетъ. *П*. Слѣдовательно, „одно" никогда не находится въ „томъ же самомъ". *Ар*. Выходитъ, что нѣтъ. *П*. Но никогда не находясь въ „томъ же самомъ", оно не покоится и не стоитъ [1]). *Ар*. Да, это невозможно. *П*. Такимъ образомъ, какъ оказывается, „одно" ни стоитъ, ни движется. *Ар*. По крайней мѣрѣ такъ выходитъ. *П*. И не будетъ тожественнымъ ни съ другимъ, ни съ самимъ собою; а съ другой стороны, не будетъ отличнымъ ни отъ самого себя, ни отъ другаго. *Ар*. Какимъ же образомъ? *П*. Будучи различнымъ въ самомъ себѣ, оно отличалось бы отъ „одного" и не было бы одно. *Ар*. Справедливо. *П*. Будучи же тожественнымъ съ другимъ, оно стало бы тѣмъ (другимъ), а не самимъ собою, такъ что оно теперь не было бы тѣмъ, что оно есть „однимъ", но отличнымъ отъ „одного". *Ар*. Да, не было бы. *П*. Слѣдовательно, оно не будетъ тожественно съ другимъ или различно съ самимъ собою. *Ар*. Не будетъ. *П*. Съ другой стороны, оно не будетъ различнымъ отъ другаго,

---

[1]) Смыслъ этого мѣста такой: выше было показано, что «одно не можетъ находиться ни въ самомъ себѣ, ни въ другомъ, слѣдовательно, не можетъ находиться «въ чемъ — либо». На этомъ положеніи основывается доказательство противъ возможности движенія, именно: находясь «въ чемъ-либо», оно находилось бы въ немъ, какъ «въ томъ же самомъ»; но что, не находясь «въ чемъ-либо», не находится и «въ томъ же самомъ», и прежде всего «на томъ же самомъ мѣстѣ», — то никогда не покоится и не стоитъ.

пока оно одно, потому что не свойственно этому одному быть различнымъ отъ чего-нибудь, а (возможно это) только различному отъ различнаго; другому же — ничему (не свойственно это). *Ар.* Справедливо. *П.* Слѣдовательно, „одно" по той причинѣ, что оно одно, не будетъ различнымъ? Или какъ ты думаешь? *Ар.* Конечно, не будетъ. *П.* Но если по этой причинѣ, то и само черезъ себя не будетъ различно; если и чрезъ себя нѣтъ, то оно и не заключаетъ различія въ самомъ себѣ; и такимъ образомъ, не будучи различнымъ само въ себѣ, ни отъ чего не будетъ различно. *Ар.* Справедливо. *П.* И также не будетъ тожественно съ самимъ собою. *Ар.* Почему же нѣтъ? *П.* Существенное свойство „одного" не будетъ однако такимъ же свойствомъ и „того же самаго". *Ар.* Отчего же? *П.* Потому, что если что̀ дѣлается тожественнымъ съ чѣмъ-нибудь, то оно становится не однимъ. *Ар.* Но чѣмъ же въ самомъ дѣлѣ? *П.* Ставъ тожественнымъ со многимъ, ему необходимо быть многимъ, а не однимъ. *Ар.* Справедливо. *П.* Но если бы „одно" и „то же самое" нисколько не различались между собою, то всякій разъ, когда что-нибудь становилось бы „тѣмъ же самымъ", тогда бы дѣлалось и „тѣмъ же самымъ". *Ар.* Совершенно такъ [1]). *П.* Слѣдовательно, если „одно" будетъ тожественно съ самимъ собою, то не будетъ уже одно съ самимъ собою, то и такимъ образомъ, будучи одно, не будетъ однимъ. *Ар.* Но это, конечно, невозможно. *П.* Значитъ, и „одному" невозможно быть различнымъ отъ другаго, или тожественнымъ съ самимъ собою. *Ар.* Не возможно. *П.* Такимъ образомъ, теперь „одно" не будетъ различнымъ или тожественнымъ ни съ самимъ собою, ни съ другимъ. *Ар.* Дѣйствительно нѣтъ. *П.* И конечно, не будетъ ни подобнымъ, ни неподобнымъ ни съ самимъ собою, ни съ другимъ. *Ар.* Почему? *П.* Потому, что „подобное" — одинаковыхъ свойствъ съ „тѣмъ же самымъ". *Ар.* Да. *П.* Но оказалось, что „то же самое" по природѣ своей отлично отъ „одного". *Ар.* Да, оказалось. *П.* И еслибы „одно" приняло свойства чего-нибудь другого, кромѣ бытія „одного", то оно было бы причастно бытію бо̀льшаго, чѣмъ одно, а это невозможно. *Ар.* Да. *П.* Слѣдовательно, „одно" никакимъ образомъ не тоже-

[1]) Примѣнительно къ нашему языку это будетъ значить, что въ понятіи, выражаемомъ словомъ «то же самое», лежитъ уже указаніе на предварительное сличеніе двухъ или нѣсколькихъ предметовъ, или свойствъ; поэтому слова «то же самое» и понятіе, ими выражаемое, всегда указываютъ на множественность, слѣдовательно, заключаетъ Парменидъ, по изысканіямъ разума нельзя признать, чтобы «одно» (недѣлимое) было тожественно съ самимъ собою.

ственно ни съ самимъ собою, ни съ другимъ. *Ар*. Очевидно, нѣтъ. *П*. Слѣдовательно, невозможно ему и быть подобнымъ ни другому, ни себѣ самому. *Ар*. Такъ выходитъ. *П*. И различному также не подлежитъ „одно"; потому что въ этомъ случаѣ оно было бы больше, чѣмъ одно. *Ар*. Да, больше. *П*. И конечно, подлежащее различію съ самимъ собою или съ другимъ, было бы неподобно себѣ или другому, если дѣйствительно „то же самое" и „подобное" — одинаковыхъ свойствъ. *Ар*. Справедливо. *П*. Поэтому и одно никакимъ образомъ, какъ оказалось, не подлежащее различному, никоимъ образомъ не уподобляется ни себѣ самому, ни другому. *Ар*. Конечно, нѣтъ. *П*. Слѣдовательно, „одно" не будетъ ни подобно, ни неподобно ни себѣ самому, ни другому. *Ар*. Очевидно, нѣтъ. *П*. А будучи именно такимъ оно не будетъ ни равнымъ, ни неравнымъ ни себѣ самому, ни другому. *Ар*. Какимъ же образомъ? *П*. Будучи равнымъ, оно было бы одной и той же мѣры съ тѣмъ, чему было бы равно. *Ар*. Да. *П*. А будучи бо́льшимъ или меньшимъ того, съ чѣмъ оно соизмѣримо, оно будетъ заключать больше мѣръ сравнительно съ меньшимъ, и меньше—сравнительно съ бо́льшимъ. *Ар*. Да. *П*. Съ чѣмъ же несоизмѣримо [1]), то будетъ содержать меньшія мѣры сравнительно съ однимъ и бо́льшія сравнительно съ другимъ. *Ар*. Какъ же иначе? *П*. Итакъ, вѣдь невозможно, чтобы не причастное „тому же самому" было „того же самаго" размѣра, или содержало бы какія-нибудь другія „тѣ же самыя" мѣры? *Ар*. Невозможно. *П*. Поэтому, не будучи того же самаго размѣра, не будетъ равно ни себѣ самому, ни другому. *Ар*. Очевидно, что нѣтъ. *П*. Но если бы содержало мѣръ больше или меньше, то и частей содержало бы столько, сколько мѣръ; и такимъ образомъ уже не было бы „одно", но столько, сколько именно мѣръ. *Ар*. Справедливо. *П*. И еслибы оно было одной (какой-нибудь) мѣры, то было бы равно этой мѣрѣ; но это оказалось невозможно, чтобы оно было равно чему-нибудь. *Ар*. Да, оказалось. *П*. Такимъ образомъ, если оно не причастно ни „одной" мѣрѣ [2]), ни большему, ни

---

[1]) Какъ на примѣръ несоизмѣримыхъ предметовъ, Мюллеръ указываетъ на разносторонній прямоугольный треугольникъ. Гипотенуза и катеты представляютъ несоизмѣримыя между собою линіи, которыя приблизительно относятся, какъ $1 : \sqrt{2}$, но точное отношеніе которыхъ не можетъ быть опредѣлено никакими, ни цѣлыми, ни дробными, числами.

[2]) Буквально: «если оно не причастно ни «одной» мѣрѣ, ни многимъ, ни малымъ». Но болѣе точное выраженіе, очевидно, должно быть то, которое дано въ переводѣ.

меньшему количеству ихъ, если вообще не причастно „тому же самому", то естественно оно не будетъ равно ни себѣ, ни другому, а также не будетъ больше или меньше ни себя самого, ни другого. *Ар.* Совершенно такъ. *П.* Что же? Кажется ли возможнымъ, чтобы „одно" было старше или моложе, или одинаковаго возраста съ чѣмъ-нибудь? *Ар.* Почему же нѣтъ? *П.* Потому что, еслибы оно имѣло одинъ и тотъ же возрастъ съ чѣмъ-нибудь, то подлежало бы равенству и подобно времени, въ чемъ, какъ мы сказали, „одно" не участвуетъ, — ни въ равенствѣ, ни въ подобіи. *Ар.* Да, мы это говорили. *П.* И что не причастно также ни неподобію, и неравенству,— и это утверждали мы. *Ар.* Да, конечно. *П.* Какъ же теперь возможно, чтобы, будучи таковымъ, оно было старше или моложе, или того же самаго возраста съ чѣмъ-нибудь? *Ар.* Никоимъ образомъ. *П.* Слѣдовательно, „одно" не могло бы быть старше или моложе, или одинаковаго возраста ни съ самимъ собою, ни съ другимъ? *Ар.* Очевидно, нѣтъ. *П.* Итакъ, могло ли бы оно и во времени существовать, если бы таково было? Существующее во времени не должно ли постоянно становиться старѣе самого себя? *Ар.* Необходимо. *П.* И старшее всегда есть старѣйшее противъ младшаго? *Ар.* Какъ же иначе? *П.* Слѣдовательно, становясь старше самого себя, оно вмѣстѣ становится и моложе самого себя, если дѣйствительно будетъ имѣть (у себя) что-нибудь, что становится старѣе. *Ар.* Что именно ты говоришь? *П.* Вотъ что: одно отъ другого не должно „*становиться*" различнымъ, когда уже оно различно, но „*быть*" такимъ, если оно уже различно; отъ того, что сдѣлалось различнымъ, должно „быть сдѣлавшимся" различнымъ, и „сдѣлаться" такимъ по отношенію къ тому, что само „будетъ" такимъ; а по отношенію къ тому, что „становится" различнымъ, должно „становиться" такимъ, и никакъ не иначе,—ни „быть", ни „быть сдѣлавшимся" различнымъ, ни „сдѣлаться" такимъ. *Ар.* Необходимо такъ. *П.* А старѣйшее есть нѣчто различное именно отъ того, что моложе, и ни отъ чего другаго? *Ар.* Конечно. *П.* Слѣдовательно, необходимо, чтобы, дѣлаясь старѣе самого себя, оно вмѣстѣ дѣлалось моложе себя? *Ар.* Такъ выходитъ. *П.* Но по времени (всего своего возраста) оно не должно быть ни продолжительнѣе, ни короче самого себя, но равно себѣ—и какъ становящееся, и какъ настоящее, и прошедшее и имѣющее быть. *Ар.* Необходимо и это такъ. *П.* Слѣдовательно, необходимо, какъ оказывается, чтобы каждое, что есть во времени и участвуетъ въ немъ, имѣло одинъ и тотъ же возрастъ съ самимъ собою, и вмѣ-

стѣ, было бы также старѣе и моложе себя. *Ар.* Кажется. *П.* Но между тѣмъ „одно" не было причастно никакому изъ этихъ состояній. *Ар.* Да, не было. *П.* Поэтому оно не причастно и времени и не находится въ какомъ-нибудь времени. *Ар.* Дѣйствительно нѣтъ, какъ изслѣдованіе показываетъ. *П.* И что еще? Не кажется ли, что (слова): „было", „сдѣлалось", „становилось"[1]) указываютъ на участіе во времени, нѣкогда бывшемъ? *Ар.* И очень. *П.* Что же далѣе? (Слова): „будетъ", „сдѣлалось", „будетъ становиться" не указываютъ ли на участіе во времени, имѣющемъ быть потомъ? *Ар.* Да. *П.* Слова же: „есть", „становится" — не указываютъ ли на время настоящее? *Ар.* Совершенно такъ. *П.* Если, напримѣръ, „одно" никакимъ образомъ не участвуетъ въ какомъ-либо времени, то оно не сдѣлалось когда-то, не становилось, не было, но теперь не сдѣлалось, не дѣлается, не есть; ни послѣ не будетъ дѣлаться, не сдѣлается, не будетъ. *Ар.* Совершенно такъ. *П.* Могло ли бы что-нибудь участвовать въ бытіи другимъ какимъ-либо образомъ, кромѣ такого? *Ар.* Нѣтъ. *П.* Слѣдовательно, „одно" никакимъ образомъ не участвуетъ въ бытіи? *Ар.* Оказывается, что нѣтъ. *П.* Слѣдовательно, „одно" совсѣмъ не существуетъ. *Ар.* Очевидно, нѣтъ. *П.* И не такъ, что оно есть „одно"; потому что тогда было бы уже существующимъ и участвующимъ въ бытіи; но какъ оказывалось, „одно" не есть одно, не существуетъ оно, если давать вѣру этому изслѣдованію. *Ар.* Такъ кажется. *П.* Но (если) что не существуетъ, то могло ли бы что-нибудь быть у этого не существующаго или принадлежать ему? *Ар.* Какъ же могло бы? *П.* Поэтому для него нѣтъ ни имени, ни слова, ни какого-нибудь знанія, ни познаванія, ни мнѣнія. *Ар.* Очевидно, нѣтъ. *П.* Слѣдовательно, оно не именуется, нельзя о немъ ни говорить, ни имѣть мнѣніе, ни знать, ни примѣчать за нимъ что-либо, какъ существующее. *Ар.* Разумѣется, нѣтъ. *П.* Но возможно ли, чтобы относительно „одного" это было такъ? *Ар.* По моему мнѣнію, нѣтъ.

Н. Златоустовскій.

---

[1]) Русскій языкъ не въ состояніи удачно выразить всѣ оттѣнки этихъ формъ прошедшаго, настоящаго и будущаго времени греческаго глагола.

ПАРМЕНИДЪ.

ДІАЛОГЪ ПЛАТОНА[1].

II.

П. Итакъ, не хочешь ли, чтобы мы снова пошли отъ перваго положенія, не явится ли предъ нами, при этомъ возвращеніи, нѣчто другое? *Ар*. Конечно, я желаю этого. *П*. Итакъ, если „одно" есть, не утверждаемъ ли мы, что слѣдуетъ разъяснить, какія будутъ заключенія въ отношеніи къ нему самому,—не такъ ли? *Ар*. Да. *П*. Разсмотри теперь сначала: если „одно" *есть*, возможно ли, чтобъ оно было, въ существованіи же не участвовало? *Ар*. Это не возможно. *П*. И такимъ образомъ будетъ „бытіе" „одного", не тожественное съ „однимъ", потому что иначе оно не было бы бытіемъ этого („одного"), ни это „одно" не участвовало бы въ томъ (бытіи), но было бъ одно и то же сказать: одно есть и одно — одно. Теперь же должно смотрѣть на слѣдствіе не изъ того положенія, если „одно" есть одно, но — „если „одно" существуетъ". Не такъ ли? *Ар*. Конечно, такъ. *П*. Итакъ слово „есть" означаетъ нѣчто другое, чѣмъ „одно"? *Ар*. Необходимо. *П*. Слѣдовательно, еслибы кто сказалъ вообще, что „одно" есть, будетъ ли это выраженіе (означать) нѣчто другое, какъ то, что „одно" участвуетъ въ бытіи? *Ар*. Совсѣмъ нѣтъ. *П*. Будемъ теперь говорить снова, что̀ будетъ слѣдовать, *если „одно" есть*. Смотри-же, это положеніе не указываетъ ли необходимо на такое „одно", которое имѣетъ части? *Ар*. Какимъ образомъ? *П*. Слѣдующимъ: если „есть" говорится о „существующемъ" одномъ, и „одно" говорится объ одномъ бытія, „бытіе" же и „одно" не тожественны и, между тѣмъ, относятся къ тому самому нашему положенію: „одно есть", то не необходимо ли, чтобъ это самое „одно существующее"

[1]) *Окончаніе*. См. *Журн. Мин. Нар. Просв*. апрѣльскую книжку 1873 г.

было цѣлымъ, а „бытіе“ и „одно“ были бы его частями? *Ар.* Необходимо. *П.* Теперь, будемъ ли каждую изъ этихъ частей называть только частію, или же часть должно назвать частію цѣлаго? *Ар.* Цѣлаго. *П.* И слѣдовательно, цѣлое есть то, что есть одно и имѣетъ части? *Ар.* Безъ сомнѣнія. *П.* Итакъ что? Каждая изъ этихъ частей „существующаго одного“,—именно, „бытіе“ и „одно“,—*бываютъ ли* другъ безъ друга, — „одно“ безъ своей части — „бытія“, или „бытіе„ безъ своей части—„одного“? *Ар.* Этого не могло бы быть. *П.* Поэтому, опять, и каждая изъ частей содержитъ „одно“ и „бытіе“, и часть является снова состоящею, по меньшей мѣрѣ, изъ двухъ частей; и на этомъ основаніи то, что сдѣлалось бы частію, всегда будетъ содержать эти двѣ части, ибо „одно“ всегда соединено съ „бытіемъ“ и бытіе съ однимъ, такъ что, каждый разъ становясь двумя, уже по необходимости не можетъ быть одно. *Ар.* Совершенно такъ. *П.* Не было ли бы, такимъ образомъ, „существующее одно“ безграничнымъ множествомъ? *Ар.* Такъ, по крайней мѣрѣ, выходитъ. *П.* Посмотри теперь еще и такимъ образомъ. *Ар.* Какъ? *П.* Не утверждаемъ ли мы, что „одно“ участвуетъ въ бытіи, чрезъ что и существуетъ? *Ар.* Да. *П.* И чрезъ это именно, „одно“ явилось многимъ. *Ар.* Такъ. *П.* Что же? само „одно“, о которомъ мы говоримъ, что оно участвуетъ въ бытіи, если мы будемъ представлять его въ мысли, какъ существующее само по себѣ,—безъ того, въ чемъ, какъ мы говорили, оно участвуетъ, — будетъ ли оно одно только, или оно же самое будетъ и многимъ? *Ар.* Одно, я думаю. *П.* Посмотримъ, однако: „бытіе“, необходимо должно быть различнымъ отъ него, и оно само нѣчто различное, если „одно“ не есть „бытіе“, но, какъ „одно“, только участвуетъ въ „бытіи“. *Ар.* Необходимо. *П.* Итакъ, если „бытіе“ и „одно“ различны, то „одно“ есть нѣчто различное отъ „бытія“, не потому, что оно — „одно“, и бытіе различно отъ „одного“ не потому, что оно—„бытіе“, но чрезъ „различное и другое“ они различны между собою. *Ар.* „Конечно, такъ. *П.* „Такъ что „различное“ не тожественно ни съ „однимъ“, ни съ „бытіемъ“. *Ар.* Какъ могло бы? *П.* Что же? еслибъ мы выбрали изъ нихъ, что хочешь, или „бытіе“ и „различное“, или „бытіе“ и „одно“, или „одно“ и „различное“,— не беремъ ли мы при каждомъ выборѣ то, что по справедливости можно назвать словомъ: „оба“? *Ар.* Какимъ образомъ? *П.* Слѣдующимъ: можно сказать: бытіе? *Ар.* Можно. *П.* И опять, можно сказать: „одно“? *Ар.* И это можно. *П.* Итакъ, не каждое ли поименовано? *Ар.* Да. *П.* И если я говорю „бытіе“ и „одно“, — развѣ

(названы) не оба? *Ар.* Конечно, такъ. *П.* И если также называю „бытіе“ и „различное“, или „различное“ и „одно“ и такъ далѣе, — то не говорю ли (о нихъ) въ каждомъ случаѣ: оба? *Ар.* Да. *П.* Но, что правильно называется „оба“, — возможно ли, чтобъ они были оба, но не были два? *Ар.* Не возможно. *П.* Когда же — два, то есть ли какая возможность, чтобы каждое изъ нихъ не было одно? *Ар.* Никакой. *П.* И если каждыя изъ нихъ — по два, то и каждое изъ двухъ былобъ однимъ? *Ар.* Очевидно. *П.* Но если каждое изъ нихъ есть одно, и если какое-нибудь одно соединится съ которымъ-либо сочетаніемъ, — не сдѣлаются ли всѣ вмѣстѣ тремя? *Ар.* Да. *П* И три — нечетъ, а два — четъ? *Ар.* Какъ же нѣтъ? *П.* Что же далѣе? Когда есть два, не необходимо ли, чтобы было и „дважды“, а когда есть три, — „трижды“, если въ двухъ содержится два раза одинъ и въ трехъ — три раза одинъ? *Ар.* Необходимо. *П.* Еслижъ есть два и дважды, не должно ли быть и дважды два; и когда есть три и трижды, не необходимо ли быть и трижды тремъ? *Ар.* Какъ же нѣтъ? *П* Что же еще? Когда есть три и дважды, и два и трижды, не необходимо ли также быть дважды тремъ и трижды двумъ? *Ар.* Совершенно. *П.* Такимъ образомъ, четъ могъ бы увеличиваться въ четное число разъ, и нечетъ — въ нечетное число разъ, и также четъ—въ нечетное число разъ, и нечетъ—въ четное *Ар.* Это такъ. *П.* Если все это такъ, думаешь ли, что остается какое-нибудь число, которое бы не существовало необходимо? *Ар.* Никоимъ образомъ. *П.* Итакъ, если „одно“ есть, необходимо, чтобы было и число. *Ар.* Необходимо. *П.* Но если есть число, тогда должно быть также многое и безграничное множество сущаго. Вѣдь число безгранично по количеству и участвуетъ въ бытіи? *Ар.* Безъ сомнѣнія. *П* Итакъ, если всякое число участвуетъ въ бытіи, не будетъ ли участвовать въ немъ и каждая часть числа? *Ар.* Да. *П.* Слѣдовательно, бытіе раздѣлено между всѣмъ многочисленнымъ существующимъ, и ничто изъ существующаго, ни самое малое, ни самое великое не лишено бытія. Вѣдь не разумно даже и спрашивать объ этомъ? Потому что какъ же, въ самомъ дѣлѣ, бытіе былобъ отдѣлено отъ того, что существуетъ? *Ар.* Никоимъ образомъ. *П.* Поэтому оно раздроблено, сколько возможно, на самыя малыя и великія и всякаго другого рода части существующаго, раздѣлено совершенно между всѣмъ, и части бытія безконечны. *Ар.* Это такъ. *П.* Слѣдовательно, частей бытія столь много, сколько лишь возможно? *Ар.* Конечно, чрезвычайно много. *П.* Что же? есть ли между ними такая, которая хотя есть часть бы-

тія, однакоже, на самомъ дѣлѣ не есть часть? *Ар*. Какъ же это могло бы быть? *П*. Но если есть именно часть, то, я думаю, необходимо, чтобы она всегда, пока она есть, составляла нѣчто одно, и не можетъ быть не однимъ *Ар*. Необходимо. *П*. Такимъ образомъ, „одно“ соединено съ каждою частію бытія, не исключая ни большей, ни меньшей, ни всякой другой. *Ар*. Такъ. *П*. Тогда „одно“, будучи столь многообразнымъ, есть ли вмѣстѣ и цѣлое? Размысли объ этомъ. *Ар*. Я думаю объ этомъ и нахожу, что это невозможно. *П*. Слѣдовательно, оно раздѣлено, если не есть цѣлое, потому что оно не иначе можетъ находиться при всѣхъ частяхъ бытія, какъ будучи раздѣлено *Ар*. Да. *П*. И необходимо также, чтобъ оно было раздѣлено на столько, сколько частей? *Ар*. Необходимо. *П*. Итакъ, мы неправильно недавно говорили, что бытіе раздѣлено на самое большее число частей, потому что оно раздѣлено не больше, чѣмъ „одно“, но какъ кажется, на столько же частей, какъ и „одно“; ибо ни „бытіе“ не отдѣлено отъ „одного“, ни „одно“ отъ „бытія“, но, какъ два, должны быть во всемъ равны. *Ар*. Совершенно такъ оказывается. *П*. Такимъ образомъ, само „одно“ раздроблено чрезъ бытіе на великое и безграничное множество. *Ар*. Очевидно *П*. Слѣдовательно не только „существующее одно“ есть „многое“, но и само „одно“, отдѣльно отъ бытія, необходимо должно быть „многимъ“. *Ар*. Совершенно такъ. *П*. Но впрочемъ потому, что части суть части цѣлаго, „одно“ должно быть ограничено какъ цѣлое. Или части не обнимаются цѣлымъ? *Ар*. Необходимо. *П*. И обнимающее былобъ именно предѣломъ? *Ар*. Какъ же нѣтъ? *П*. Поэтому „одно“ есть и одно, и многое, и цѣлое, и части, и ограниченное, и безпредѣльное по множеству. *Ар*. Очевидно *П*. И, какъ ограниченное, не имѣетъ ли и краевъ? *Ар*. Необходимо. *П*. Что же? если оно есть цѣлое, то не должно ли имѣть начала, и середины, и конца? или можетъ что-либо быть безъ этихъ трехъ? И то, чему не доставало бы котораго-нибудь изъ нихъ, можетъ ли быть еще цѣлымъ? *Ар*. Не можетъ. *П*. Выходитъ, что „одно“ будетъ имѣть и начало, и конецъ, и середину *Ар* Будетъ имѣть *П*. Но середина вѣдь равно удалена отъ оконечностей, потому что иначе не была бы серединой. *Ар*. Конечно, нѣтъ. *П*. А будучи такимъ, „одно“ естественно имѣло бы какой-нибудь видъ, — или прямой, или круглый, или какой-нибудь смѣшанный изъ обоихъ. *Ар*. Да, имѣло бы. *П*. Слѣдовательно, будучи такимъ, не будетъ ли оно находиться и въ себѣ самомъ, и въ другомъ? *Ар*. Какимъ образомъ? *П*. Каждая часть находится въ цѣломъ и ни которая не внѣ цѣ-

лаго. *Ар.* Такъ. *П.* Всѣ же части обнимаются цѣлымъ? *Ар.* Да. *П.* И именно всѣ части его суть „одно", и ни болѣе, ни менѣе, какъ всѣ? *Ар.* Конечно, нѣтъ. *П.* Такимъ образомъ, цѣлое есть и одно? *Ар.* Какъ же нѣтъ? *П.* Итакъ, если всѣ части находятся въ цѣломъ, и съ другой стороны всѣ части составляютъ одно и само цѣлое, цѣлымъ же обнимается все, то „одно" могло бы обниматься „однимъ", и само „одно" находилось бы, такимъ образомъ, въ самомъ себѣ. *Ар.* Очевидно. *П.* А напротивъ, цѣлое не находится въ частяхъ—ни во всѣхъ, ни въ нѣкоторыхъ; ибо еслибъ было во всѣхъ, то необходимо и въ одной. Поэтому, не будучи въ одной какой-либо, оно не могло бы уже быть и во всѣхъ; и если эта есть одна изъ всѣхъ, а цѣлое не находится въ этой одной, то какъ же еще оно будетъ во всѣхъ? *Ар.* Никоимъ образомъ. *П.* Не находится и въ нѣсколькихъ частяхъ; ибо еслибъ цѣлое находилось въ нѣкоторыхъ, то большее было бы въ меньшемъ, а это невозможно. *Ар.* Невозможно. *П.* Но, не будучи ни въ очень многихъ, ни во всѣхъ частяхъ, не должно ли цѣлое необходимо находиться въ чемъ-нибудь различномъ (отъ него), или же нигдѣ не находиться? *Ар.* Необходимо. *П.* Теперь, не будучи нигдѣ, оно было бы ничѣмъ; но такъ какъ оно — цѣлое, то, не будучи въ самомъ себѣ, не должно ли находиться въ другомъ? *Ар.* Совершенно. *П.* Слѣдовательно, по скольку „одно" есть цѣлое, оно находится въ другомъ, а по скольку есть вмѣстилище всѣхъ частей, оно находится въ самомъ себѣ; и такимъ образомъ, „одно" необходимо должно находиться и въ самомъ себѣ, и въ другомъ. *Ар.* Необходимо. *П.* Поэтому, если оно имѣетъ такія свойства, не необходимо ли ему и двигаться, и стоять? *Ар.* Какимъ образомъ? *П.* Оно стоитъ, если находится въ самомъ себѣ, потому что, будучи въ „одномъ" и не выступая изъ него, оно было бы въ „томъ же самомъ",— въ самомъ себѣ. *Ар.* Конечно, такъ. *П.* А что находится всегда въ томъ же самомъ, то необходимо должно всегда стоять. *Ар.* Совершенно. *П.* Что же? а напротивъ находящееся всегда въ другомъ, никогда не должно быть въ томъ же самомъ; не будучи же никогда въ томъ же самомъ, не должно и стоять, а если не стоитъ, не должно ли двигаться? *Ар.* Такъ. *П.* Итакъ необходимо, что „одно", всегда находясь въ самомъ себѣ и въ другомъ, постоянно движется и стоитъ. *Ар.* Очевидно. *П.* И въ такомъ случаѣ, если дѣйствительно ему принадлежитъ все вышесказанное, оно должно быть тожественнымъ съ самимъ собою и различнымъ отъ себя, и также должно быть тожественно и различно съ „прочимъ". *Ар.* Какимъ образомъ? *П.* Вся-

кая вещь относится къ другой слѣдующимъ образомъ: или она — то же самое или различное; если не то же и не различное, то былабъ или частію того, къ чему имѣетъ отношеніе, или цѣлымъ въ отношеніи къ части. *Ар.* Очевидно. *П.* Ужели, теперь, само „одно" есть часть самого себя? *Ар.* Никоимъ образомъ. *П.* И не моглобъ оно быть цѣлымъ по отношенію къ себѣ, какъ къ части, ставъ (тогда) какъ бы частію въ отношеніи къ себѣ самому. *Ар.* Конечно, это не возможно. *П.* Но есть ли „одно" различно отъ „одного?" *Ар.* Совершенно нѣтъ. *П.* Слѣдовательно, и отъ самого себя не могло бы быть различно. *Ар.* Конечно, нѣтъ. *П.* Итакъ, если въ отношеніи къ себѣ самому оно не есть ни другое, ни цѣлое, ни часть, то не необходимо ли, чтобъ оно было тожественно съ самимъ собою? *Ар.* Необходимо. *П.* Какъ же однако? то, что въ другомъ мѣстѣ отъ самого себя, находящагося въ томъ же самомъ себѣ, — не должно ли быть различно отъ себя самого, если оно дѣйствительно будетъ въ другомъ мѣстѣ? *Ар.* По моему мнѣнію, по крайней мѣрѣ, такъ. *П.* Такимъ именно оказалось „одно", если оно вмѣстѣ находится и въ самомъ себѣ и въ другомъ. *Ар.* Да, оказалось. *П.* Поэтому, какъ выходитъ, „одно" было бы различнымъ отъ самого себя. *Ар.* Такъ выходитъ. *П.* Теперь что же? если что-нибудь есть другое по отношенію къ чему-нибудь, не будетъ ли оно различнымъ отъ того, какъ различнаго? *Ар.* Необходимо. *П.* Итакъ, все, что̀ есть не „одно", различно отъ „одного", и „одно" различно отъ всего, что не „одно?" *Ар.* Какъ же нѣтъ? *П.* Поэтому „одно" было бы различнымъ отъ прочаго? *Ар.* Различно. *П.* Смотри теперь: „тоже самое" и „различное" не будутъ ли противоположны другъ другу? *Ар.* Какъ же нѣтъ? *П.* И можетъ ли когда-нибудь „то же самое" находиться въ „различномъ" и „различное" въ „томъ же самомъ?" *Ар.* Не можетъ. *П.* Если, такимъ образомъ, „различное" никогда не будетъ находиться въ „томъ же самомъ", то изъ существующаго нѣтъ ничего, въ чемъ въ какое-либо время есть „различное"; ибо еслибъ оно когда-нибудь находилось въ чемъ-либо, тогда, въ этомъ случаѣ, „различное" было бы „въ томъ же самомъ". Не такъ ли? *Ар.* Такъ. *П.* Но такъ какъ оно никогда не есть въ „томъ же самомъ", то „различное" никогда не могло бы быть въ чемъ-либо изъ существующаго. *Ар.* Справедливо. *П.* Поэтому „различное" не могло бы быть ни въ томъ, что — не „одно", ни въ „одномъ". *Ар.* Конечно, нѣтъ. *П.* Итакъ, посредствомъ „различнаго" „одно" не было бы различно отъ того, что не „одно", и то, что не „одно"—отъ „одного?" *Ар.* Нѣтъ. *П.* И также

чрезъ самихъ себя не были бы различны между собою, такъ какъ не участвуютъ въ „различномъ". *Ар.* Потому что, какъ же? *П.* Если же ни чрезъ себя самихъ не различны, ни чрезъ „различное", то не исчезло ли бы совершенно (ихъ) различіе другъ отъ друга? *Ар.* Исчезло бы. *П.* Но правда также, что „не одно" не участвуетъ въ „одномъ", ибо (иначе) не было бы „не одно", но какъ-нибудь сдѣлалось бы „однимъ". *Ар.* Справедливо. *П.* „Не одно" не было бы также и числомъ, потому что, имѣя число, оно не было бы совершенно „не одно". *Ар.* Конечно, не было бы. *П.* Что же? „Не одно" есть часть „одного?" Но вѣдь, такимъ образомъ, „не одно" участвовало бы въ „одномъ?" *Ар.* Участвовало бы. *П.* Если теперь это есть „одно" а то—„не одно", тогда „одно" не было бы ни частію того, что—„не одно", ни цѣлымъ въ отношеніи къ нему, какъ къ частямъ; и опять „не одно" не суть части „одного", и не цѣлое въ отношеніи къ „одному", какъ къ части. *Ар.* Конечно, нѣтъ. *П.* Но мы говорили, что будетъ между собою тожественнымъ то, что не есть ни части, ни цѣлое, ни различное, въ отношеніи одно къ другому. *Ар.* Да, говорили. *П.* Не должны ли мы, поэтому, сказать, что „одно", находясь въ такомъ отношеніи къ тому, что „не одно", будетъ тожественно съ нимъ? *Ар.* Должны признать. *П.* Поэтому выходитъ, что „одно" есть и различно отъ „прочаго" и самого себя, и тожественно и съ нимъ, и съ самимъ собою. *Ар.* Изъ изслѣдованія, по крайней мѣрѣ, такъ оказывается. *П.* Но есть ли также подобно и неподобно и себѣ самому, и „прочему"? *Ар.* Можетъ быть. *П.* По крайней мѣрѣ, если оно оказалось различнымъ отъ „прочаго", то и „прочее" было бы различно отъ него. *Ар.* Почему же нѣтъ? *П.* И слѣдовательно, оно такъ же различно отъ „прочаго", какъ и „прочее" отъ него, и ни болѣе, ни менѣе? *Ар.* Какъ же иначе? *П.* А если ни болѣе, ни менѣе, то одинаковымъ образомъ. *Ар.* Да. *П.* Итакъ, по скольку оно различно отъ „прочаго", точно также какъ и „прочее" отъ него, по стольку „одно" было бы тожественно съ „прочимъ" и „прочее" съ однимъ. *Ар.* Что именно ты говоришь?. *П.* Вотъ что: не обозначаешь ли ты каждымъ названіемъ что-нибудь? *Ар.* Да. *П.* И что? тоже самое названіе не долженъ ли ты употреблять чаще, чѣмъ одинъ разъ? *Ар.* Да. *П.* Теперь, если ты одинъ разъ называешь имя, обозначаешь то, чему оно служитъ названіемъ, а если часто, тогда уже не то обозначаешь? Или совершенно необходимо, что каждый разъ ты будешь обозначать то же самое, однажды ли, или часто будешь произносить тоже самое названіе? *Ар.* Какъ же нѣтъ? *П.* Теперь, и (слово)

„различное" не есть ли названіе чего-нибудь? *Ар.* Конечно. *П.* Поэтому, когда ты произносишь его, однажды ли или много разъ, то не для обозначенія чего-нибудь другого и не другое называешь, какъ то, чему оно служитъ названіемъ. *Ар.* Необходимо. *П.* Когда, такимъ образомъ, говоримъ, что „прочее" различно отъ одного и одно различно отъ „прочаго", то, дважды назвавъ „различное", мы нисколько не обозначаемъ что-либо другое, но всегда то свойство, которому оно служитъ названіемъ. *Ар.* Да, конечно. *П.* Итакъ, если „одно" различно отъ „прочаго" и „прочее" отъ „одного", то „одно" было бы тожественно съ „прочимъ", въ силу именно того, что ему усвояется то же самое „различное". А то, чему свойственно то же самое, подобно; не такъ-ли? *Ар.* Да. *П.* На томъ именно основаніи, что „одно" различно отъ „прочаго", каждое (изъ нихъ) будетъ и подобно каждому, потому что каждое отъ каждаго различно. *Ар.* Такъ выходитъ. *П.* Однакоже, „подобное, противоположно „неподобному". *Ар.* Да. *П.* А также и „различное" „тому же самому". *Ар.* И это такъ. *П.* Но оказалось также и то, что „одно„ тожественно съ „прочимъ". *Ар.* Да, оказалось. *П.* Но вѣдь это противоположныя состоянія—быть тожественнымъ съ прочимъ и различнымъ отъ прочаго. *Ар.* Совершенно. *П.* Теперь, въ силу того, что различно, оно оказалось подобнымъ. *Ар* Да. *П.* Слѣдовательно, по скольку есть тоже самое, будетъ неподобнымъ, въ силу свойства, противуположнаго тому, которое дѣлаетъ подобнымъ. Вѣдь „различное" дѣлало подобнымъ? *Ар.* Да. *П.* Поэтому, „тоже" будетъ дѣлать неподобнымъ, или оно не будетъ противоположно „различному". *Ар.* Такъ выходитъ. *П.* Слѣдовательно, „одно" будетъ подобно и неподобно „прочему": въ силу различія (съ нимъ) будетъ подобно, а въ силу тожества неподобно. *Ар.* Дѣйствительно, какъ оказывается, имѣетъ и такое отношеніе *П.* Имѣетъ еще и слѣдующее. *Ар.* Какое? *П.* Какъ „то же самое", оно не есть иное; не будучи же инымъ, не есть неподобное, а если не есть неподобное, то—подобно. Но по скольку есть другое, оно будетъ инымъ, будучи же инымъ, есть неподобное. *Ар.* Справедливо говоришь. *П.* Итакъ какъ „одно" и тожественно съ „прочимъ", и различно отъ него, то, въ обоихъ случаяхъ и въ каждомъ порознь, оно будетъ и подобно, и неподобно „прочему". *Ар.* Совершенно. *П.* А такъ какъ оно оказалось различнымъ и отъ себя самого, и тожественнымъ съ собою, то не будетъ ли точно также, въ обоихъ случаяхъ и въ каждомъ порознь, подобно и не подобно и въ отношеніи къ себѣ самому? *Ар.* Необходимо. *П.* Въ какомъ же положеніи находится „одно" относительно

соприкосновенія его съ самимъ собою и „прочимъ", и въ какомъ касательно неприкосновенія? Размысли объ этомъ. *Ар.* Я размышляю. *П.* Именно, оказалось, что „одно" находится въ самомъ себѣ, какъ въ цѣломъ. *Ар.* Вѣрно. *П.* А также, что „одно" находится и въ „прочемъ". *Ар.* Да. *П.* Поэтому, какъ находящееся въ „прочемъ", оно соприкасалось бы съ „прочимъ", а какъ находящееся въ себѣ самомъ, оно не допускало бы соприкосновенія съ „прочимъ", и было бы въ сообщеніи съ самимъ собою, какъ находящееся въ самомъ себѣ. *Ар.* Очевидно. *П.* Такимъ образомъ, „одно" соприкасалось бы съ самимъ съ собою и съ „прочимъ". *Ар.* Соприкасалось бы *П.* Но какъ вотъ это: каждое, что должно прійдти въ соприкосновеніе съ чѣмъ-нибудь, не должно ли лечь подлѣ того, съ чѣмъ должно соприкасаться, и занять мѣсто, которое было бы смежно съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ, если будетъ тутъ лежать, прійдетъ въ соприкосновеніе? *Ар.* Необходимо. *П.* И если, теперь, оно должно прійдти въ соприкосновеніе съ самимъ собою, то должно лежать непосредственно подлѣ себя, занимая мѣсто, смежное съ тѣмъ, гдѣ оно само находится. *Ар.* Да, такъ должно. *П.* Если бы „одно" было двумя, то оно могло бы сдѣлать это и въ одно время находиться въ двухъ мѣстахъ, но пока оно—одно, не можетъ этого? *Ар.* Конечно, нѣтъ. *П.* Итакъ равно необходимо, чтобы „одно" не было ни двумя, ни соприкасалось съ самимъ собою. *Ар.* Равно необходимо. *П.* Но оно не будетъ въ соприкосновеніи и съ „прочимъ". *Ар.* Почему же? *П.* Потому что, какъ утверждали мы, то, что, какъ отдѣльное, будетъ соприкасаться, должно быть подлѣ того, съ чѣмъ должно соприкасаться,—третьяго же между ними ничего не должно быть. *Ар.* Справедливо. *П.* Итакъ, самое меньшее должны быть два, если должно быть соприкосновеніе. *Ар.* Два. *П.* Если же къ двумъ граничащимъ присоединится, подлѣ, третье то будетъ ихъ три, а соприкосновеній—два. *Ар.* Да. *П.* И такимъ же образомъ, съ каждымъ присоединеніемъ будетъ прибавляться и одно соприкосновеніе, и будетъ такъ, что соприкосновеній будетъ однимъ меньше противъ числа (соединившихся) предметовъ; и чѣмъ первые два (соединившіеся предметы) превышаютъ соприкосновеніе—такъ какъ они по числу больше (числа) соприкосновеній,—тѣмъ же самымъ и каждое послѣдующее число (соединяющихся предметовъ) будетъ больше (числа) соприкосновеній; потому что дальше уже, въ одно время, прибавляется одно и къ числу (предметовъ), и одно соприкосновеніе къ соприкосновеніямъ. *Ар.* Вѣрно. *П.* Итакъ, сколько предметовъ по числу, соприкосновеній всегда будетъ однимъ

меньше противъ нихъ. *Ар.* Справедливо. *П.* Но если есть только „одно", а двоицы нѣтъ, то не могло бы быть и соприкосновенія. *Ар.* Какъ могло бы! *П.* Теперь мы утверждаемъ, что „прочее" по отношенію къ „одному" не есть „одно", не участвуетъ въ немъ, если въ самомъ дѣлѣ есть другое. *Ар.* Конечно, нѣтъ. *П.* Слѣдовательно, нѣтъ и числа въ „прочемъ", если не находится въ немъ „одно". *Ар.* Потому что какъ могло бы? *П.* Поэтому, „прочее" не есть ни одно, ни два, и не имѣетъ никакого названія (какого-нибудь) другого числа. *Ар.* Нѣтъ. *П.* Итакъ, „одно" есть только одно и не могло бы быть двойственно. *Ар.* Очевидно, нѣтъ. *П.* Поэтому, нѣтъ и соприкосновенія, когда нѣтъ двухъ. *Ар* Нѣтъ. *П* Слѣдовательно, ни „одно" не приходитъ въ соприкосновеніе съ „прочимъ", ни „прочее" съ „однимъ", если нѣтъ соприкосновенія. *Ар.* Конечно, нѣтъ. *П.* Такимъ образомъ, по всему этому, „одно" и находится въ соприкосновеніи съ „прочимъ" и самимъ собою и не находится. *Ар.* Такъ выходитъ. *П.* Есть ли также оно равное и неравное и себѣ самому, и „прочему"? *Ар.* Какимъ образомъ? *П.* Если бы „одно" было больше или меньше, чѣмъ „прочее", или наоборотъ. „прочее"—больше или меньше „одного",—то это не потому, что „одно" есть одно, а „прочее" — различно отъ „одного", — этими самыми свойствами своего существа онѣ не были бы ни больше, ни меньше другъ друга Но если бы то и другое, при этихъ свойствахъ, имѣли равенство, тогда были бы равны между собою; и если бы „прочее" имѣло великое, а „одно" — малое, или великое принадлежало бы „одному", а малое „прочему", тогда то, которому, посредствомъ идеи, принадлежитъ великое, было бы больше, а которому — малое, — меньше? *Ар.* Необходимо. *П.* Итакъ вѣдь есть эти двѣ идеи, и великое и малое? потому что еслибъ ихъ не было, то онѣ не были бы и противоположны другъ другу и не находились бы въ существующемъ. *Ар.* Ибо какъ могли бы? *П* Теперь, если „малое" находится въ „одномъ", то оно было бы или въ цѣломъ, или въ части его. *Ар.* Необходимо. *П.* Что же? если бы находилось въ цѣломъ, то не было бы распространено, такъ же какъ и „одно", по (всему) цѣлому его, или не обнимало ли бы его? *Ар.* Очевидно. *П.* Слѣдовательно, малое, будучи такимъ образомъ равномѣрно съ „однимъ", не было ли бы равно ему, а обнимая — больше его? *Ар.* Какъ же нѣтъ? *П.* Теперь, возможно ли, чтобы „малое" было „равно" или „больше" чего-нибудь, и дѣлало бы свойственное „великому" и „равному", а не то, что принадлежитъ ему самому? *Ар.* Невозможно. *П.* Поэтому „малое" не

могло бы находиться въ „цѣломъ одномъ", но если гдѣ, то въ части. *Ар.* Да. *П.* И опять не во всей части, иначе оно сдѣлаетъ то, что и въ отношеніи къ цѣлому: всегда будетъ равно или больше той части, въ которой находилось бы. *Ар.* Необходимо. *П.* Итакъ, ни въ чемъ существующемъ малое не будетъ находиться — ни въ части, ни въ цѣломъ; и не будетъ чего-либо малаго, кромѣ самого „малаго". *Ар.* Выходитъ, что нѣтъ. *П.* Не будетъ также въ немъ и „великаго", потому что тогда, кромѣ самаго великаго, должно быть еще нѣчто другое, большее, — то, въ чемъ „великое" находилось бы, и хотя самого „малаго" (въ немъ) нѣтъ, (должно быть въ немъ еще) то, что оно должно превосходить, если оно есть „великое"; а это невозможно, если „малое" ни въ чемъ не находится. *Ар.* Справедливо. *П.* И вѣдь само „великое" больше не другого чего, какъ самаго „малаго", равно и „малое" меньше не другого чего-нибудь, какъ самаго „великаго". *Ар.* Конечно. *П.* Поэтому, ни „прочее" — ни больше, ни меньше, чѣмъ „одно", если оно (прочее) не имѣетъ ни „великаго", ни „малаго", ни сами онѣ (эти идеи), по отношенію къ „одному", не могутъ превышать или быть превышаемы, но только въ отношеніи другъ къ другу; ни „одно", потомъ, не могло бы быть больше или меньше ни этихъ (идей), ни „прочаго", если не имѣетъ ни великаго, ни малаго. *Ар.* Очевидно, нѣтъ. *П.* Итакъ, если „одно" ни больше, ни меньше „прочаго", то не необходимо ли, чтобъ оно не превосходило его, не было превышаемо? *Ар.* Необходимо. *П.* Поэтому, если оно не превышаетъ, не превышается, — совершенно необходимо, чтобъ оно было равномѣрно, а будучи равной мѣры, оно равно. *Ар.* Какъ же нѣтъ? *П.* И „одно въ самомъ себѣ" было бы именно въ такихъ отношеніяхъ къ самому себѣ: не имѣло бы ни великаго, ни малаго, ни превышало бы себя, ни было бы превышаемо, но, находясь въ состояніи равнаго, было бы равно самому себѣ. *Ар.* Совершенно такъ. *П.* Такимъ образомъ, „одно" было бы равно себѣ самому и „прочему". *Ар.* Очевидно. *П.* И однако, будучи въ самомъ себѣ, оно было бы еще и внѣ — вокругъ себя, и, какъ окружающее, было бы больше себя, а какъ окружаемое—меньше. И такимъ образомъ, „одно" было бы и больше, и меньше самого себя. *Ар.* Да, такъ было бы. *П.* Также и то необходимо, что ничего не существуетъ, кромѣ „одного" и „прочаго". *Ар.* Какъ же нѣтъ? *П.* Но, безъ сомнѣнія, то, что всегда существуетъ, должно и находиться въ чемъ-нибудь. *Ар.* Да. *П.* И находящееся въ чемъ нибудь, не будетъ ли находиться какъ меньшее въ большемъ? потому что иначе не могло бы быть

одно въ другомъ. *Ар.* Конечно, нѣтъ. *П.* А такъ какъ ничего нѣтъ, кромѣ „одного“ и „прочаго“, онѣ же должны находиться въ чемъ-нибудь, то не необходимо ли, чтобъ онѣ были „другъ въ другѣ“ — „прочее“ въ „одномъ“ и „одно“ въ „прочемъ“, или же нигдѣ? *Ар.* Очевидно. *П.* Теперь — потому, что „одно“ находится въ „прочемъ“, „прочее“ было бы больше „одного“, какъ обнимающее его, „одно“ же, какъ обнимаемое, было бы меньше „прочаго“; съ другой стороны, такъ какъ „прочее“ находится въ „одномъ“, „одно“ по той же самой причинѣ было бы больше „прочаго“, а „прочее“ меньше „одного“. *Ар.* Такъ выходитъ *П.* Такимъ образомъ „одно“ есть и равно, и больше, и меньше самого себя и „прочаго“. *Ар.* Оказывается. *П.* А если дѣйствительно есть больше и меньше и равно, то состояло бы изъ мѣръ равныхъ, бóльшихъ и меньшихъ въ отношеніи къ себѣ самому и „прочему“, — а если мѣръ, то и частей. *Ар.* Какъ же иначе? *П.* Состоя же изъ мѣръ, равныхъ, большихъ и меньшихъ, оно и числомъ было бы больше и меньше самого себя и „прочаго“, и также равно себѣ самому и „прочему“. *Ар.* Какимъ образомъ? *П.* Чего больше, сравнительно съ тѣмъ и мѣръ имѣло бы больше, а сколько мѣръ, столько и частей; и чего меньше—такимъ же образомъ; и такъ же, если чему равно. *Ар.* Такъ. *П.* Поэтому, будучи больше и меньше самого себя, и равно себѣ, оно состояло бы изъ мѣръ равныхъ, бóльшихъ и меньшихъ себя? а если мѣръ, то и частей? *Ар.* Почему же нѣтъ? *П.* Итакъ, состоя изъ равныхъ съ собою частей, оно было бы равно себѣ по количеству; состоя изъ бóльшихъ, было бы больше себя, изъ меньшихъ — меньше себя по числу. *Ар.* Очевидно. *П.* Не въ такихъ ли отношеніяхъ будетъ стоять „одно“ и къ „прочему“? — потому что оно оказывается больше его, необходимо должно быть больше и по числу; потому что меньше, — меньше и по числу; потому что является равнымъ по величинѣ, должно быть равно „прочему“ и по количеству? *Ар.* Необходимо. *П.* Такимъ образомъ опять, какъ выходитъ, „одно“ будетъ и равно, и больше, и меньше по числу самого себя и „прочаго“. *Ар.* Такъ будетъ. *П.* Теперь, не участвуетъ ли „одно“, и во времени, не есть ли и не дѣлается ли моложе и старше самого себя и „прочаго“, — и также, участвуя во времени, не есть ли ни моложе, ни старше ни самого себя, ни „прочаго“? *Ар.* Какимъ образомъ? *П.* Если „одно“ существуетъ, конечно принадлежитъ ему бытіе? *Ар.* Да. *П.* А „есть“ — это другое ли что нибудь, какъ участіе бытія во времени настоящемъ, равно какъ „было“ означаетъ об-

щеніе бытія со временемъ прошедшимъ, и потомъ „будетъ"—со временемъ будущимъ? *Ар.* Конечно, такъ. *П.* Поэтому, оно участвуетъ во времени, если участвуетъ въ бытіи. *Ар.* Совершенно. *П.* Слѣдовательно, и во времени текущемъ? *Ар.* Да. *П.* Поэтому, всегда дѣлается старѣе самого себя, если въ самомъ дѣлѣ по времени идетъ впередъ. *Ар.* Необходимо. *П.* Теперь, вѣдь мы помнимъ, что старѣйшее дѣлается старѣе потому, что становится моложе? *Ар.* Помнимъ. *П.* Слѣдовательно, такъ какъ „одно" дѣлается старѣе самого себя, не становилось ли бы оно старѣе въ то время, когда дѣлалось бы моложе? *Ар.* Необходимо. *П.* Такимъ образомъ, оно становится моложе и старѣе самого себя. *Ар.* Да. *П.* Поэтому и не „есть" ли оно старѣе, когда оно становится (такимъ) въ „настоящее время", находящееся между „было" и „будетъ" — потому что, поступая изъ прошедшаго въ будущее, оно никакъ не можетъ миновать „настоящаго". *Ар.* Конечно, нѣтъ. *П.* Итакъ *не перестаетъ* ли тогда дѣлаться старѣе, когда достигаетъ того, что̀ „есть теперь", и когда не „становится", но уже „есть" старѣе? потому[1]) что, какъ (постоянно) поступающее впередъ, оно не могло бы быть удержано „настоящимъ": прогрессирующее имѣетъ, именно, такія отношенія, что соприкасается съ обоими — съ тѣмъ, что̀ есть „теперь", и что̀ есть „потомъ", оставляя настоящее и касаясь будущаго, такъ что становится между обоими тѣмъ, что — „потомъ" и тѣмъ что — „теперь". *Ар.* Справедливо. *П.* Если же все „становящееся" по необходимости не можетъ миновать того, что „есть теперь", то каждый" разъ, когда достигаетъ его, перестаетъ „становиться" и тогда „есть теперь",— то, что бы ни было въ состояніи становленія. *Ар.* Очевидно. *П.* Поэтому и „одно", когда, становясь старѣе, достигаетъ того, что „есть теперь", то перестаетъ „становиться" и уже „есть" старѣе. *Ар.* Конечно, такъ. *П.* Итакъ, старѣе чего „становилось", того и „есть" старѣе. А становилось старѣе самого себя? *Ар.* Да. *П.* А старѣйшее старѣе ли того, что моложе? *Ар.* Да. *П.* Поэтому „одно" „есть" и моложе себя, когда, становясь старѣе, достигнетъ того, что — „есть теперь". *Ар.* Необходимо. *П.* Но „есть" всегда находится при „одномъ" во все время его бытія, потому что оно всегда „есть теперь", когда ни есть. *Ар.* Какъ же нѣтъ? *П.* Слѣдовательно, „одно" и „есть", и „дѣлается" всегда и старѣе, и моложе самого себя. *Ар.* Такъ выходитъ. *П.* Но больше ли себя по времени

[1]) Въ смыслѣ: «а иначе».

„есть“ или „становится“, или есть равное себѣ? *Ар.* Равное. *П.* А если становится или есть равно себѣ по времени, то имѣетъ тотъ же самый возрастъ. *Ар.* Какъ же нѣтъ? *П.* Имѣя же одинъ возрастъ, есть ни старѣе, ни моложе. *Ар.* Конечно, нѣтъ. *П.* Итакъ, „одно“ будучи и становясь равнымъ себѣ по времени, ни „есть“ старѣе или моложе себя, ни „становится“ такимъ. *Ар.* Нѣтъ, по моему мнѣнію. *П.* Что же? и въ отношеніи къ „прочему?“ *Ар.* Я не могу сказать. *П.* Однако, можешь то сказать, что „прочее“, если въ самомъ дѣлѣ оно заключаетъ различныя вещи, а не (одно что-нибудь) различное [1]), — есть больше „одного“; потому что, какъ (одно что-нибудь) различное, оно было бы „одно“, но какъ (составляющее) различныя вещи, оно больше „одного“. *Ар.* Да. *П.* И было бы многимъ. *Ар.* Конечно, было бы. *П.* Будучи же многимъ оно участвовало бы въ числѣ, большемъ одного? *Ар.* Какъ же нѣтъ? *П.* Но что? будемъ ли утверждать, что бóльшія числа происходятъ и произошли прежде, или меньшія? *Ар.* Меньшія. *П.* Самое же меньшее — „первое“; а это есть „одно“. Не такъ ли? *Ар.* Да. *П.* Итакъ изъ всего, имѣющаго число, „одно“ произошло первымъ; но и все прочее имѣетъ число, если „прочее“ въ самомъ дѣлѣ означаетъ различныя вещи, а не (одно что-нибудь) различное. *Ар.* Конечно, имѣетъ. *П.* А происшедшее первымъ, я думаю, произошло ранѣе, „прочее“ же позднѣе; происшедшее же послѣ — моложе того, чтó произошло раньше; и такимъ образомъ „прочее“ было бы моложе „одного“, а „одно“ старѣе „прочаго“. *Ар.* Такъ было бы. *П.* Какъ же вотъ это: могло ли бы „одно“ произойдти противъ своей природы, или это невозможно? *Ар.* Невозможно. *П.* Въ самомъ дѣлѣ, „одно“ оказалось имѣющимъ части; а если части, — то и начало, и конецъ, и середину. *Ар.* Да. *П.* А начало не происходитъ ли прежде всего, и самого „одного“, и каждаго изъ прочаго, — а послѣ начала и все прочее до конца? *Ар.* Какъ же иначе? *П.* И вѣдь мы будемъ утверждать, что все это „прочее“ суть части „одного и цѣлаго“, само же оно (только) вмѣстѣ съ концемъ произошло, какъ „одно и цѣлое“. *Ар.* Конечно, мы должны говорить такъ. *П.* Конецъ же, думаю я, происходитъ послѣ всего, а вмѣстѣ съ нимъ, естественно, происходитъ и „одно“; такъ что, если „одно“ должно происходить не противъ своей натуры, то какъ происшедшее вмѣстѣ съ концемъ, оно по своей природѣ произошло бы позднѣе „прочаго“. *Ар.* Такъ оказывается.

[1]) То-есть, различное по отношенію къ «одному».

П. Слѣдовательно, „одно" моложе „прочаго", „прочее" же старѣе „одного". *Ар*. Что такъ, это опять для меня очевидно. *П*. Что еще? начало или какая-нибудь другая часть „одного" или чего бы то ни было, если въ самомъ дѣлѣ есть часть, а не части, не должна ли, какъ часть, быть однимъ? *Ар* Необходимо. *П*. Итакъ, и вмѣстѣ съ первымъ происходящимъ происходило бы „одно", и вмѣстѣ со вторымъ, и не отставало бы ни отъ чего изъ „прочаго [1]), что бы ни приращалось къ тому, пока, не отставая при происхожденіи ни отъ средняго, ни отъ послѣдняго, ни отъ перваго, ни отъ чего другого, и дойдя до послѣдняго, должно сдѣлаться „цѣлымъ однимъ". *Ар* Справедливо. *П*. Поэтому, „одно" имѣетъ со всѣмъ „прочимъ" тотъ же возрастъ, такъ что, если „одно въ самомъ себѣ" не противорѣчитъ своей природѣ, оно не могло бы произойдти ни прежде, ни послѣ „прочаго", но вмѣстѣ. И по этой причинѣ, „одно" не могло бы быть ни старѣе, ни моложе „прочаго", ни „прочее" — „одного"; по предыдущему же (изслѣдованію) оно и старѣе, и моложе, а также и „прочее" въ отношеніи къ „одному". *Ар*. Совершенно такъ. *П*. Такимъ именно оно „есть" и „произошло"; но что, потомъ, касательно того, „становится" ли оно старѣе и моложе „прочаго" и „прочее" — „одного", и становится ли ни старѣе, ни моложе? въ такихъ ли именно отношеніяхъ будетъ „становленіе" какъ „бытіе", или въ иныхъ? *Ар*. Я не могу сказать. *П*. Но я, по крайней мѣрѣ, то скажу, что если и есть одно другого старѣе, однако, не могло бы становиться еще старѣе, чѣмъ сколько отличалось по возрасту сначала, тотчасъ по происхожденіи, и наоборотъ, будучи моложе—становиться еще моложе; потому равное, придаппое къ неравнымъ (величинамъ), ко времени или другому чему-либо, дѣлаетъ ихъ различными на столько же, на сколько они и сначала различались. *Ар*. Какъ же нѣтъ? *П*. Итакъ, существующее въ отношеніи къ существующему никогда не могло бы становиться ни старше, ни моложе, если всегда одинаково различаются по возрасту; одно есть и сдѣлалось старше, другое моложе, но такими не становятся. *Ар*. Справедливо. *П*. Поэтому, „одно", какъ „настоящее" въ отношеніи къ „прочему настоящему", не становится ни старше, ни моложе. *Ар*. Конечно нѣтъ. *П*. Но посмотри, не становятся ли, такимъ образомъ, старше и моложе? *Ар*. Какъ въ самомъ дѣлѣ? *П*. Потому именно, что „одно" ока-

---

[1]) Буквально: «что бы ни природилось къ чему-нибудь» (то-есть, къ чему-нибудь изъ того, что уже родилось раньше).

залось старѣе „прочаго", и „прочее", — „одного". *Ар*. Какъ же? *П*. Если „одно" есть старѣе „прочаго", то оно сдѣлалось бо̀льшимъ по времени, чѣмъ „прочее". *Ар*. Да *П*. Но смотри опять: если къ большему и меньшему придадимъ по равному времени, тогда равною ли же частію будетъ отличатся большее отъ меньшаго, или меньшею? *Ар*. Меньшею. *П*. Итакъ, чѣмъ сначала отличалось по возрасту „одно" отъ „прочаго", не отличается уже тѣмъ и послѣ; но принимая съ „прочимъ" равное время, всегда будетъ отличаться отъ него менѣе, чѣмъ прежде. Или нѣтъ? *Ар*. Да. *П*. Поэтому, отличающееся отъ чего-нибудь по возрасту менѣе прежняго, не моложе ли, чѣмъ прежде, становилось бы по отношенію къ тому, сравнительно съ чѣмъ прежде было старѣе? *Ар*. Моложе. *П*. Еслижъ оно моложе, тогда наоборотъ—„прочее" не старше ли становилось бы въ отношеніи къ „одному", чѣмъ прежде? *Ар*. Совершенно [1]). *П*. Итакъ, бывшее моложе „становится" старѣе въ отношеніи къ тому, что̀ раньше „было" и „есть" старѣе, — никогда не „есть" старѣе, но всегда „становится" старѣе его, потому что у того возрастаетъ „моложе", а у этого — „старѣе". И наоборотъ, старѣйшее, точно такимъ же образомъ, становится моложе младшаго; потому что, когда уходятъ въ противоположное съ самимъ собою, они должны становиться противоположными и между собою, — младшее (должно становиться) старѣе старшаго, а старшее—моложе младшаго; но они не могли бы „сдѣлаться" (такими), потому что если бы сдѣлались, то уже не становились бы, но „были" бы; теперь же они „становятся" старше и моложе другъ друга,—„одно" становится моложе „прочаго", потому что явилось какъ старшее и происшедшее ранѣе, „прочее" же — старѣе „одного", потому что произошло позднѣе. По той же причинѣ и „прочее" находится въ такомъ же отношеніи къ „одному", потому что оказалось старѣйшимъ его и происшедшимъ ранѣе. *Ар*. Да, это такъ оказывается. *П* Итакъ, съ одной стороны, поелику ни которое не становится ни старше, ни моложе другъ друга,—вслѣдствіе того, что различаются между собою всегда равнымъ числомъ, — ни „одно" не становилось бы ни старѣе, ни моложе „прочаго", ни „прочее" — „одного"; а съ другой стороны, по скольку необходимо, чтобы происшедшее прежде отличалось всегда разною частію отъ

[1]) Это положеніе, противорѣчащее только что высказанному впереди, объясняется тѣмъ, что числа, обозначающія возрастъ «одного» и «многаго», ставятся въ геометрическія отношенія, тогда какъ прежде стояли въ ариѳметическомъ.

позднѣйшаго и позднѣйшее отъ ранняго, на столько же необходимо, чтобы становились старѣе и моложе между собою, — „прочее" въ отношеніи къ „одному" и „одно" въ отношеніи къ „прочему". *Ар.* Конечно, такъ. *П.* По всему этому, „одно" и есть и становится старѣе и моложе себя самого и „прочаго", и также не есть, не становится ни старѣе, ни моложе ни себя самаго, ни „прочаго". *Ар.* Совершенно такъ. *П.* А такъ какъ „одно" участвуетъ во времени и въ томъ, что̀ становится старѣе и моложе, то не необходимо ли должно участвовать и въ прошедшемъ, и въ будущемъ, и въ настоящемъ, если участвуетъ во времени? *Ар.* Необходимо. *П.* Слѣдовательно, „одно" было, есть и будетъ, и становилось, и становится и будетъ становится. *Ар.* Какъ же иначе? *П.* И (тогда) могло бы что-нибудь быть какъ принадлежащее ему и относящееся до него, и это было, и есть, и будетъ. *Ар.* Конечно. *П.* Такимъ образомъ, относительно его могло бы быть и знаніе, и мнѣніе, и познаваніе, если мы и теперь все это дѣлаемъ относительно его. *Ар.* Справедливо говоришь. *П.* И поэтому, для него есть имя и слово, и оно именуется и служитъ предметомъ разсужденія; и все подобное, что̀ принадлежитъ прочему, принадлежитъ и „одному". *Ар.* Это совершенно такъ.

П. Скажемъ теперь еще и третье. Если „одно" таково, какимъ мы его изслѣдовали,—если оно есть одно и многое и также ни одно, ни многое, и участвуетъ во времени, то не необходимо ли, чтобъ „одно" участвовало въ бытіи, по скольку оно есть, и напротивъ, по скольку не есть, не участвовало бы въ бытіи? *Ар.* Необходимо. *П.* Но возможно ли, чтобъ оно не участвовало въ бытіи въ то время, когда участвуетъ, и участвовало, когда не участвуетъ? *Ар.* Невозможно. *П.* Слѣдовательно, въ одно время оно участвуетъ и въ другое не участвуетъ, потому что только такимъ образомъ оно могло бы участвовать и не участвовать въ томъ же самомъ. *Ар.* Вѣрно. *П.* Итакъ, есть время, когда оно участвуетъ въ бытіи, и время, когда отрѣшается отъ него? Развѣ могло бы оно, какимъ нибудь образомъ, то имѣть то же самое, то не имѣть его, если бы не принимало его и не оставляло? *Ар.* Никоимъ образомъ. *П.* Что оно получаетъ участіе въ „бытіи", не называешь ли ты это „становленіемъ"? *Ар.* Да, я такъ называю. *П.* А отрѣшеніе отъ „бытія" не называешь ли изчезаніемъ? *Ар.* Конечно. *П.* Такимъ образомъ, „одно", какъ выходитъ, принимая бытіе и оставляя его, „становится" и „изчезаетъ". *Ар.* Необходимо. *П.* Но такъ какъ „одно" есть и многое, и такъ какъ оно становится

и изчезаетъ, то, когда становится „одно", не изчезаетъ ли бытіе „многаго", и когда—„многое, не исчезаетъ ли бытіе „одного"? *Ар*. Конечно. *П*. Становясь же и „однимъ", и „многимъ", не должно ли необходимо раздѣляться и соединяться? *Ар*. Совершенно. *П*. И также, когда становится подобнымъ и неподобнымъ, не должно ли уподобляться и дѣлаться неподобнымъ? *Ар*. Да. *П*. И когда становится бóльшимъ, и меньшимъ, и равнымъ, то должно увеличиваться, уменьшаться и уравниваться? *Ар*. Такъ. *П*. Но когда оно — движущееся останавливается и стоящее приходитъ въ движеніе, то, конечно, не находится ни въ какомъ времени. *Ар*. Какимъ образомъ? *П*. Чтобы, прежде стоявшее, оно двигалось послѣ, и, прежде двигавшееся, послѣ стояло, — сдѣлать этого оно не можетъ безъ перемѣны. *Ар*. Потому что какъ же? *П*. Вѣдь не существуетъ никакого такого времени, въ которое что нибудь могло бы вмѣстѣ ни двигаться, ни стоять? *Ар*. Конечно, нѣтъ. *П*. Но, конечно, и не перемѣняется безъ перемѣны. *Ар*. Безъ сомнѣнія нѣтъ. *П*. Когда же, теперь, оно перемѣняется? потому что оно не могло бы перемѣняться, ни какъ покоящееся, ни какъ движущееся, ни какъ подлежащее времени. *Ар*. Конечно, нѣтъ. *П*. Итакъ, не есть ли странное тò, въ чемъ оно находилось бы, когда перемѣняется? *Ар*. Что же это именно? *П*. Это—„вдругъ"; потому что „вдругъ" видимо означаетъ нѣчто такое, что изъ него дѣлается перемѣна въ каждое изъ двухъ; ибо нѣтъ еще перемѣны изъ покоя, пока это—покой, ни изъ движенія, пока продолжается еще движеніе; но странная природа этого „вдругъ"—быть между движеніемъ и покоемъ, не подлежа (при этомъ) никакому времени, и посредствомъ ея и изъ нея движеніе переходитъ въ покой и покой въ движеніе. *Ар*. Такъ кажется. *П*. И если, теперь, „одно" дѣйствительно покоится и движется, то оно должно перемѣняться въ каждое изъ двухъ, потому что только такимъ образомъ оно могло бы быть тѣмъ и другимъ. Но, измѣняясь, оно измѣняется вдругъ и (потому) въ то время, какъ измѣняется, не подлежало бы совсѣмъ времени, а также не могло бы ни двигаться, ни покоиться. *Ар*. Конечно, нѣтъ. *П*. Не такимъ ли же образомъ и съ прочими измѣненіями? Когда что-нибудь переходитъ изъ бытія въ небытіе или изъ небытія въ бытіе, тогда оно становится между извѣстнымъ движеніемъ и покоемъ и не имѣетъ ни бытія, ни небытія, ни становленія, ни изчезанія. *Ар*. Такъ выходитъ. *П*. По той же причинѣ, когда „одно" переходитъ во „многое" и „многое" въ „одно", тогда оно не есть ни одно, ни многое, ни раздѣляется, ни соединяется; и при переходѣ изъ „подобнаго" въ „неподобное"

и изъ неподобнаго въ подобное—не есть ни подобное, ни неподобное, не уподобляется и не становится неподобнымъ; также, переходя изъ „малаго“ въ „великое“ и „равное“ и наоборотъ, не могло бы быть ни малымъ, ни великимъ, ни равнымъ, ни прибывать, ни убывать, ни дѣлаться равнымъ. *Ар.* Конечно нѣтъ. *П.* Такимъ образомъ, и эти всѣ состоянія испытывало бы „одно“, если оно существуетъ. *Ар.* Какъ же нѣтъ?

III.

П. Не должны ли мы теперь разсмотрѣть, что̀ прійдется испытывать „прочему“, если „одно“ существуетъ? *Ар.* Нужно разсмотрѣть. *П.* Такъ поговоримъ, что̀ должно испытывать „прочее“, если „одно“ существуетъ. *Ар.* Да, будемъ говорить объ этомъ. *П.* Итакъ, „прочее“, если оно въ самомъ дѣлѣ различно отъ „одного“, не есть и „одно“, потому что иначе не было бы различно отъ „одного“ [1]). *Ар.* Справедливо. *П.* Ни совершенно, однакоже, лишено „одного“, но нѣкоторымъ образомъ участвуетъ въ немъ. *Ар.* Почему же? *П.* Потому, что „прочее“ различно отъ одного, (только) какъ имѣющее части, и если бы не имѣло частей, то совершенно могло бы быть „однимъ“. *Ар.* Вѣрно. *П.* Но мы говоримъ, что части принадлежатъ тому, что было бы „цѣлымъ“. *Ар.* Да, мы утверждали это. *П.* И цѣлое должно быть именно одно, состоящее изъ многаго; части его и будутъ частями, потому что каждая изъ частей должна быть частію не „многаго“, но „цѣлаго“. *Ар.* Какъ это? *П.* Если бы что-нибудь могло быть частію „многаго“, къ которому оно само принадлежитъ, то оно будетъ частію и себя самого, что̀ невозможно, и каждаго „одного“

---

[1]) Греческій текстъ обыкновенно считается здѣсь искаженнымъ, или же фразу οὔτε τὸ ἓν ἐστι τἆλλα считаютъ не полною и оборванною на половинѣ, вслѣдствіе пропуска, сдѣланнаго переписчиками. Для возстановленія правильнаго чтенія сдѣланы были разныя коньектуры, и лучшею изъ нихъ признается предложенная Бутманомъ. Однакожь, я дѣлаю переводъ съ самаго текста въ томъ видѣ, какъ онъ значится во всѣхъ изданіяхъ, и у Шталльбаума, хотя и Шталльбаумъ считаетъ невозможнымъ оставить его безъ поправки. Мнѣ кажется, что слова οὔτε τὸ ἓν ἐστι τἆλλα, которыя должны имѣть соотвѣтствующее себѣ предложеніе, также начинающееся съ οὔτε,—дѣйствительно и имѣютъ его въ дальнѣйшихъ словахъ Парменида, слѣдующихъ тотчасъ за утвердительнымъ ὀρθῶς Аристотеля: οὐδὲ μὴν στέρεταί γε παντάπασι τοῦ ἑνὸς τἆλλα, ἀλλὰ μετέχει πῃ;—такъ что все это составляетъ одну фразу, лишь прерванную Аристотелемъ, подтвердившимъ справедливость и первой половины ея. Правда, что здѣсь второй членъ предложенія соединяется съ первымъ не посредствомъ οὔτε, но οὐδὲ, и въ грамматикахъ такое соединеніе причисляется къ неправильностямъ языка, но оно все-таки бываетъ.

изъ прочаго, если въ самомъ дѣлѣ есть часть и всего „многаго“; потому что, если оно не есть часть „одного“, то, кромѣ его, будетъ принадлежать (только) „прочему“, и такимъ образомъ не будетъ частію каждаго „одного“; не будучи же частію каждаго, не будетъ частію ни котораго изъ „многаго“, а если не есть часть ни котораго, то невозможно, чтобъ оно было чѣмъ-нибудь по отношенію ко всему тому, относительно котораго оно ничего не составляетъ—ни части, ни чего-нибудь другого. *Ар.* Да, это очевидно. *П.* Поэтому, часть могла бы быть частію не „многаго“ или всего, но одной какой-либо идеи, и чего-либо „одного“, которое мы называемъ „цѣлымъ“, изъ всего составившимся въ одно; часть такого была бы частію. *Ар.* Совершенно такъ. *П.* Теперь, если „прочее“ имѣетъ части, то оно участвовало бы и въ „цѣломъ“, и въ „одномъ“. *Ар.* Конечно. *П.* И такъ, „прочее“ должно быть „однимъ“, законченымъ цѣлымъ, имѣющимъ части. *Ар.* Необходимо. *П.* То же самое относительно и каждой части: она необходимо участвуетъ въ „одномъ“, потому что если каждая изъ нихъ есть часть, то каждая означаетъ именно „одно“, отдѣленное отъ прочаго и существующее по себѣ, если въ самомъ дѣлѣ будетъ „каждою“. *Ар.* Справедливо. *П.* И вѣдь ясно, что въ „одномъ“ участвовало бы другое, нежели „одно“, потому что тогда не участвовало бы, но было бы само „одно“; „одному“ же тогда невозможно быть чѣмъ-либо, кромѣ „одного“ — себя самого. *Ар.* Невозможно. *П.* Такъ необходимо, чтобъ и „цѣлое“ и „часть“ участвовали въ „одномъ“; первое составитъ „цѣлое одно“, части котораго суть части, а каждая вторая—„одно“, какъ часть цѣлаго, которое было бы „цѣлымъ“ по отношенію къ (ней, какъ) части. *Ар.* Такъ. *П.* Теперь, участвующее въ „одномъ“ не будетъ ли участвовать, какъ различное отъ него? *Ар.* Какъ же нѣтъ? *П.* Различное же отъ „одного“ было бы многимъ, потому что если бы различное отъ „одного“ не было ни одно, ни больше одного, то оно было бы ничѣмъ. *Ар.* Конечно, ничѣмъ. *П.* А такъ какъ участвующее въ „одномъ“, какъ „части“, и въ „одномъ“, какъ „цѣломъ“, больше одного, то не слѣдуетъ ли необходимо, чтобы участвующее въ „одномъ“ было безпредѣльно въ самомъ себѣ по количеству? *Ар.* Какимъ образомъ? *П.* А вотъ разсмотримъ: то, что есть „не одно“ и не принимаетъ свойствъ „одного“ въ то время, какъ участвуетъ въ немъ, составляетъ нѣчто иное. *Ар.* Ясное дѣло. *П.* И не будетъ ли „многимъ“ то, въ чемъ не есть „одно“? *Ар.* Конечно, „многимъ“. *П.* И что еще? если бы мы захотѣли мысленно отдѣлить отъ такого самое меньшее, что̀ можемъ, то

не необходимо ли, чтобъ и это отдѣленное было множествомъ и не было однимъ, если въ самомъ дѣлѣ не участвуетъ въ „одномъ"? *Ар*. Необходимо. *П*. Итакъ, если смотрѣть такимъ образомъ на природу идеи „различнаго" самой въ себѣ, то не будетъ ли оно безконечно по множеству каждый разъ, что бы изъ принадлежащаго ему мы ни разсматривали? *Ар*. Совершенно такъ. *П*. Но когда часть становится каждою „одною" частію, тогда онѣ имѣютъ уже предѣлъ въ отношеніи другъ къ другу и къ цѣлому, и цѣлое въ отношеніи къ частямъ. *Ар*. Безъ сомнѣнія. *П*. Такимъ образомъ, какъ выходитъ, въ „различномъ" отъ „одного", отъ сообщенія его съ „однимъ", является нѣчто другое, которое ограничиваетъ его въ отношеніи къ своимъ частямъ; по природѣ же, само въ себѣ оно безгранично. *Ар*. Очевидно. *П*. Слѣдовательно, различное отъ "одного" и какъ цѣлое, и какъ части, есть и безпредѣльно, и причастно предѣлу. *Ар*. Совершенно такъ. *П*. Не есть ли оно также подобно и неподобно въ отношеніи къ себѣ самому? [1]) *Ар*. Какимъ образомъ? *П*. По скольку оно безгранично само въ себѣ, по природѣ, по стольку причастно тому же и все (составляющее его). *Ар*. Конечно. *П*. И также, какъ скоро всѣ части его имѣютъ предѣлъ, то и все оно причастно тому же самому. *Ар*. Какъ же нѣтъ? *П*. А если оно причастно ограниченному и безпредѣльному, то не испытываетъ ли противоположныя другъ другу состоянія? *Ар*. Да. *П*. Противоположное же есть всего болѣе неподобное. *Ар*. Какъ же нѣтъ? *П*. Такимъ образомъ, вслѣдствіе каждаго свойства было бы подобно себѣ самому и во взаимномъ отношеніи своихъ частей, и вслѣдствіе обоихъ свойствъ было бы, съ той и другой стороны, самымъ противоположнымъ и неподобнымъ. *Ар*. Кажется, *П*. Слѣдовательно, „прочее" было бы, подобно и неподобно и себѣ самому и во взаимномъ отношеніи съ своими частями. *Ар*. Такъ. *П*. И также мы безъ труда найдемъ, что „различное отъ одного" было бы тожественно и различно съ самимъ собою, имѣло бы движеніе и покой и всѣ противоположныя состоянія, если оно оказалось причастно тѣмъ свойствамъ. *Ар*. Справедливо говоришь.

IV.

П. Не должны ли мы теперь, оставивъ это какъ ясное, посмотрѣть снова: если есть „одно", то „прочее" не есть ли и въ иномъ

[1]) Въ текстѣ: οὐκοῦν καὶ ὅμοια τε καὶ ἀνόμοια ἀλλήλοις τε καὶ ἑαυτοῖς;—единственное число слова «прочее», которымъ переводится здѣсь греческое τἄλλα, дѣлаетъ невозможнымъ буквальный переводъ слова ἀλλήλοις, которымъ обозначается весь составъ «прочаго», всѣ его части.

положеніи или только въ такомъ? [1]) *Ар.* Да, посмотримъ. *П.* Такимъ образомъ, мы будемъ говорить съ начала: если есть „одно", что̀ должно испытывать „прочее"? *Ар.* Да, будемъ говорить такъ. *П.* Не отдѣльно ли „одно" отъ „прочаго" и „прочее" отъ „одного"? *Ар.* Что же тогда? *П.* Что, сверхъ этихъ, нѣтъ другого, что̀ было бы различно отъ „одного" и отъ „прочаго", потому что все сказано, когда названо „одно" и „прочее". *Ар.* Конечно, все. *П.* Итакъ, нѣтъ, кромѣ нихъ, еще другого, въ которомъ могло бы находиться „одно и „прочее", какъ въ „томъ же самомъ". *Ар.* Конечно, нѣтъ. *П.* Слѣдовательно, „одно" и „прочее" никогда не находятся въ „одномъ и томъ же". *Ар.* Нѣтъ, выходитъ. *П.* Итакъ, они—отдѣльно? *Ар.* Да. *П.* И мы утверждали, что не имѣетъ частей то, что̀ дѣйствительно „одно". *Ар.* Истинно такъ. *П.* Поэтому, „одно" не могло бы находиться въ „прочемъ", ни какъ „цѣлое", ни частями своими, если оно отдѣльно отъ „прочаго" и не имѣетъ частей. *Ар.* Ибо какимъ бы образомъ? *П.* Слѣдовательно, „прочее" никакимъ образомъ не моглобъ участвовать въ „одномъ", не будучи причастно ни какой-либо части его, ни цѣлому. *Ар.* Нѣтъ, выходитъ. *П.* Поэтому, „прочее" никоимъ образомъ не есть „одно" и не имѣетъ въ себѣ никакого единства. *Ар.* Конечно, нѣтъ. *П.* Слѣдовательно, „прочее" и не есть „многое", потому что каждое изъ „прочаго" было бы „одно", какъ часть цѣлаго, если бы „прочее" было многимъ. Теперь же различное отъ „одного" не есть ни „одно", ни „многое", ни цѣлое, ни части, если оно никакъ не участвуетъ въ „одномъ". *Ар.* Вѣрно. *П.* Поэтому, „прочее" ни само не есть два или три, ни заключаетъ ихъ въ самомъ себѣ, если оно совершенно не причастно „одному". *Ар.* Такъ. *П.* Поэтому, „прочее" ни само не есть подобное и не подобное „одному", ни заключаетъ въ себѣ подобія или неподобія; ибо если бы „прочее" было само подобно или неподобно, или имѣло бы въ себѣ подобіе или неподобіе, тогда оно заключало бы въ себѣ двѣ противоположныя между собою идеи. *Ар.* Очевидно. *П.* А вѣдь невозможно, чтобы не участвующее ни въ чемъ участвовало въ какихъ-либо двухъ? *Ар.* Невозможно. *П.* Поэтому, „прочее" не есть ни подобно, ни неподобно, ни то и другое, потому что, будучи подобнымъ, оно участвовало бы въ одной изъ двухъ идей, а будучи тѣмъ и другимъ – (участвовало бы) въ двухъ противоположныхъ; но это оказалось невоз-

[1]) Буквально: «прочее по отношенію къ одному», «различное отъ одного».

можно. *Ар*. Справедливо. *П*. Такимъ образомъ, „прочее" не есть ни тожественное, ни различное, ни движется, ни покоится, ни происходитъ, ни изчезаетъ,—не есть ни больше, ни меньше, ни равное, и ничего другого изъ такихъ свойствъ не имѣетъ; потому что если „прочее" подлежитъ чему-нибудь такому, то оно будетъ причастно и одному, и двумъ, и тремъ, и нечету, и чету, участвовать въ которыхъ оказалось для него невозможнымъ, когда оно совершенно и никакимъ образомъ не причастно „одному". *Ар*. Совершенно справедливо. *П*. Поэтому теперь, если есть „одно", то „одно" есть „все" и не есть (только какъ) одно, какъ въ отношеніи къ себѣ самому, такъ и въ отношеніи къ прочему. *Ар*. Совершенно такъ.

V.

П. Хорошо! не должно ли послѣ этого разсмотрѣть, какія будутъ слѣдствія, если „одно" не существуетъ? *Ар*. Да, посмотримъ. *П*. Итакъ что это за положеніе: „если „одно" не существуетъ"? Именно, различается ли оно отъ этого: если „не одно" не существуетъ? *Ар*. Безъ сомнѣнія, различается. *П*. Различается ли только, или жъ и совершенно противоположно это, когда сказать: „если „не одно" не существуетъ" и „если" одно „не существуетъ"? *Ар*. Совершенно противоположно. *П*. И что? когда бы кто-нибудь говорилъ: если „великое" не существуетъ, или „малое" не существуетъ, или другое что-нибудь изъ такого, то не ясно ли было бы каждый разъ, что онъ говоритъ о разномъ несуществующемъ? *Ар*. Совершенно. *П*. Такъ и теперь ясно, что подъ несуществующимъ разумѣетъ (нѣчто) различное отъ „прочаго", когда сказалъ бы, что „одно" не существуетъ; и мы знаемъ, что̀ онъ говоритъ? *Ар*. Знаемъ. *П*. Итакъ, онъ говоритъ, вопервыхъ, о нѣкоторомъ извѣстномъ, и вовторыхъ—о различномъ отъ „прочаго", когда говоритъ объ „одномъ" и приписываетъ ему бытіе или небытіе; потому что нисколько не менѣе познается то, о чемъ утверждается, что оно не существуетъ и что оно различно отъ „прочаго",—не такъ ли? *Ар*. Необходимо. *П*. Поэтому, сначала должно сказать слѣдующее: что должно быть, если „одно" не существуетъ?—и, естественно, касательно его, вопервыхъ, должно быть то, что о немъ есть знаніе; а иначе нельзя было бы и знать, о чемъ это говорится, когда бы кто сказалъ, что „одно" не существуетъ. *Ар*. Справедливо. *П*. Также, и „прочее" должно быть различно отъ него, а иначе нельзя и говорить, что оно отлично отъ „прочаго". *Ар*. Конечно. *П*. Слѣдовательно, кромѣ знанія о немъ, ему принад-

лежитъ и различіе, потому что говоритъ не о различіи „прочаго" тотъ, кто говоритъ, что „одно" различно отъ „прочаго", но о различіи его („одного"). *Ар.* Очевидно. *П.* И по справедливости также, „несуществующее одно" участвуетъ и въ „томъ", и въ „нѣкоторомъ", и въ „этомъ", и въ „принадлежащемъ къ этому" и во всемъ таковомъ; потому что не могло бы быть и рѣчи ни объ „одномъ", ни о различномъ" отъ одного, не принадлежало бы ему что-нибудь, и не было бы свойственно, и нельзя было бы что-нибудь говорить о немъ, еслибъ оно не участвовало ни „въ чемъ-нибудь", ни въ прочемъ такого рода. *Ар.* Справедливо. *П.* „Одно", дѣйствительно, не можетъ имѣть бытія, если оно въ самомъ дѣлѣ не существуетъ; но ничто не мѣшаетъ ему участвовать во многомъ, и даже (это) необходимо, если „то одно", а не другое (что-нибудь) „не существуетъ"; конечно, если „не существуетъ" ни „одно" [1]), ни „то", но о чемъ-либо другомъ говорится, тогда совсѣмъ не должно быть и рѣчи; но когда „то одно", а не другое (что-нибудь) подлежитъ небытію, тогда необходимо участвовать и въ „томъ", и во многомъ другомъ. *Ар.* Конечно, такъ. *П.* Слѣдовательно, оно есть и „неподобное" въ отношеніи къ „прочему", потому что „прочее", какъ различное отъ „одного", было бъ и другого рода. *Ар.* Да. *П.* Но не есть ли иное то, что другого рода? *Ар.* Какъ же нѣтъ? *П.* А иное не есть ли неподоб-

---

[1]) Шталльбаумъ считаетъ здѣсь текстъ невѣрнымъ и предлагаетъ свою поправку, потому что онъ по своему понимаетъ это мѣсто. Мнѣ кажется, нѣтъ нужды измѣнять текстъ. Вся сила аргументаціи упирается здѣсь лишь на слова, которыми опредѣляется «одно». Именно Парменидъ хочетъ сказать о «несуществующемъ одномъ», что въ разговорѣ о немъ мы все-таки разумѣемъ извѣстный опредѣленный предметъ. Опредѣленное качество его дается намъ, во-первыхъ, уже въ самомъ названіи его — «одно». Потомъ, полагая его всегда тожественнымъ съ собою и отдѣльнымъ, отличнымъ отъ другихъ предметовъ, говоримъ: «то одно», а не другое что-нибудь. Такимъ образомъ, мы опредѣляемъ его уже двумя положительными предикатами и однимъ отрицательнымъ: «одно», «то одно», «не другое что-нибудь». Парменидъ хочетъ сказать, что ужь эти разные предикаты указываютъ на сложность природы «одного», на участіе его во множественности, и слѣдовательно, на реальное бытіе его. Если же мы не будемъ соединять съ нимъ представленія объ этихъ признакахъ его, выражаемыхъ словами: «одно», «то», «не другое что-нибудь», то нельзя будетъ говорить и мыслить о немъ. Этотъ смыслъ и заключаютъ слова: «конечно, если «не существуетъ» ни «одно», ни «то», и т. д., то-есть, когда, говоря о «несуществующемъ одномъ», мы не признавали бы, что оно есть именно: «одно», есть именно «то одно», а не другое что-нибудь, тогда не должно бы быть и рѣчи.

ное? *Ар.* Конечно, неподобное. *П.* Итакъ, если есть неподобное „одному“, то (это) неподобное было бы неподобнымъ посредствомъ (идеи) неподобнаго. *Ар.* Ясное дѣло. *П.* Такимъ образомъ, и „одному“ свойственно неподобное, по которому „прочее“ есть ему неподобно. *Ар.* Естественно. *П.* Но если оно неподобно въ отношеніи къ „прочему“, то не должно ли быть подобно въ отношеніи къ себѣ самому? *Ар.* Какимъ образомъ? *П.* Если „одно“ неподобно „одному“, то не могло бы быть и рѣчи о таковомъ одномъ, не могло бы быть и положенія объ „одномъ“, но о (чемъ-либо) другомъ, нежели „одно“. *Ар.* Конечно. *П.* И не должно даже. *Ар.* Совершенно. *П.* Слѣдовательно, „одно“ должно быть подобно себѣ самому. *Ар.* Должно. *П.* И опять, не есть также равное „прочему“; ибо если бы могло быть равнымъ, тогда было бы уже и подобнымъ ему вслѣдствіе равенства, — но то и другое невозможно, если „одно“ не существуетъ. *Ар.* Невозможно. *П.* Если же не есть равное „прочему“, то не необходимо ли, что и „прочее“ не равно ему? *Ар.* Необходимо. *П.* Но то, что̀ не равно, не есть ли „неравное“? *Ар.* Да. *П.* А неравное не въ силу ли неравенства есть неравное? *Ар.* Какъ же нѣтъ? *П.* Такимъ образомъ, „одно“ участвуетъ и въ неравенствѣ, по которому „прочее“ ему неравно? *Ар.* Участвуетъ. *П.* Но вѣдь, конечно, неравенству свойственно великое и малое. *Ар.* Да, свойственно. *П.* Слѣдовательно, таковому „одно“ свойственно великое и малое? *Ар.* Такъ выходитъ. *П.* Но, впрочемъ, великое и малое всегда отстоятъ другъ отъ друга (по величинѣ). *Ар.* Конечно. *П.* И между ними всегда находится что-нибудь. *Ар.* Да. *П.* Можешь ли ты сказать, что между ними находится что-нибудь иное, чѣмъ равное? *Ар.* Нѣтъ, но оно самое. *П.* Итакъ, чему принадлежитъ великое и малое, тому принадлежитъ и равное, находящееся между ними *Ар.* Очевидно. *П.* Такимъ образомъ, какъ выходитъ, „несуществующее одно“ участвовало бы и въ великомъ, и въ маломъ? *Ар.* Такъ выходитъ. *П.* Но также оно должно какимъ-нибудь образомъ участвовать и въ „бытіи“. *Ар.* Какъ это такъ? *П.* Оно должно быть таково, какъ мы утверждаемъ; потому что если бы оно находилось не въ такомъ положеніи, то мы не справедливо бы говорили, утверждая, что „одно“ не существуетъ; если же справедливо, то ясно, что мы утверждаемъ это̀, какъ дѣйствительное. Не такъ ли? *Ар.* Конечно, такъ. *Ар.* Поелику же утверждаемъ, что говоримъ „справедливое“, то необходимо намъ утверждать, что говоримъ то, что̀ есть. *Ар.* Необходимо. *П.* Итакъ, какъ выходитъ, „одно“ „есть“ несуществующее, потому что если оно не будетъ несуще-

ствующимъ, но что-либо изъ „бытія" передастъ [2]) „не бытію", тогда тотчасъ будетъ существующимъ. *Ар*. Совершенно такъ. *П*. Итакъ оно, какъ несуществующее, условіемъ своего небытія должно имѣть бытіе, если должно не быть; равно какъ „существующее" должно имѣть небытіе небытія, чтобы совершенно быть; потому что „существующее" вполнѣ могло бы существовать и „несуществующее" не существовать, когда первое участвуетъ, съ одной стороны, въ бытіи бытія, и съ другой стороны, въ небытіи небытія, если должно совершенно быть; и когда „несуществующее", съ одной стороны, не будетъ участвовать въ небытіи небытія, и съ другой стороны, участвовать въ бытіи небытія,—если и несуществующее должно вполнѣ не быть. *Ар*. Совершенно справедливо. *П*. Такимъ образомъ, поелику „существующее" участвуетъ въ небытіи и „несуществующее" въ бытіи, то и „одному", если оно не существуетъ, для небытія необходимо существовать. *Ар*. Необходимо. *П*. И очевидно, „одному" принадлежитъ бытіе, если оно не существуетъ. *Ар*. Очевидно. *П*. А также и небытіе, если въ самомъ дѣлѣ не существуетъ. *Ар*. Какъ же нѣтъ? *П*. Теперь, возможно ли, чтобъ имѣющее какія-либо свойства переставало ихъ имѣть, не перемѣняя этихъ свойствъ. *Ар*. Невозможно. *П*. Поэтому, все такого рода, которое находилось бы въ „такомъ", и въ „нетакомъ" состояніи, указываетъ на перемѣну. *Ар*. Какъ же нѣтъ? *П*. Перемѣна же есть движеніе,—или какъ мы это назовемъ? *Ар*. Движеніе. *П*. Теперь, „одно" не оказалось ли какъ существующее и не существующее? *Ар*. Да. *П*. Поэтому, оно является въ „такомъ" и въ „не такомъ" состояніи. *Ар*. Такъ выходитъ. *П*. Такимъ образомъ, „несуществующее одно" оказалось имѣющимъ движеніе, если изъ бытія переходитъ въ небытіе. *Ар*. Кажется. *П*. Но, впрочемъ, вѣдь если оно нигдѣ между существующимъ не находится, какъ скоро не существуетъ,—если въ самомъ дѣлѣ не существуетъ, —то не могло бы и переходить откуда либо куда-нибудь. *Ар*. Потому что какимъ

---

[1]) Мюллеръ, находя это мѣсто непонятнымъ и даже не заключающимъ въ себѣ смысла, измѣняетъ текстъ его такъ: ἀλλά τι τοῦ μὴ εἶναι ἀνήσει πρὸς τὸ εἶναι. Но это, кажется, напрасно. Судя по характеру тѣхъ основаній, въ силу которыхъ здѣсь утверждается или отрицается что-либо, мы едва-ли рискуемъ ошибиться, истолковывая это мѣсто слѣдующимъ образомъ: понятіямъ «бытіе» и «небытіе» придается здѣсь физическое существованіе; по свойствамъ своимъ они противоположны другъ другу. Теперь, если физическія свойства «бытія» будутъ передаваться «небытію», то послѣднее, принимая свойства перваго, будетъ становиться уже «бытіемъ», существующимъ.

образомъ? *П.* Слѣдовательно, оно не моглобъ имѣть и движенія посредствомъ этого перехода; не могло бы вращаться и въ „томъ же самомъ" (мѣстѣ), ибо не имѣетъ никакого общенія съ тожественнымъ, потому что „тожественное" есть (уже) существующее [1]); — но невозможно, чтобы не имѣющее бытія находилось въ чемъ либо существующемъ. *Ар.* Конечно, невозможно. *П.* Поэтому, „несуществующее одно" и не могло бы обращаться въ томъ, въ чемъ оно не находится. *Ар.* Безъ сомнѣнія, нѣтъ. *П.* А также одно и неизмѣняется въ самомъ себѣ (то-есть, въ своей природѣ), ни какъ существующее, ни какъ не имѣющее бытія; потому что еслибъ оно дѣлалось инымъ въ отношеніи къ себѣ самому, то не былобъ уже и рѣчи (о немъ, какъ) объ „одномъ", но (какъ) о какомъ-нибудь другомъ. *Ар.* Справедливо. *П.* Но если оно ни другимъ не дѣлается, ни обращается въ томъ же самомъ мѣстѣ, ни перемѣняетъ его, то могло ли бы еще какъ нибудь двигаться? *Ар.* Какъ еще? (то-есть, больше уже никакимъ образомъ не могло бы). *П.* Неподвижное же должно находиться, въ покоѣ, а покоящееся—стоять. *Ар.* Необходимо. *П.* Слѣдовательно, какъ выходитъ, „несуществующее одно" и покоится, и движется. *Ар.* Такъ выходитъ. *П.* Но если, въ самомъ дѣлѣ, движется, то совершенно необходимо ему измѣняться; потому что, когда что-нибудь сдѣлало движеніе, то вслѣдствіе этого оно уже не находится въ томъ положеніи, въ какомъ было, но въ иномъ. *Ар.* Такъ. *П.* Такимъ образомъ, „одно", имѣя движеніе, также и измѣняется. *Ар.* Да. *П.* Не имѣя же никакого движенія, никакимъ образомъ и не измѣнялось бы. *Ар.* Конечно, нѣтъ. *П.* Слѣдовательно, по скольку „несуществующее одно" движется—измѣняется, а по скольку не движется—не измѣняется. *Ар.* Конечно, нѣтъ. *П.* Такимъ образомъ, „несуществующее одно" и измѣняется, и не измѣняется. *Ар.* Очевидно. *П.* Не необходимо ли поэтому, что, измѣняясь, оно становится другимъ, чѣмъ прежде, и изчезаетъ по своимъ прежнимъ свойствамъ; не измѣняясь же, оно не становится и не изчезаетъ? *Ар.* Необходимо. *П.* Слѣдовательно, „несуществующее одно", какъ измѣняющееся, и становится, и изчезаетъ, но какъ не измѣняющееся, не становится, не изчезаетъ. И такимъ образомъ, „несуществующее одно" происходитъ и изчезаетъ, и также не происходитъ, не изчезаетъ. *Ар.* Конечно, нѣтъ.

---

[1]) То-есть, только существующему чему-либо свойственнѣ быть тожественнымъ съ чѣмъ-либо.

VI.

П. Возвратимся теперь снова къ началу, и посмотримъ, то ли самое окажется предъ нами, что и теперь, или другое? *Ар.* Да, слѣдуетъ. *П.* Такъ мы спрашиваемъ, если одно не существуетъ, что̀ должно слѣдовать для него самого? *Ар.* Да. *П.* Теперь, когда мы говоримъ: „не существуетъ", — тогда развѣ другое что-нибудь означаетъ это, какъ отсутствіе бытія у того, о чемъ мы утверждаемъ, что оно не существуетъ? *Ар.* Ничто другое. *П.* Итакъ, когда мы утверждаемъ, что не существуетъ что-либо, говоримъ ли тогда, что оно какимъ-либо образомъ не существуетъ, но какимъ-либо образомъ и существуетъ? Или же выраженіе: „не существуетъ" просто означаетъ то, что нигдѣ и никакимъ образомъ не существуетъ и никакимъ образомъ не участвуетъ въ бытіи то, что̀ не существуетъ? *Ар.* Конечно, всего проще (это означаетъ). *П.* Поэтому, не имѣющее бытія не могло бы ни существовать, ни какимъ-либо другимъ образомъ участвовать въ бытіи. *Ар.* Конечно, нѣтъ. *П.* Потомъ, „становиться" и „изчезать" другое ли что было бы, какъ получать бытіе и лишаться бытія? *Ар.* Безъ сомнѣнія, не другое. *П.* Но что нисколько не участвуетъ въ немъ, то не могло бы ни получать, ни терять его. *Ар.* Иначе какимъ бы образомъ? *П.* Слѣдовательно и „одно", поелику оно не существуетъ, никакимъ образомъ не можетъ ни имѣть, ни терять бытія, ни участвовать въ немъ. *Ар.* Естественно. *П.* Поэтому, „не существующее одно" не изчезаетъ, не происходитъ, если оно никакимъ образомъ не уяаствуетъ въ бытіи. *Ар.* Очевидно, нѣтъ. *П.* Поэтому, и не измѣняется какимъ-либо образомъ, потому что испытывая это, оно могло бы уже и происходить, и изчезать. *Ар.* Справедливо. *П.* Если же не измѣняется, то не необходимо ли, что и не движется? *Ар.* Необходимо. *П.* Но также не скажемъ, что совершенно не существующее и покоится, потому что покоящееся должно всегда находиться въ какомъ-либо томъ же самомъ мѣстѣ. *Ар.* Въ томъ же самомъ; какъ же иначе? *П.* Такимъ образомъ, мы опять должны сказать, что не существующее ни покоится когда либо, ни движется. *Ар.* Конечно, нѣтъ. *П.* И по справедливости ему и не принадлежитъ что-либо изъ „существующаго", потому что, участвуя въ этомъ существующемъ, оно участвовало бы уже и въ бытіи. *Ар.* Очевидно. *П.* Слѣдовательно ему не принадлежитъ ни великое, ни малое, ни равное. *Ар.* Конечно, нѣтъ. *П.* Не могло бы принадлежать ему ни подобіе, ни различіе, ни въ отношеніи къ себѣ самому, ни къ

„прочему“. *Ар.* Очевидно, нѣтъ. *П.* Итакъ, возможно ли, чтобы „прочее“ могло какъ-нибудь относиться къ нему, если ничто не должно быть свойственно ему? *Ар.* Невозможно. *П.* Поэтому „прочее“ не есть ему ни подобное, ни неподобное, ни тожественно, ни различно съ нимъ. *Ар.* Конечно, нѣтъ. *П.* Что же? (эти выраженія:) „того“ или „тому“, „что-нибудь“, „это“ или „къ этому“, „другого“ или „другому“, „нѣкогда“, „потомъ“, „теперь“, „знаніе“, или „мнѣніе“, или „воспріятіе“, или „рѣчь“, или „названіе“, или другое что-нибудь изъ существующаго,—будутъ ли имѣть отношеніе къ „несуществующему“? *Ар.* Не будутъ. *П.* Такимъ образомъ, „не существующее одно“ не имѣетъ никакихъ свойствъ. *Ар.* Именно выходитъ, что не имѣетъ никакихъ.

VII.

П. Не должны ли мы теперь сказать еще о томъ, какова должна быть природа „прочаго“, если „одно“ не существуетъ? *Ар.* Да, скажемъ объ этомъ. *П.* Конечно, оно должно имѣть бытіе, потому что если „прочее“ не существуетъ, тогда не могло бы быть и рѣчи о „прочемъ“. *Ар.* Такъ. *П.* И если говоримъ: „прочее“, то „прочее“ есть именно „различное“; развѣ не для (обозначенія) того же самаго употребляемъ названіе: „прочее“ и „другое“? *Ар.* Конечно. *П.* И не говоримъ ли мы, что „различное“ есть различное отъ (чего-нибудь съ нимъ) различнаго, и „прочее“ по отношенію къ (чему-либо) другому есть прочее. *Ар.* Да. *П.* Поэтому, для „прочаго“, если оно должно быть прочимъ, есть что-нибудь такое, въ отношеніи къ чему оно есть иное. *Ар.* Необходимо. *П.* И что бъ это было такое? потому что вѣдь не будетъ различнымъ отъ „одного“, если оно не существуетъ? *Ар.* Конечно, нѣтъ. *П.* Слѣдовательно (различно) между собою, потому что это еще остается для него, или же въ отношеніи ни къ чему не было бы различнымъ. *Ар.* Справедливо. *П.* Итакъ каждое (изъ „прочаго“) есть различно въ отношеніи другъ къ другу, какъ многое, потому что не могло бы быть такимъ (то-есть, различнымъ), какъ одно, когда „одно“ не существуетъ. И естественно, каждая часть „прочаго“ безконечна по количеству, хотя бы кто взялъ и самую малую повидимому; какъ сновидѣніе во время сна, вдругъ вмѣсто казавшейся одной, она является многимъ и вмѣсто самой малой очень великою сравнительно съ тѣми частями, на которыя дробится она. *Ар.* Совершенно вѣрно. *П.* По различію другъ отъ друга этихъ-то частей „прочее“ и было бы различно. *Ар.* Безъ сомнѣнія. *П.* И такъ, будетъ множество частей, изъ которыхъ каждая кажется, какъ

одно, но не есть одно, если въ самомъ дѣлѣ „одно" не существуетъ? *Ар*. Да. *П*. И если ихъ много и каждая (изъ нихъ) есть (какъ бы) и одно, то будетъ казаться, что имъ принадлежитъ и число. *Ар*. Конечно. *П*. Также (только) повидимому будетъ принадлежать имъ четъ и нечетъ, но не на самомъ дѣлѣ, если „одно" не существуетъ. *Ар*. Конечно, нѣтъ. *П*. И также говорили мы, что между ними, кажется, есть и самая малая часть; а между тѣмъ, она является какъ (нѣчто) многое и великое по отношенію къ каждой изъ множества (другихъ) малыхъ (то-есть, тѣхъ, которыя произошли чрезъ дробленіе ея). *Ар*. Какъ же нѣтъ? *П*. И еще, каждая часть будетъ казаться равною (этимъ) многимъ малымъ, потому что она, очевидно, не перешла бы отъ „бо́льшаго" къ „меньшему", прежде чѣмъ окажется дошедшею до находящагося между ними; но это было бы (только) видимостію равнаго. *Ар*. Такъ кажется. *П*. Также не повидимому ли только каждая часть будетъ ограничена въ отношеніи къ другой и къ самой себѣ, такъ какъ она не имѣетъ ни начала, ни конца, ни середины? *Ар*. Какимъ образомъ? *П*. Потому что если бы кто принялъ какую-либо часть (многаго) за которое нибудь изъ этихъ (то-есть, за начало, середину или конецъ), то каждый разъ впереди начала будетъ оказываться другое начало, за концемъ будетъ оставаться еще другой конецъ, и въ серединѣ — другая, болѣе точная середина, но еще меньшая той, — потому что каждая часть не можетъ приниматься какъ одно, если „одно" не существуетъ. *Ар*. Совершенно справедливо. *П*. А такъ какъ и вся масса могла бы быть представлена, какъ не имѣющая „одного", то, я думаю, все существующее, какое бы кто представилъ въ мысли, необходимо должно дѣлиться чрезъ (такое и постоянное) дробленіе. *Ар*. Конечно. *П*. Теперь, издали и для слабаго зрѣнія не должно ли это представляться, какъ одно, а вблизи и для остраго глаза не должна ли являться каждая часть безконечною по количеству, если она не имѣетъ „одного", которое не существуетъ? *Ар*. Совершенно необходимо. *П*. Такимъ образомъ, если „одно" не существуетъ, но существуетъ „прочее", то каждое изъ „прочаго" должно казаться и безграничнымъ, и имѣющимъ предѣлъ, и однимъ, и многимъ. *Ар*. Да, должно. *П*. Не будетъ ли также казаться подобнымъ и неподобнымъ? *Ар*. Какимъ образомъ? *П*. Точно также, какъ стоящему въ отдаленіи все нарисованное, представляясь какъ одно, кажется (чѣмъ-то) безразличнымъ и потому подобнымъ. *Ар*. Конечно. *П*. Когда же подойдетъ ближе, оказывается многимъ и различнымъ, и соотвѣтственно видимости различнаго —

инымъ и неподобнымъ себѣ самому. *Ар.* Такъ. *П.* Также и эти массы должны казаться подобными и неподобными и себѣ самимъ и между собою. *Ар.* Конечно. *П.* И также онѣ должны представляться, какъ то же самое и различное между собою, соприкасающееся и раздѣленное между собою, движущееся всякимъ образомъ и совершенно покоящееся, происходящее и изчезающее и ни то, ни другое, и — какъ все подобнаго рода, что́ уже намъ не трудно изслѣдовать, — если существуетъ „многое", и не существуетъ „одно". *Ар.* Совершенно справедливо.

VIII.

П. Возвратившись снова къ началу, скажемъ еще разъ, — чѣмъ должно быть „прочее", если „одно" не существуетъ? *Ар.* Скажемъ еще. *П.* Итакъ, „прочее" не будетъ „одно". *Ар.* Дѣйствительно такъ. *П.* Ни также „многое", потому что во многомъ содержалось бы (уже) и одно; если же ничто изъ „прочаго" не есть одно, то и все оно не будетъ ничѣмъ, такъ что не будетъ и многимъ. *Ар.* Справедливо. *П.* Поэтому, если „одно" не находится въ „прочемъ", то „прочее" не есть ни многое, ни одно. *Ар.* Конечно, нѣтъ. *П.* Даже и не будетъ казаться ни однимъ, ни многимъ. *Ар.* Почему же? *П.* Потому, что „прочее" нигдѣ и никакимъ образомъ не имѣетъ никакого общенія ни съ чѣмъ изъ не существующаго, ни также въ чемъ либо изъ „прочаго" не находится что-либо изъ несуществующаго. такъ какъ небытіе не имѣетъ частей. *Ар.* Справедливо. *П.* Поэтому, нѣтъ ни представленія о томъ, что бы „прочему" принадлежало „несуществующее", ни какой-либо видимости этого, и никакимъ образомъ не можетъ быть мыслимо (какое-либо) отношеніе „несуществующаго" къ „прочему". *Ар.* Конечно, нѣтъ. *П.* Итакъ, если „одно" не существуетъ, тогда ничто изъ „прочаго" не можетъ быть представлено ни какъ „одно", ни какъ „многое", потому что безъ одного невозможно мыслить многое. *Ар.* Да, невозможно. *П.* Слѣдовательно, если „одно" не существуетъ, тогда „прочее" ни есть, ни можетъ быть мыслимо ни какъ одно, ни какъ многое. *Ар.* Выходитъ, что нѣтъ. *П.* Слѣдовательно, ни какъ подобное, ни какъ неподобное. *Ар.* Конечно, нѣтъ. *П.* И также ни какъ „тоже самое", ни различное, ни соприкасающееся, ни раздѣленное, ни другое что-нибудь, которое, какъ мы выше нашли, казалось такимъ; „прочее" ни есть, ни кажется чѣмъ-либо изъ этихъ, если „одно" не существуетъ. *Ар.* Справедливо. *П.* Итакъ, не выразились ли бы мы правильно, если бы

кратко сказали: если „одно" не существуетъ, то ничто не существуетъ? *Ар.* Совершенно. *П.* Поэтому, пусть будетъ сказано это, и какъ оказалось, то еще, что существуетъ ли „одно" или не существуетъ, — и оно само и „прочее" и въ отношеніи къ себѣ самимъ, и другъ къ другу всячески существуетъ и не существуетъ, кажется и не кажется. *Ар.* Совершенно справедливо.

Происхожденіе діалога и значеніе его.

„Пустая игра словами", „переполненная софизмами и ни къ чему не ведущая діалектика",—вотъ тѣ выраженія, которыми, послѣ перваго чтенія, хочется характеризовать это произведеніе Платона. Дѣйствительно, многіе, какъ напримѣръ, Тидеманнъ, Теннеманъ, Астъ и другіе, такъ и смотрѣли на него. Если что̀, на первый разъ, миритъ насъ съ этимъ діалогомъ, — это удачная или неудачная попытка представить генезисъ развивающихся одно изъ другаго понятій; помимо такого значенія, онъ какъ будто не имѣетъ никакой иной цѣны, потому что представляетъ рядъ софизмовъ и антиномій, имѣющихъ свое начало или въ двусмысленности словъ, или въ умышленномъ, по видимому, искаженіи смысла ихъ, или въ неточномъ опредѣленіи понятій. Но зная серіозное направленіе мысли Платона, мы не можемъ согласиться съ первымъ нашимъ приговоромъ и невольно ищемъ другаго объясненія діалогу. Правда, и самъ Парменидъ желалъ здѣсь дать только образчикъ діалектическаго искусства; но мы не должны забывать, что діалектика и искусство ея имѣли для Платона совсѣмъ не тотъ смыслъ, въ какомъ мы теперь употребляемъ это слово. Смыслъ и важность такой работы ума, какая представлена въ этомъ діалогѣ, тотчасъ будутъ для насъ ясны и предстанутъ во всемъ значеніи, какъ только мы припомнимъ характеръ мышленія Платонова времени, потребность мысли въ данную минуту и значеніе Платона для тогдашней философіи. Здѣсь мы, по многосложности и свойству самаго предмета разсужденія, не въ состояніи представить точныхъ результатовъ изслѣдованія; мы принуждены будемъ говорить даже, можетъ-быть, въ выраженіяхъ не довольно точныхъ, но конечно, достаточныхъ для показанія того, на чемъ мы хотимъ основать свой взглядъ на значеніе и смыслъ этого діалога.

Духовный міръ Грековъ, во всѣхъ его проявленіяхъ, мы называемъ объективнымъ міромъ. Религія и искусство ихъ объективны; мышленіе—также. Это неоспоримо. Всѣ подъ этими выраженіями, такъ или иначе, понимаютъ одну и ту же сущность. Теперь спросимъ

себя: въ чемъ же состояла эта объективность мышленія? Нельзя дать опредѣленіе ея въ немногихъ словахъ; можно сдѣлать только описаніе ея съ разныхъ сторонъ. На языкѣ логики, это — неразчлененность мысли, понятій, незнаніе подлинной натуры послѣднихъ—ихъ общности и отвлеченности, извѣстнаго ихъ объема и содержанія, причемъ, конечно, не могло быть и правильнаго разграниченія понятій между собою. Но лучше сказать, для Грековъ до Аристотеля и не было понятій въ томъ смыслѣ, какъ мы ихъ понимаемъ; конечно, акты ихъ ума слагались въ тѣ формы мысли, которыя мы называемъ понятіями; понятія безсознательно образовывались въ ихъ душѣ, но онѣ не были для ихъ сознанія, какъ для насъ, понятіями логическими — отвлеченною схемой общихъ признаковъ. Напротивъ, онѣ имѣли для нихъ свойство представленій, которыя господствовали надъ ихъ мыслію всею властію живыхъ образовъ, съ полнымъ тѣломъ тѣхъ вещей, къ классу которыхъ эти понятія относились. Даже самыя отвлеченныя понятія, по преобладающему характеру образнаго мышленія Грековъ, были для нихъ представленіями; представленіе—образъ,—образъ безсознательно объективировался, получалъ реальное бытіе вещи. Такимъ образомъ комбинаціи мысли, имѣющія дѣйствительность только въ душѣ, становились для нихъ представленіями будто бы въ дѣйствительности существующихъ соотвѣтственныхъ имъ предметовъ. Что Платонъ далъ своимъ идеямъ объективное существованіе, это не мало зависѣло, между прочимъ, и отъ описаннаго характера мышленія Грековъ. Этимъ же объясняется, что греческая философія совершенно серіозно ставила, напримѣръ, такія положенія: „небытія нѣтъ, а есть только бытіе". То-есть, отношенія и состоянія вещей принимались также за вещи своего рода. На обыкновенномъ языкѣ, эта сторона мышленія характеризуется такъ, что слово принималось за вещь, и различіе въ словахъ—за различіе въ вещахъ. При объективности мышленія, и самый языкъ не мало помогалъ этому. Слово — неотдѣлимая отъ мысли оболочка ея. Но какъ не только представленія, но и отвлеченія мысли — понятія—часто уравнивались соотвѣтственнымъ имъ, будто бы на самомъ дѣлѣ существующимъ, предметамъ, то и слово становилось обозначеніемъ вещи тамъ, гдѣ оно было лишь выраженіемъ нашей мысли. Оттого въ рѣчи о какомъ-либо предметѣ, пока мысль занята была самимъ предметомъ, слова, выражающія его отношеніе къ другимъ предметамъ или его состояніе, принимались въ естественномъ ихъ значеніи; но какъ только случалось остановить на нихъ вниманіе отдѣльно отъ прочихъ словъ и

связи рѣчи, то уже подозрѣвалось тутъ нѣчто самостоятельно существующее; вмѣсто одного предмета рѣчи получались два, и самая рѣчь получала уже совсѣмъ другой смыслъ. Это мы ясно могли замѣтить въ настоящемъ діалогѣ.

Мы теперь коснулись языка. Конечно, и онъ свидѣтельствуетъ объ объективности мышленія. На это указываетъ бѣдность словъ въ качествѣ логическихъ, отвлеченныхъ терминовъ. Даже Аристотель, которому суждено было создать уже науку логики, долженъ былъ для обозначенія логическихъ терминовъ и категорій употреблять описательныя слова и выраженія. Таковы, напримѣръ, названія его категорій: πόσον, ποῖον, πρὸς τί, ποιεῖν, κεῖσθαι и т. д. Латинскій языкъ уже выражаетъ ихъ такъ: quantitas, qualitas, relatio, actio, въ параллель которымъ и наши русскія: количество, качество, отношеніе, дѣйствіе, положеніе въ пространствѣ. Это сравненіе показываетъ, что образованіе латинскихъ названій носитъ на себѣ слѣды большей логической и отвлеченной работы ума, чѣмъ образованіе названій греческихъ. И дѣйствительно, мышленіе Римлянъ, какія бы ни были тому причины, было болѣе логическаго, дискурсивнаго характера. Латинская рѣчь болѣе подходитъ къ нашей теперешней, и съ этой точки зрѣнія, латинскую рѣчь мы назовемъ болѣе правильною; а строй рѣчи и языка вполнѣ обусловливается строемъ мышленія. Возьмите, напримѣръ, рѣчи Цицерона; рѣчь его ясная, точная, опредѣленная; мышленіе движется въ логическихъ формахъ; послѣдовательность, связь и отношеніе мыслей также логическаго характера,—тутъ замѣтны широкое разчлененіе и дробленіе понятій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и обширное обобщеніе, систематизація и отчетливое разграниченіе этихъ понятій. Тѣмъ-то и сильны рѣчи Цицерона, что тутъ охватывались всѣ стороны дѣла; поступокъ, мысли, чувства защищаемаго или обвиняемаго раскрывались во всѣхъ ихъ моментахъ и оттѣнкахъ, и когда частности были выставлены въ ихъ значеніи, надлежащемъ мѣстѣ и отношеніи другъ къ другу и цѣлому, тѣмъ съ большею силою выступала содержательность и важность всего дѣла, мотива къ обвиненію или оправданію. Мы пользуемся этими сравненіями потому, что, какъ выше замѣтили, здѣсь трудны точныя опредѣленія, и уясненію дѣла можно помочь простыми лишь указаніями или описаніями и сравненіями; для насъ замѣтнѣе становятся отличительныя черты греческаго мышленія и языка, характеризуемыхъ понятіемъ объективности, когда мы выставляемъ противоположныя имъ. Затѣмъ, рѣчь и мышленіе Грека были болѣе непосредственны; они запечатлѣны всею свѣжестью впечатлѣ-

нія, произведено ли оно внѣшними предметами и фактами, или возникшею мыслью; рѣчь Грека часто представляетъ намъ не результаты мысли и обсужденія, какъ, напримѣръ, у Цицерона, а самый процессъ ихъ, самую работу, гдѣ нерѣдко одно съ другимъ не ладится, гдѣ дѣлаются поправки, починки, и гдѣ, во многихъ случаяхъ, дѣло такъ и остается неустроеннымъ, а мастеръ недоумѣвающимъ. Сцѣпленіе мыслей, послѣдовательность ихъ опредѣляется не связью и отношеніями логическихъ понятій, а идетъ за ассоціаціей направленнаго на извѣстное изысканіе воображенія и созерцанія. Говоря о поэтахъ, подобное мышленіе называютъ мышленіемъ образами.

Все это не стоитъ въ противорѣчіи съ тѣмъ, что греческая философія занималась и самыми отвлеченными предметами и разсужденіями, въ особенности философія Платона,—что анализъ ея глубокъ и діалектика сильна. Дѣло въ томъ, что хотя отвлеченные предметы мысли, которыя занимали, напримѣръ, Платона, суть тѣ же и для насъ, и слова для выраженія понятій большею частію тѣ же, но для сознанія Грека они имѣли совсѣмъ не тотъ характеръ и видъ, какой имѣютъ для нашего сознанія[1]). Напримѣръ, въ настоящемъ діалогѣ и предметъ, и характеръ его изслѣдованія не изъ числа ли самыхъ отвлеченныхъ между предметами другихъ діалоговъ? И діалектика Платона не во всей ли своей силѣ? Но что̀ же, однако, бросилось намъ въ глаза при чтеніи этого произведенія? Это—та объективность мышленія, которую можно характеризовать, назвавъ ее матеріальностью мышленія. Понятія величины, сходства, различія, бытія, небытія и т. д. берутся, какъ вещи (великое, малое, различное и т. д.) съ извѣстными опредѣленными свойствами; мыслитель какъ будто держитъ эти вещи въ своихъ рукахъ передъ глазами слушателей, складываетъ ихъ, раскладываетъ, дѣлаетъ разныя построенія; вся діалектика и сила ея дана тутъ силой воображенія, разнообразіемъ ея комбинацій; и анализъ, такъ какъ дѣло идетъ какъ будто о наглядныхъ предметахъ, граничитъ тутъ съ наблюдательностію, которая лишь отмѣчаетъ перемѣны въ отношеніяхъ составныхъ частей каждой новой комбинаціи. Въ настоящемъ діалогѣ подтвержденіе этому на каждомъ шагу, гдѣ бы ни раскрыть его. Напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ требуется доказать, что между „однимъ" и „прочимъ" нѣтъ различія, что они и не могутъ быть различны. Вотъ какъ

[1]) Исторія философіи показываетъ намъ, что одни и тѣ же вопросы сознаніемъ каждаго вѣка выражались и рѣшались по своему.

это доказывается: „если всякая вещь есть „тоже“ сама съ собою, то она не можетъ быть различна отъ другихъ вещей, потому что различаться можетъ только чрезъ „различное“, и тогда „различное“ должно было бы находиться въ „томъ же самомъ“, — что не совмѣстимо“. Говоря о томъ, что вещи не могутъ быть велики или малы, и доказавъ, почему ни въ какомъ предметѣ не можетъ находиться „малое“, Парменидъ продолжаетъ: „не будетъ также въ немъ (въ какомъ-либо предметѣ) и „великаго“, потому что, помѣщаясь въ немъ и охватываясь имъ, оно будетъ „меньше“ этого предмета, и слѣдовательно, не будетъ „великимъ“; и потомъ, по отношенію къ чему же будетъ оно „великимъ“, когда „малаго“ нѣтъ въ этомъ предметѣ?“. Это не діалектика, вращающаяся въ области логическихъ и отвлеченныхъ понятій; это раскладка и примѣриваніе вещей, это скорѣе комбинація воображенія, матеріалъ котораго—формы и очертанія. Или вотъ, напримѣръ, заключеніе втораго изслѣдованія о „не существующемъ одномъ“, гдѣ отрицаются у него какіе бы то ни было признаки: „не существующему одному“ не будутъ принадлежать: „отъ того“ или „къ тому“, „что-нибудь“, „это“ или „къ этому“, отъ „другого“ или „къ другому“, „нѣкогда“, „потомъ“, „теперь“, „знаніе“, или „мнѣніе“, или „названіе“, или „рѣчь“ или „другое что-нибудь изъ существующаго“. И потомъ это длинное перечисленіе отрицаемыхъ предикатовъ обращается въ одну фразу слѣдующимъ образомъ: „итакъ, не существующее одно совсѣмъ не имѣетъ себя какъ-нибудь“ [1]). То-есть, по-нашему: не имѣетъ никакихъ свойствъ или предикатовъ. Развѣ это языкъ логики? Это — языкъ непосредственныхъ воззрѣній и чувственнаго созерцанія, это скорѣе похоже на указанія пальцемъ.

Пояснивъ себѣ нѣсколько, по сдѣланному описанію, характеръ объективнаго мышленія, посмотримъ теперь, къ какимъ результатамъ приводило оно въ области философіи, каково было состояніе мысли, съ логической ея стороны, во времена Платона, какая роль выпала ему въ этомъ дѣлѣ, и какъ полно отражается въ настоящемъ діалогѣ и это состояніе мысли, и эта роль Платона.

Первыя попытки греческой философіи носятъ на себѣ вполнѣ матеріальный характеръ. Өалесъ, Анаксименъ, Діогенъ Аполлонійскій въ отысканіи начала вещей не пошли далѣе видимости явленій. Ученія Пиѳагора, Анаксимандра, Ксенофана и Парменида показываютъ

[1]) Ὀύτω δὴ ἓν οὐκ ὂν οὐκ ἔχει πως οὐδαμῇ.

уже усиліе отвлеченія. Но особенность объективнаго мышленія и здѣсь взяла свое. Пиѳагоръ считалъ числа за вещи и субстанцію явленій. Ἄπειρον Анаксимандра, „Одно — Богъ" Ксенофана и „бытіе" Парменида сродны по основной ихъ мысли, такъ какъ начало вещей полагается тутъ въ вѣчномъ и всегда себѣ равномъ субстратѣ всего разнообразія явленій и вещей. Но эта ушедшая за предѣлы видимаго мысль, какъ скоро достаточно была почувствована, уже привела Парменида къ принятію особеннаго, не подлежащаго чувствамъ міра — міра „бытія"; то-есть, обобщеніе явленій, актъ мысли заставили предположить и существованіе соотвѣтствующей имъ реальной дѣйствительности, независимой отъ міра явленій. Но съ этихъ же поръ и была нарушена прежняя цѣльность воззрѣній; міръ „бытія" открытъ былъ не чувствами, а разумомъ; только мышленіе стояло за него и требовало его, — и тогда мысль и бытіе были почувствованы и признаны, какъ сродныя или даже тожественныя, а къ видимому міру родилось отношеніе отрицательное. Естественно, что при этомъ стало высказываться полное недовѣріе и ко всякому чувственному познанію. Эта раздвоенность и противорѣчивость показаній, доставляемыхъ намъ чувствами и умомъ, привела мысль въ сильное возбужденіе; для разрѣшенія сомнѣній, для отысканія истины, она стала работать съ бо́льшимъ напряженіемъ. И это небывалое возбужденіе мысли на первый разъ кончилось умственною неурядицей, явленіемъ софистовъ. Къ ихъ времени столь разнообразныя ученія предшествовавшихъ философовъ уже довольно распространились, противоположныя мнѣнія сталкивались, и явилась необходимость доказывать, защищаться и опровергать. Но средства къ этому были не готовы: объективность мышленія была еще преобладающею, то-есть, понятія не были логически расчленены, не были опредѣлены въ своемъ объемѣ, не были разграничены взаимно; значенія словъ также не были опредѣлены точно, — къ тому же слова часто считались знаками вещей тамъ, гдѣ, на самомъ дѣлѣ, они выражали только наши понятія. Естественно, что при этомъ мысли путались; при доказательствахъ, вмѣсто правильныхъ силлогизмовъ, являлись софизмы, и никто не зналъ, какъ ихъ распутать. Почему напримѣръ, не могли опровергнуть Ахилловой штуки Зенона? Потому, что еще не умѣли разграничить тѣхъ понятій, на смѣшеніи которыхъ построенъ былъ его доводъ. Уже только Аристотель формулировалъ ошибки мышленія въ этомъ доводѣ, да и то довольно обще и неопредѣленно. Посему можно думать, что софисты, въ большей части случаевъ, были искренни въ

своихъ сужденіяхъ, когда признавали возможность съ одинаковою убѣдительностію говорить за и противъ чего-нибудь; они дѣйствительно не умѣли найдтись тутъ и не знали, какое изъ двухъ рѣшеній положительно справедливо. Такимъ образомъ, и здѣсь, въ школѣ софистовъ, объективность мышленія имѣла немалую долю своего вліянія, хотя, въ свою очередь, софистами же и положенъ былъ конецъ преобладанію ея: извѣстно, что вмѣстѣ съ ними вошла въ силу и діалектика, пробужденіе логическаго мышленія. Истиннымъ же творцемъ его былъ Сократъ, потому что онъ былъ родителемъ понятій, безъ которыхъ не возможно мышленіе въ собственномъ и тѣсномъ его смыслѣ, мышленіе логическаго характера; онъ же былъ и наставникомъ при образованіи ихъ у другихъ людей. Не отъ того ли онъ такъ долго застаивался на одномъ мѣстѣ, что ему приходилось разсѣять этотъ выразившійся въ софистахъ хаосъ мысли, что онъ самъ былъ пораженъ и очарованъ процессомъ могучей своей мысли, чувствуя, какъ изъ многихъ и разнообразныхъ представленій выростаетъ одно всѣмъ имъ сродное и всѣхъ ихъ покрывающее понятіе, какъ цѣлыя групы вещей укладываются подъ одну мѣрку, и видя, какъ и гдѣ нужно искать ключь къ разоблаченію лжи и увѣренности въ истинѣ? Сократъ вывелъ мысль на надлежащую дорогу. Платонъ былъ продолжателемъ дѣла Сократа, потому что и у него, какъ у Сократа, методъ занимаетъ нервое мѣсто; почти во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ на него по преимуществу и съ особенною силой Платонъ обращаетъ вниманіе. И если Сократъ преимущественно созидалъ понятія, идя путемъ наведенія, то Платонъ по преимуществу раскрывалъ ихъ, идя путемъ, обратнымъ мышленію Сократа,—анализируя понятія, разлагая ихъ на основные элементы, и такимъ образомъ, пытаясь обнаружить весь составъ ихъ со стороны объема и содержанія. Въ этомъ-то и заслуга Платона для тогдашняго мышленія, что онъ пошелъ дальше, установилъ и формулировалъ указанный Сократомъ методъ, опредѣляя его, какъ συναγωγή и διαίρεσις,—та діалектика, которая уже прологала путь логикѣ, долженствовавшей утвердить законы мышленія. Поэтому, тѣ діалоги Платона, преобладающій характеръ которыхъ—критическій или полемическій, и гдѣ, поэтому, изслѣдованіе ведется діалектическимъ путемъ, представляютъ такую массу обработаннаго логическаго матеріала, что это обстоятельство не мало можетъ служить намъ разрѣшеніемъ нашего удивленія тому, какъ Аристотель могъ создать логику, уже какъ науку, безъ предшествовавшихъ ему попытокъ въ этомъ родѣ. Оттого-то въ трудахъ по граматикѣ и

логикѣ онъ такъ часто и приводитъ мѣста изъ Платона. Правда, что Платонъ, по основному догмату своей философіи—ученію объ идеяхъ, придавшему общимъ понятіямъ реальное бытіе, часто попадаетъ на путь софистической, по видимому, діалектики; но ложныя заключенія и умствованія обусловливались тутъ матеріей разсужденія, а не формой ея, они зависѣли отъ ложныхъ посылокъ, операціи же мышленія вѣрны въ области той системы, которую создалъ Платонъ. Къ числу этихъ-то богатыхъ логическими матеріалами сочиненій Платона принадлежитъ и настоящій его діалогъ „Парменидъ"; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ же, не въ обычной у Платона мѣрѣ, страдаетъ и этою софистическою, на нашъ взглядъ, діалектикой. Это объясняется ужъ особенностію всего діалога, его предмета, метода, и потомъ настроеніемъ и состояніемъ духа Платона, фазисомъ его умственной дѣятельности за это время. Мы подошли, такимъ образомъ, къ вопросу о происхожденіи діалога. Главнымъ образомъ, мы должны здѣсь показать, что онъ былъ серіознымъ произведеніемъ Платона, потому что только при этомъ условіи и возможно говорить о какомъ-либо значеніи его.

Какъ извѣстно, это сочиненіе принадлежитъ къ произведеніямъ Мегарскаго періода жизни Платона. Въ философіи Платона нашли отголосокъ всѣ ученія его предшественниковъ, но ни одно изъ нихъ не имѣло на него столь глубокаго и важнаго вліянія, какъ ученіе Элейцевъ. Это потому, что ученіе ихъ было болѣе возвышенно, основательно, и главное—направленіе ихъ мысли довольно согласовалось съ направленіемъ самого Платона. Элейцы и преемники ихъ, Мегарцы, признавали лишь истину, выводимую изъ началъ разума, и къ показаніямъ видимаго міра относились отрицательно. Зенонъ доказывалъ, что для разума нѣтъ множественности и движенія, хотя по свидѣтельству чувствъ они и кажутся существующими. Платонъ также всю жизнь свою посвятилъ изслѣдованію и раскрытію общихъ началъ разума; все оцѣнивалось имъ по согласію или несогласію съ этими началами; онъ признавалъ полную истину лишь апріорическихъ знаній, вѣрилъ въ полную истину лишь метафизическаго міра. И Мегарскій періодъ жизни Платона особенно содѣйствовалъ утвержденію въ немъ такого направленія мысли. Еще въ молодыхъ, впечатлительныхъ годахъ, дѣятельность его ума прямо была сосредоточена на тѣхъ обобщеніяхъ понятій, которыя производилъ предъ нимъ Сократъ, и такимъ образомъ, приняла склонный къ отвлеченію характеръ; но пока былъ живъ Сократъ, духъ его, отдавшійся водительству учителя, былъ прикованъ еще къ землѣ, сосредоточенъ на во-

просахъ житейскихъ и нравственныхъ, которые исключительно занимали Сократа. По смерти его, переселившись въ Мегару, Платонъ увидѣлъ себя совершенно въ иной сферѣ, въ сферѣ чистой мысли, которая ничего не хочетъ знать, кромѣ себя самой, которая все производитъ и рѣшаетъ изъ себя самой, — въ сферѣ, совершенно сродной его собственному, умозрительному направленію. Элеато-Мегарская школа должна была имѣть тѣмъ большее вліяніе на Платона, что она владѣла сильнымъ оружіемъ противъ возраженій противниковъ и оригинальнымъ діалектическимъ методомъ въ изслѣдованіи истины. Съ самыми положеніями Элеатовъ Платонъ не соглашался съ перваго же раза уже потому, что имѣлъ собственное міровоззрѣніе, достаточно устранявшее, казалось ему, тѣ основанія, по которымъ Элеаты находили невозможнымъ признавать движеніе и множественность, и слѣдовательно, необходимымъ утверждать „одно" бытія. Но поведенное противъ него Мегариками діалектическое разсмотрѣніе его незрѣлой еще системы разрушало ее съ такихъ разнообразныхъ сторонъ и выставило ея противорѣчія и вытекающія изъ нея странныя слѣдствія съ такою очевидностію, что Платонъ невольно почувствовалъ себя въ положеніи ученика, которому нужно еще учиться даже размышлять. Духъ его теперь былъ какъ-бы опустошенъ, и ему естественно было при этомъ обратиться къ этому самому ученію, владѣющему столь изумительнымъ оружіемъ діалектики, предъ которымъ все падаетъ. Итакъ, Платонъ посвятилъ себя въ ученіе Элеатовъ. Но истинный послѣдователь Сократа не могъ понять и воспринять догматической части этого ученія въ той односторонней формѣ, какую приняло оно въ школѣ Мегариковъ. Зенонъ утверждалъ, что по началамъ разума невозможно существованіе многаго, что поэтому внѣшній міръ есть только кажущійся; вмѣстѣ съ тѣмъ, Элейцы и Мегарики пришли къ тому заключенію, что множественность есть нѣчто совершенно противоположное одному, которое, въ свою очередь, непремѣнно исключаетъ многое. Напротивъ того, для Платона, который наученъ былъ Сократомъ знать самое образованіе понятій и составъ ихъ, для Платона, по тѣмъ же самымъ началамъ разума, не мыслимы были одно безъ другаго эти два понятія: одного и многаго; одно — это многообразное, но однородное многое, только связанное, объединенное въ чемъ-нибудь, — въ понятіи, въ идеѣ, — или цѣлое, состоящее изъ частей. Такъ, съ перваго же раза, ученіе Элеатовъ должно было принять совершенно другой видъ для Платона. Нужно было рѣшить, правиленъ ли такой взглядъ, такъ какъ, испы-

тавъ пораженіе отъ сильной діалектики Мегарской, онъ не могъ теперь слишкомъ довѣрять своимъ взглядамъ. И вотъ, обратившись къ обсужденію главнаго положенія Элейцевъ, онъ послѣдовалъ для этого и ихъ методу, который былъ теперь для него пробнымъ камнемъ всякаго мнѣнія и ученія; результатъ получился тотъ же самый, съ тою лишь разницею, что невозможность абсолютнаго одного была показана съ полною отчетливостію и очевидностью. Но при этомъ Платонъ пораженъ былъ силой этого новаго орудія ума при изысканіяхъ въ области чистой мысли. Первое основное понятіе, при помощи этой новой діалектики, давало ему цѣлый рядъ другихъ понятій, генетически и непрерывно развивающихся другъ изъ друга,— первая комбинація двухъ понятій разрѣшалась длинною цѣпью новыхъ положеній. Это было для Платона родомъ откровенія. Для насъ теперь не легко представить съ ясностію истину этого факта, потому что мы находимся въ иномъ положеніи относительно развитія нашего мышленія. Насъ учатъ, когда мы еще дѣти, и нынѣшній языкъ взрослыхъ окружающихъ насъ людей и воспитателей, мышленіе ихъ, управляемое отношеніемъ логическихъ понятій, стоятъ въ разрѣзъ съ конкретнымъ характеромъ мышленія дѣтей; при ученіи, насъ знакомятъ со многими мыслями и понятіями, помимо нашего собственнаго возбужденія къ тому,—тогда какъ намъ еще долго идти до пробужденія и надлежащаго пониманія подобныхъ вопросовъ. Еще дѣтьми, мы по необходимости знакомимся съ пріемами логическаго мышленія, съ отвлеченными терминами, кое-какъ привыкаемъ ко всему этому; конечно, при такой ненормальной и столь несвойственной намъ въ дѣтствѣ дѣятельности ума, процессы мышленія не имѣютъ на насъ должнаго впечатлѣнія; а потомъ, когда подростемъ до той поры, что чувствуемъ потребность и становимся способными къ операціямъ собственно логическаго мышленія, то-есть, къ комбинаціямъ не по внѣшнимъ и видимымъ признакамъ предметовъ, а по внутреннимъ и логическимъ ихъ отношеніямъ, этотъ родъ комбинацій и процессовъ мышленія также недостаточно возбудительно дѣйствуетъ на насъ, потому что наша мысль движется уже по привычнымъ намъ, еще въ ранней молодости проторенныхъ, колеямъ. Совсѣмъ не таково было положеніе мыслителя греческаго, и въ настоящемъ случаѣ— Платона. Понятія только что указаны были Сократомъ, и слѣдовательно невозможное безъ нихъ мышленіе логическое только что начиналось; возникавшія мысли, замѣченная извѣстная связь, зависимость и отношеніе понятій дѣйствовали на воспріимчивость его со

всею свѣжестью впечатлѣнія; движеніе мысли, возникновеніе понятій были ощутительны для собственнаго его духа, такъ что психическое вліяніе этого факта могло быть также одною изъ причинъ, почему понятіямъ придано у него болѣе, чѣмъ субъективное бытіе; по степени производимаго ими впечатлѣнія они приближались къ внѣшнимъ возбужденіямъ. Не этотъ ли фактъ отчасти выражаетъ собою и демонъ Сократа, — эта могучая мысль, движеніе которой, при новости пролагаемыхъ ею путей, при новости ея созданій, на собственномъ духѣ его отзывалось съ силою чувствительныхъ впечатлѣній и очаровывало его сознаніе? Съ такимъ пониманіемъ не стояло бы въ противорѣчіи то, что этотъ демонъ часто былъ тожественъ для Сократа съ голосомъ совѣсти, побуждающимъ къ чему-либо или останавливающимъ отъ чего; въ то время нравственная и умственная стороны духа совсѣмъ не стояли въ такой слабой связи между собою, какъ часто это бываетъ въ нынѣшнее время; притомъ же Сократъ и въ то время былъ явленіемъ исключительнымъ въ этомъ отношеніи, это былъ рѣдкій гармоническій духъ, натура до того цѣльная, что результатомъ этого было у него отожествленіе знанія и добродѣтели: для его сознанія не мыслимо было — знать что-нибудь и не поступать согласно съ этимъ знаніемъ. Умъ и воля, нравственный инстинктъ и сознаніе были у него нераздѣльнымъ цѣлымъ. Поэтому, и въ вопросахъ практической жизни рѣшеніе ума было вмѣстѣ и голосомъ совѣсти, и когда представлялся случай, гдѣ умъ его не могъ дать того или другаго рѣшенія, тамъ и демонъ его молчалъ. Мы сами не думаемъ, чтобы сказанное о воспріимчивости тогдашняго духа къ собственной мысли нужно было принимать во всей силѣ и прилагать ко всѣмъ мыслителямъ того времени; но нами сказано много для того, чтобы чрезъ это лучше оттѣнить то аналогическое описанному состояніе духа, ту возбудительность и возбужденность мысли, которыя мы дѣйствительно должны признать за древнею эпохою творчества и зарождавшагося мышленія.

Мегарскій періодъ жизни Платона представляетъ время самой богатой его духовной дѣятельности, время наибольшей энергіи и исканій мысли; съ этого момента началось болѣе обширное знакомство его съ философскими ученіями его предшественниковъ; тутъ требовалась усиленная дѣятельность мысли для пониманія и критики этихъ ученій, для отысканія истины и основанія собственнаго міровоззрѣнія, въ замѣнъ разрушеннаго Мегарскою діалектикою прежняго. И если таково было состояніе духа Платона, если для него, какъ выше ска-

зано, было своего рода откровеніемъ раскрытіе тѣхъ понятій и ихъ сочетаній, которое представлено въ настоящемъ діалогѣ,—то это обстоятельство заставляетъ насъ думать, что и заключающіеся здѣсь противорѣчивые силлогизмы, софизмы и антиноміи выражаютъ истинный процессъ мысли Платона, что и для него самого онѣ были антиноміями, а не были придуманы имъ намѣренно, для эфекта. Онѣ обусловливались состояніемъ тогдашняго мышленія и фазисомъ развитія собственнаго мышленія Платона. Состояніе мышленія того времени, послѣ сказаннаго, довольно здѣсь характеризовать указаніемъ на время софистовъ, — что Платонъ жилъ среди нихъ и боролся съ ними, что Сократъ и Платонъ были первые въ то время люди, изъ которыхъ одинъ вывелъ мысль на надлежащую дорогу, а второй пошелъ по этой дорогѣ чрезъ всю свою жизнь и чрезъ всю область наличныхъ знаній того времени. Платонъ создалъ діалектику—созерцаніе единаго во многомъ, установилъ опредѣленія, открытыя Сократомъ, обобщеніе и классификацію понятій; но онъ знаменитъ и имѣетъ важное значеніе для философіи не столько потому, что работы его въ этомъ направленіи были правильны и приводили къ истинѣ, — степень знаній и умственнаго развитія того времени не позволяли этого, — а потому, что во всѣхъ работахъ своихъ онъ слѣдуетъ этому методу, сознательно и настойчиво высказываетъ его. Однакоже, съ ясностію высказывать его Платонъ могъ только въ зрѣлый или позднѣйшій періодъ своей жизни; онъ съ отчетливостію опредѣлилъ его только въ позднѣйшихъ своихъ произведеніяхъ, каковы напримѣръ: „Филебъ", „Федонъ", „Республика" и др. Чтобы дѣлать опредѣленія, производить обобщеніе и классификацію понятій, — εἰς μίαν τε ἰδέαν συνῶροντα ἄγειν τὰ παλλαχῇ διεσπαρμένα, καί δείξειν ποῖα ποίοις συμφανεῖ τῶν γενῶν, καὶ μίαν αὖ ἰδέαν δι' ὅλων πολλῶν ἐν ἑνὶ ξυνημμένην, — нужно было предварительно разобрать частныя понятія, опредѣлить ихъ объемъ и содержаніе — ἕκαστον ὁρίζεσθαι. Эта работа и заняла преимущественно юношескіе годы Платона; сила и характеръ такой дѣятельности ума всего ярче выразилось въ настоящемъ діалогѣ. Въ ту пору это былъ большой и важный трудъ; ошибки, спутанность и противорѣчія были неизбѣжны при этомъ, потому что такія работы были первыми попытками логическаго мышленія въ то время, да и для самого Платона это были еще первые шаги на новомъ пути. Итакъ, софизмы и антиноміи діалога обусловливались и объясняются:

1) Вообще объективностію тогдашняго мышленія. Какъ психиче-

скія данныя, понятія часто сливались для мысли въ одно съ объектами; какъ логическія данныя, они слишкомъ не отчетливо и не полно были анализированы въ своемъ объемѣ и содержаніи, не были точно опредѣлены и разграничены между собою. Значеніе словъ также не было точнѣе опредѣлено и установлено. Неправильность и противорѣчія въ умозаключеніяхъ Платона много происходили и оттого, что его идеи или понятія, имѣвшія реальную дѣйствительность, въ сужденіяхъ часто перемѣшивались съ субъективными идеями, которыя онъ признавалъ совершенно соотвѣтственными первымъ идеямъ, но которыя, какъ произведенія нашего ума, при своей логической раздѣляемости, на самомъ-то дѣлѣ мало соотвѣтствовали недѣлимой природѣ реальныхъ объективныхъ идей. Замѣчаемыя нами у Платона несовершенства мышленія, съ логической его стороны, тѣмъ болѣе будутъ для насъ понятны, когда мы припомнимъ, что у самого Аристотеля,—напримѣръ, его категоріи,—въ логическомъ ихъ разграниченіи между собою, регулирующемъ и правильность установки ихъ, представляютъ не малое несовершенство.

2) Временемъ написанія этого діалога. Мегарскій періодъ жизни Платона былъ временемъ кризиса въ умственной его жизни. Собственные прежніе взгляды его, хотя не въ основѣ, но, по крайней мѣрѣ, въ системѣ своей были разрушены, и въ массѣ новыхъ понятій и свѣдѣній, съ которыми онъ здѣсь въ первый разъ познакомился, онъ не могъ тотчасъ найдтись надлежащимъ образомъ. Этотъ усиленный и углубляющійся въ мелочи анализъ словъ и понятій, самою формою своею, указываетъ намъ только на тотъ процессъ, какимъ освоивался Платонъ съ новою областью идей и старался дать себѣ отчетъ въ воспринятыхъ имъ понятіяхъ,—выражаетъ собою черновую подготовительную работу мысли; и естественно, невозможно было при этомъ ожидать порядка, послѣдовательности и законченности въ изслѣдованіяхъ, тѣмъ болѣе, что, въ настоящемъ случаѣ, эти изслѣдованія велись въ духѣ увлекшей его Мегарской математической школы,— что математическія опредѣленія и выводы были приложены Платономъ къ разъясненію метафизическихъ и логическихъ понятій и къ опредѣленію ихъ взаимныхъ отношеній. Такъ, напримѣръ, различныя свойства ариѳметическихъ и геометрическихъ отношеній дали Платону поводъ построить ту антиномію, что первоначальныя неравныя отношенія по возрасту „одного“ и „многаго“ должны со временемъ сдѣлаться обратными: если „одно“ старше „многаго“, то съ теченіемъ времени должно становиться моложе послѣдняго, и наоборотъ.

3) Методомъ изслѣдованій. Платонъ употребляетъ здѣсь необыкновенный свой и Сократовъ методъ — τοὺς τ'ἐπακτικοὺς λόγους καὶ τὸ ὁρίζεσθαι καθόλον,—не слѣдуетъ Мегарской діалектикѣ: истина оцѣнивается здѣсь чрезъ сопоставленіе заключеній, выведенныхъ изъ двухъ противоположныхъ положеній. Нѣтъ нужды говорить, что этотъ методъ хорошъ только для разбора частностей, а не для созданія цѣлостнаго взгляда, приводящаго многообразное въ связь и единство. Не одно только увлеченіе Мегарскою діалектикою заставило Платона слѣдовать этому способу изысканій; онъ какъ нельзя болѣе соотвѣтствовалъ и какъ бы вызывался состояніемъ и характеромъ его собственной тогдашней умственной дѣятельности; въ новой области понятій и знаній невозможно было дѣлать обобщеній и классификаціи понятій, не разобравъ предварительно содержанія и взаимнаго отношенія частныхъ понятій и представленій.

4) Предметомъ самого діалога. Всѣ понятія, на которыя обращена здѣсь діалектика, суть относительныя, которыя, не заключая въ себѣ указанія на постоянныя и опредѣленныя свойства вещей, всегда могутъ быть толкуемы различно. И потому естественно, что часто столь уродливыми заключеніями могло разрѣшаться здѣсь характерное направленіе мысли Платона (и вообще мышленія того времени)—понимать и изслѣдовать предметы такъ, какъ они даны намъ ἐν λόγοις, и принимать опредѣленія словъ за опредѣленія вещей.

Такъ какъ указанныя особенности и недостатки мышленія того времени выразились во всемъ своемъ неукрашенномъ видѣ и всего болѣе въ настоящемъ діалогѣ, то въ этомъ именно смыслѣ мы и указывали въ предисловіи на то значеніе, какое имѣетъ онъ для пониманія философіи Платона и вообще тогдашней философіи, то-есть, что этотъ діалогъ всего нагляднѣе раскрываетъ предъ нами сущность, лабораторію и свойство созданій переходнаго состоянія мышленія отъ объективнаго къ логическому. Имѣя по этому образчику отчетливое представленіе о характерѣ тогдашняго мышленія, мы часто вѣрнѣе можемъ истолковать отдѣльныя ли мѣста изъ прежнихъ сочиненій, цѣлые ли пункты ученій, или даже цѣлыя философскія системы,—чѣмъ въ томъ случаѣ, когда объясняли бы это только исторіей міровоззрѣній, послѣдовательно обусловливаемыхъ одно другимъ. Этотъ же діалогъ яснѣе даетъ намъ указаніе на тѣ черты значенія Платона для философіи, которыя мы должны признать наиболѣе важными; онъ всего рѣзче отражаетъ потребность и смыслъ реформы тогдашняго мышленія—поворотить съ преимущественно объективнаго

мышленія къ преимущественно логическому; мы говоримъ „всего рѣзче“ потому, что здѣсь не даются въ руководство для правильнаго мышленія короткія опредѣленія діалектики, какъ въ другихъ діалогахъ, а потому что онъ весь состоитъ изъ логическихъ изысканій, весь написанъ съ цѣлію дать образчикъ того рода мышленія вообще, которому должно слѣдовать на пути къ познанію. Самыя важныя заслуги философіи—это изысканія ея о природѣ и условіяхъ самого знанія; и если въ этомъ очеркѣ мы говоримъ о значеніи Платона для философіи, то имѣемъ въ виду именно эту сторону его пріобрѣтеній. Сократъ и Платонъ первые начали приводить къ сознанію тѣ моменты въ процессахъ мышленія, которыя мы обозначаемъ понятіями рода, вида и нисходящихъ членовъ послѣдняго. Приведенныя къ сознанію, эти, какъ-бы остывшія, формы мышленія дали имъ возможность анализировать наши умственные процессы по частямъ, и такимъ образомъ, выйдти изъ лабиринта противорѣчій и безпомощности мысли, въ которомъ путались, напримѣръ, софисты. Настоящій діалогъ представляетъ блистательный примѣръ такого анализа понятій, въ элементарной его формѣ; но именно элементарною-то формой анализа, а также остротой и неутомимостію его, это произведеніе Платона и оттѣняетъ лучше для насъ тотъ поворотъ въ мышленіи, которому онъ слѣдовалъ до поздняго періода своей жизни, и слѣдовательно, ту наиболѣе важную заслугу его для философіи, о которой мы говорили.

Гротъ говоритъ, что при настоящемъ развитіи и строѣ мысли необходимо нѣкоторое усиліе ума, чтобъ уразумѣть важность изобрѣтенія такихъ общеизвѣстныхъ понятій, каковы понятіе рода, опредѣленіе единицъ, заключающихся въ родѣ, того, что̀ такое каждая вещь, и къ какому роду она принадлежитъ. Мы, съ своей стороны, скажемъ, что и невозможно уразумѣть такую важность, не познакомившись напередъ съ состояніемъ тогдашняго мышленія, не заглянувъ, такъ-сказать, въ самую физіологію его. Съ этою цѣлію, такъ какъ мы теперь коснулись заслугъ Платона для философіи, мы и хотимъ сдѣлать разборъ нѣкоторыхъ мѣстъ изъ настоящаго діалога, очень пригоднаго для такой цѣли. Главнымъ же образомъ мы сдѣлаемъ это въ подтвержденіе того, что̀ до сихъ поръ было сказано нами о характерѣ мышленія Грековъ и самого Платона и о причинахъ софизмовъ и антиномій этого діалога. Анализъ этихъ же самыхъ антиномій, то-есть, разсмотрѣніе тѣхъ основаній, на которыхъ онѣ держатся, всего

лучше послужитъ намъ для этого. Возьмемъ примѣры изъ втораго отдѣла второй части діалога.

1) Первая антиномія: „одно" находится и въ самомъ себѣ, и въ „другомъ". Для мысли разсуждающаго „одно" представляется здѣсь въ родѣ какого-либо матеріальнаго предмета. Все внутреннее содержаніе предмета, заключенное въ извѣстной формѣ его, будетъ нахожденіемъ предмета въ самомъ себѣ, а вся фигура его вмѣстѣ, какъ окруженная другими предметами, будетъ нахожденіемъ его въ „другомъ". Очевидно, что здѣсь въ большой посылкѣ два подлежащихъ: 1) цѣльная фигура предмета, и 2) все содержаніе его, отдѣльно отъ формы, которою онъ окружается, какъ будто другимъ какимъ-либо предметомъ; и потому въ „другомъ" находится уже не то „одно", которое находилось въ самомъ себѣ.

2) На этой антиноміи строится другая: „„одно" стоитъ и движется". Именно, если „одно" всегда находится въ самомъ себѣ и никогда не выступаетъ изъ себя, то оно стоитъ; и потомъ, если оно находится также и въ „другомъ", и вслѣдствіе этого, не можетъ пребывать въ „томъ же" самомъ себѣ, то не стоитъ, и слѣдовательно, движется. Первый силлогизмъ страдаетъ недостаткомъ предыдущей антиноміи; то-есть, въ заключеніи: „одно стоитъ", одно принимается, какъ цѣлое, а въ посылкѣ: „если одно находится въ самомъ себѣ", подъ однимъ разумѣется только содержимое этого цѣлаго. Во второмъ силлогизмѣ мы замѣчаемъ, что мысль ужь иначе обращается здѣсь съ своимъ предметомъ, чѣмъ прежде,—не какъ съ конкретнымъ образомъ, но трактуетъ его ἐν τοῖς λόγοις: если никогда не находится въ самомъ себѣ и не стоитъ, то должно имѣть противоположное покою состояніе—движеніе. Это заключеніе основано на противоположности логическихъ понятій, тогда какъ предыдущія сужденія давались созерцаніемъ предмета, какъ конкретнаго образа. Отъ такого сочетанія и объединенія матеріальныхъ представленій съ логическими понятіями и вышла антиномія.

3) Будучи тожественно съ собою и различно отъ „прочаго", „одно" будетъ также отлично отъ себя и тожественно съ „прочимъ". Тожество съ собою и отличіе отъ прочихъ вещей требуется по основнымъ началамъ нашего разума. Отлично отъ себя потому, что находится и въ „другомъ", и значитъ, какъ-бы отдѣлено само отъ себя. (Тѣ же ошибки мысли, что и во второй антиноміи). Тожественно съ „прочимъ" потому, что „одно" и „прочее"—каждое изъ нихъ,—необходимо тожественно съ самимъ собою, каждое изъ нихъ имѣетъ оди-

наковый предикатъ „тожества",—понятіе, которымъ исключается противоположное ему понятіе „различнаго". Слѣдовательно, не заключая въ себѣ этого послѣдняго понятія, они не могутъ быть и различны, и такимъ образомъ будутъ тожественны. Далѣе доказывается, что онѣ также будутъ тожественны и по противоположной причинѣ: если „одно" и „многое" суть два отдѣльные, и слѣдовательно, различные предмета,—если мы говоримъ, что „одно" различно отъ „многаго", и „многое" различно отъ „одного", и такимъ образомъ, обоимъ приписываемъ одинъ и тотъ же предикатъ, то на основаніи тожественнаго предиката они будутъ тожественны между собою. Судя по той формѣ этихъ доказательствъ, въ какой они ведутся Парменидомъ, эти антиноміи имѣютъ основаніе въ томъ, что слова, выражающія отношенія вещей, обозначаютъ здѣсь для разсуждающаго опредѣленныя качества вещей, или, какъ говорятъ,—тожество словъ принято за тожество вещей. Напримѣръ, слово „различный", по роду своего значенія, уравнивается тутъ съ такими же словами, какъ напримѣръ, красный или деревянный.

4) „Вещи не могутъ быть великими или малыми". Разсужденіе ведется такъ: вещи могутъ быть велики или малы тогда, если въ нихъ находятся идеи великаго или малаго; помѣщаться же въ какомъ-нибудь предметѣ, напримѣръ, идея великаго не можетъ, потому что тогда она была бы меньше того предмета, въ которомъ должна была бы содержаться, а понятіе „меньше" противорѣчитъ понятію „великаго". Такое разсужденіе основывается опять на смѣшеніи матеріальнаго мышленія съ логическимъ, то-есть, великое и малое сначала понимаются какъ вещи, а потомъ какъ логическія понятія, означающія только отношеніе вещей между собою.

5) „Одно" старше и моложе „прочаго" и себя самого и также ни старше, ни моложе ни себя самого, ни „прочаго". Эти антиноміи возникаютъ изъ того, что подъ словомъ „одно" понимается здѣсь и „цѣлое одно", и каждая „одна" часть этого цѣлаго, да и подъ „прочимъ" разумѣется также „одно" въ качествѣ цѣлаго; и къ тому же числа, обозначающія ихъ сравнительный возрастъ, ставятся то въ ариѳметическомъ, то въ геометрическомъ отношеніи между собою.

Этихъ примѣровъ довольно. Видно, по какому пути стремится идти мышленіе, но прежнее объективное вездѣ подставляетъ ему ногу, задерживаетъ его успѣхи на новомъ пути, и весь діалогъ представляетъ намъ борьбу этихъ двухъ мышленій. Такимъ образомъ, здѣсь сразу характеризуются, какъ философія Грековъ и Платона,

такъ и значеніе послѣдняго, духъ новаго направленія мысли. Нельзя не замѣтить того, какъ мышленіе съ намѣреніемъ выискивало поставить свои сужденія такъ, чтобъ они разрѣшались противорѣчивыми заключеніями; но можно положительно утверждать, что это мышленіе, въ большей части случаевъ, не въ состояніи было сдѣлать отчетливаго разбора тѣхъ случаевъ непослѣдовательности и ошибокъ въ процессѣ мысли, которыя приводили къ антиноміямъ. За Мегарскій періодъ жизни дѣятельность Платона въ томъ и состояла, чтобы подвергнуть анализу всю массу наличныхъ понятій и раскрыть по возможности все ихъ содержаніе. Эта работа въ первый разъ велась такъ систематически, и конечно, нужна была сила Платонова таланта, чтобъ указать на все разнообразіе точекъ зрѣнія, съ которыхъ можно разсматривать извѣстный предметъ, на тѣ разныя значенія, которыя совмѣщаются подъ однимъ какимъ-либо словомъ, выставить такое множество искусныхъ сочетаній мысли, которыя получаются отъ смѣшенія разныхъ точекъ зрѣнія и двусмысленности словъ. Платонъ даже и до конца своей жизни наполовину былъ поглощенъ подобною черновою работой, въ діалогѣ же мы видимъ только ревностное начало ея. Платонъ только разложилъ передъ собою новый матеріалъ, чтобы разсмотрѣть его со всѣхъ сторонъ. Не осмотрѣвшись сначала, нельзя было и сортировать его.

Все сказанное достаточно показываетъ, какъ должно смотрѣть на настоящій діалогъ, или по крайней мѣрѣ, какъ мы его понимаемъ. Резюмируемъ нашъ взглядъ. Это сочиненіе Платона не есть пустая, діалектическая игра словами, но выражаетъ серіозную работу мысли Платона, имѣвшую важное значеніе, какъ для его собственнаго развитія, такъ и вообще для философіи того времени. Это значеніе состоитъ въ возникавшемъ сознаніи логической природы понятій и въ указаніи на необходимость давать себѣ отчетъ въ значеніи каждаго употребляемаго слова [1]). Усиленная потребность анализировать каждое слово и понятіе вызвана была въ Платонѣ споромъ его съ ме-

[1]) Тонъ отвѣтовъ Аристотеля Пармениду показываетъ, какою новостію было въ то время слышать такія опредѣленія, какъ напримѣръ, что такое круглое, прямое и т. п., и какъ Аристотель, можетъ-быть, чувствуя натяжки въ нѣкоторыхъ доводахъ Парменида, не въ состояніи былъ, однакоже, возразить ему, по непривычкѣ давать себѣ отчетъ въ содержаніи понятій, въ значеніи словъ, и слѣдовательно, по невозможности для него опредѣлить причину ошибокъ Парменида.

гариками, которые не другимъ чѣмъ-либо, какъ именно своею діалектикою, разрушили его систему. То, что дается первою частію діалога въ бесѣдѣ Парменида съ Сократомъ, есть историческій фактъ въ жизни Платона, и можетъ-быть, повторяетъ столкновеніе съ мегариками въ томъ именно видѣ, какъ оно происходило въ дѣйствительности. Въ лицѣ Парменида изображенъ самъ Платонъ-мегарикъ, на самомъ дѣлѣ ставшій тогда въ отрицательное отношеніе къ своимъ прежнимъ взглядамъ, а въ лицѣ Сократа—Платонъ, только-что пріѣхавшій въ Мегару. Но сдѣлавшись мегарикомъ по духу изслѣдованій, Платонъ не могъ сдѣлаться послѣдователемъ элейскаго ученія въ той формѣ, какую оно приняло у учениковъ Парменида. Первые порывы его умственной работы въ новомъ направленіи и обращены были на критику этого ученія, образчикъ которой даетъ намъ Платонъ во второй части настоящаго діалога. Въ роли критика является самъ Парменидъ, вѣроятно, потому именно, что мегарики нѣсколько исказили его ученіе и поняли его односторонне; для Парменида его „одно" было весь міръ; онъ называлъ его ἕν ὅλον, и потому Платонъ захотѣлъ оспаривать мегариковъ именемъ ихъ учителя, діалектически развивая всѣ частныя положенія изъ такого ἕν, которое есть ὅλον. Представленный здѣсь тонкій анализъ словъ и понятій, все богатство и разнообразіе комбинацій мысли, все множество искусно построенныхъ антиномій и неожиданныхъ выводовъ,—все это стоило Платону большаго труда и могло быть произведено только въ минуты особенной и извѣстнымъ образомъ направленной энергіи мысли. Платонъ чувствовалъ, что онъ не могъ бы вызвать всего этого сполна въ какое-нибудь другое время, по своему желанію, и — онъ записалъ твореніе своего ума. Ему пріятно было сохранить воспоминаніе о той силѣ и выдержанномъ напряженіи ума, съ какими онъ переплылъ такое море мыслей; записалъ также и для того, чтобы въ послѣдствіи, при спокойномъ обсужденіи, найдтись въ тѣхъ противорѣчіяхъ и подмѣтить начала тѣхъ антиномій, къ которымъ онъ пришелъ въ настоящемъ изслѣдованіи.

Закончивъ свое обозрѣніе, мы не считаемъ полезнымъ и даже возможнымъ спорить противъ тѣхъ мнѣній ученыхъ объ этомъ діалогѣ, которыя намъ кажутся невѣрными, — вопервыхъ потому, что, послѣ высказаннаго взгляда, нѣтъ тѣхъ общихъ основаній, которыя могли бы служить исходною точкою для спора и опроверженія,—мнѣнія эти выражаютъ только личныя соображенія каждаго; вовторыхъ, потому, что мнѣній этихъ чрезвычайно много. Въ своемъ введеніи къ пере-

воду настоящаго діалога, сдѣланному Мюллеромъ, Штейнгартъ говоритъ, что ни объ одномъ изъ сочиненій Платона не было высказано столько различныхъ и нерѣдко самыхъ противоположныхъ взглядовъ, какъ объ этомъ діалогѣ. Тутъ же онъ дѣлаетъ и краткое ихъ обозрѣніе. Не лишне указать здѣсь только общую причину этихъ невѣрныхъ взглядовъ. Прежніе европейскіе ученые не могли правильно судить какъ потому, что не родилось еще тогда историческое пониманіе, такъ и потому, что слѣдовали мистическимъ толкованіямъ Александрійскихъ ученыхъ, объяснявшихъ Платона. Главную причину ошибочнаго, по нашему мнѣнію, пониманія нынѣшнихъ ученыхъ можно видѣть въ томъ, что они начинаютъ изученіе древнихъ сочиненій не на ихъ собственной почвѣ, а по всѣмъ безчисленнымъ комментаріямъ и изслѣдованіямъ предшествовавшихъ имъ ученыхъ, которые потомъ нечувствительно становятся для нихъ не дополнительнымъ пособіемъ, а главнымъ средствомъ и какъ-бы первымъ матеріаломъ при изученіи древнихъ писателей; а это-то нерѣдко и ведетъ къ тому, что на собственныхъ ихъ сочиненіяхъ отражается вліяніе неправильнаго пониманія прежнихъ толкователей Платона. Самъ Штейнгартъ всего ближе къ истинѣ, и нечего было бы сказать противъ него, если бы нѣкоторыя объясненія его не предполагали за Платономъ гегелевскаго пониманія вещей; къ тому же онъ много придалъ значенія своей задачѣ — со всею обстоятельностію отвѣчать на всѣ мелочные вопросы, заданные діалогу прежнею критикою, Богъ знаетъ почему. При этомъ, конечно, не всегда возможны естественные и удовлетворительные отвѣты.

Все сказанное о свойствѣ и важномъ значеніи для самого Платона той умственной работы, которая такъ характеристично выразилась, между прочимъ, и въ настоящемъ діалогѣ, потомъ указанное значеніе этого сочиненія для тогдашней философіи и вообще всѣ соображенія, на которыхъ мы думаемъ основать надлежащее пониманіе его—уже заключаютъ въ себѣ нашъ отвѣтъ и на вопросъ о подлинности его. Исторія философіи, состояніе и характеръ мышленія того времени, тѣ интересы и потребности мысли, которые направляли ее именно на логическую сторону ея, направленія мысли самого Платона въ Мегарскій періодъ его жизни,—все указываетъ этому діалогу мѣсто въ ряду тѣхъ извѣстныхъ намъ произведеній Платона, которыя мы предполагаемъ написанными имъ въ Мегарскій періодъ его жизни. Нашимъ взглядомъ на значеніе діалога устраняются, между прочимъ, тѣ возраженія противъ подлинности его, къ которымъ пришелъ напри-

мѣръ, Зохеръ. Изъ другихъ болѣе важныхъ возраженій выставляютъ то, что Платонъ выступаетъ здѣсь противникомъ собственнаго ученія объ идеяхъ. Но изложенный въ первой части діалога споръ Парменида съ Сократомъ всего вѣрнѣе принять за дѣйствительный фактъ жизни Платона. Міровоззрѣніе его на самомъ дѣлѣ казалось ему разрушеннымъ, вопервыхъ потому, что ученіе его объ идеяхъ, какъ видно изъ спора, само по себѣ было еще незрѣлою системой, и вовторыхъ, орудія логическаго мышленія были еще очень не совершенны для того, чтобъ онъ могъ дать отпоръ своимъ противникамъ опроверженіемъ ихъ доводовъ. Потомъ, онъ былъ увлеченъ здѣсь массой новыхъ понятій и очарованъ тѣмъ потокомъ мыслей и выводовъ, къ которымъ приводила его Мегарская діалектика; ему показалась узкою и не достаточною прежняя сфера мысли и знаній, давшая ему первый обликъ его міросозерцанія; кругозоръ его здѣсь сразу значительно расширился; это было также причиною, почему онъ сталъ теперь въ отрицательное отношеніе къ своимъ прежнимъ взглядамъ, да и не въ отрицательное, а собственно, въ критическое. Неправильно ставятъ возраженіе, когда говорятъ, что Платонъ является здѣсь противникомъ своего ученія объ идеяхъ. Еще при изложеніи содержанія діалога мы видѣли, что въ главныхъ основаніяхъ ученіе объ идеяхъ не было поколеблено; Сократъ и Парменидъ признали необходимымъ и несомнѣннымъ существованіе идей; ученіе это было разрушено только въ тогдашней своей системѣ, и именно въ одномъ пунктѣ — какъ понимать отношеніе идей къ чувственному міру. Но, какъ извѣстно, относительно этого пункта, Платонъ навсегда остался въ недоумѣніи, не рѣшилъ его опредѣленно и позднѣе. Въ послѣднее время Юбервегъ написалъ спеціальную книгу о подлинности Платоновыхъ сочиненій, въ которой онъ съ самоувѣренностію отрицаетъ подлинность этого діалога, преимущественно на томъ основаніи, что между возраженіями Парменида Сократу находится здѣсь и Аристотелево — τρίτος ἄνθρωπος. По смыслу и тону его аргументаціи сила этого довода его противъ подлинности заключается въ слѣдующемъ: что Платонъ, такъ догматически и съ такимъ постоянствомъ всегда признававшій реальное бытіе идей, не могъ бы изобрѣсть такого возраженія противъ своего ученія; что, сдѣлавъ это возраженіе, которое раскрывало ему самую исторію происхожденія его идей, и слѣдовательно, въ самомъ корнѣ уничтожало его систему, не могъ бы уже возвратиться къ ней; что Аристотель, говоритъ онъ далѣе, долженъ былъ бы упомянуть о своемъ возраженіи, какъ о заимствованіи у

Платона, изъ опасенія быть обвиненнымъ въ кражѣ. По этимъ основаніямъ, отрицая подлинность діалога, Юбервегъ время написанія его опредѣляетъ временемъ появленія критики Аристотеля на идеологію Платона. Но съ такими заключеніями Юбервега можно не согласиться, такъ какъ возраженіе его противъ подлинности легко устранить.

Мы знаемъ, что очень часто являются новыми тѣ самыя положенія, доводы или опроверженія, которые не одинъ разъ уже прежде были высказаны; все тутъ зависитъ отъ того смысла, который имъ придается въ извѣстное время. Такъ и здѣсь. Возраженіе Парменида Сократу и Аристотеля Платону сходны только по формѣ. Мы можемъ увѣриться въ этомъ изъ слѣдующаго соображенія: Аристотелево τρίτος ἄνθρωπος могло ли бы быть вразумительно для Платона? Нисколько. Оно имѣло всю силу возраженія лишь въ глазахъ людей совершенно другой психологической школы — Аристотелевой, а никакъ не для Платона. По Платоновой психологіи, по сходнымъ частнымъ признакамъ явленій и вещей не создаются въ насъ идеи, но только припоминаются тѣ, которыя нѣкогда созерцала наша душа; это припоминаніе достигается тѣмъ же процессомъ мысли, какъ и созиданіе идей ума; Платонъ описалъ бы намъ исторію образованія идей точно также, какъ и Аристотель, но оба говорили бы совершенно различное: Платонъ разумѣлъ бы тутъ только исторію пробуждающагося въ насъ воспоминанія о внѣмірномъ бытіи. Нѣчто подобное мы находимъ и въ настоящемъ діалогѣ. Парменидъ объясняетъ Сократу исторію происхожденія его идей. Сократъ, соглашаясь съ нимъ, понимаетъ его слова съ своей точки зрѣнія. Это видно изъ того, что только дальнѣйшія объясненія Парменида наводятъ Сократа на мысль понять идеи, какъ произведенія ума,—что и это предположеніе Сократа было минутное: онъ тотчасъ же оставляетъ такую мысль и съ большею увѣренностію возвращается къ прежнему взгляду, опредѣляя идеи, какъ вѣчные образцы природы. Судя по этому и общему тону всей бесѣды касательно этого пункта, Платонъ не повиненъ здѣсь въ изобрѣтеніи Аристотелева довода, и мы должны придти къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) Платонъ описываетъ только исторію своего спора съ мегариками; указанное возраженіе Платону вполнѣ возможно съ ихъ стороны, такъ какъ главнымъ предметомъ ихъ изслѣдованій была чистая мысль и логическія формы, и конечно, имъ странно было слышать человѣка, признававшаго реальность идей. Возраженіе ихъ, однакоже, было, по всей вѣроятности, лишь дѣломъ ихъ діалектики, берущей для спора

всѣ точки зрѣнія безъ разбора, а не отправлялось изъ познанія тѣхъ законовъ, по которымъ образуются наши понятія и идеи; иначе они сами не путались бы въ сѣтяхъ своей собственной діалектики. Что же касается Платона, то для него такое или иное возраженіе, сдѣланное со стороны, не могло быть понятно въ надлежащей его силѣ и не могло имѣть вліянія на перемѣну главныхъ убѣжденій его въ ученіи объ идеяхъ. 2) Самъ Платонъ, убѣжденный въ реальности идей, признавалъ, въ то же время, и соотвѣтствующія имъ субъективныя, какъ мысль, какъ сознаніе о тѣхъ. Отчего же и ему самому, ставшему въ критическое отношеніе къ своей системѣ, не могло пріидти тогда подобное возраженіе? Впрочемъ, это второе предположеніе имѣетъ большія неудобства: Парменидъ будетъ изображать, въ такомъ случаѣ, Платона, постигшаго истину касательно идей; онъ положительно видитъ въ нихъ только наши мысли. Чья же роль будетъ принадлежать тогда Сократу, на минуту признавшему было идеи произведеніями ума и тотчасъ снова возвращающемуся къ прежнему своему взгляду? И какимъ образомъ Парменидъ, видящій въ идеяхъ только наши мысли, споритъ съ Сократомъ и противъ этого минутнаго предположенія его? И потомъ, въ заключеніе спора оба они, и Парменидъ и Сократъ, считаютъ необходимымъ признать существованіе идей; они говорятъ здѣсь объ идеяхъ въ недовольно опредѣленномъ смыслѣ, но въ общемъ для нихъ обоихъ тонѣ, и по всей видимости, въ тонѣ Сократа. Очевидно, что, будемъ ли мы въ рѣчахъ Парменида видѣть возраженія мегариковъ противъ системы Платона, или собственныя его сомнѣнія, — споры происходили тутъ не вслѣдствіе противоположныхъ *опредѣленныхъ убѣжденій*, а отъ діалектическаго разбора непровѣренныхъ логикою мнѣній и взглядовъ. Далѣе, еслибы мы предположили даже, что Платонъ понялъ возраженіе τρίτος ἄνθρωπος въ надлежащемъ его смыслѣ, то и это едва ли помѣшало бъ ему возвратиться къ своему ученію: ученіе объ идеяхъ явилось у него не вслѣдствіе лишь того психическаго факта, что понятія ума были приняты имъ за внѣшніе объекты, — оно вызывалось всѣмъ міросозерцаніемъ Платона для рѣшенія проблемъ бытія, познанія, вопросовъ нравственныхъ, политическихъ и т. д., такъ что, поэтому, и никогда не рѣшенный имъ вопросъ объ отношеніи идей къ вещамъ нисколько не заставилъ его поколебаться въ главныхъ убѣжденіяхъ. Только въ юношескіе годы, когда взгляды его еще не окрѣпли, когда мысль увлечена была новою богатою пищей, онъ могъ отрицательно отнестись къ своей системѣ; и этотъ отрица-

тельный тонъ могъ въ послѣдствіи исчезнуть отъ одной лишь возмужалости мысли, скоро подмѣтившей, вѣроятно, тѣ ошибки мышленія, которыя поставили его теперь въ критическое отношеніе къ своему ученію: что метафизическія и логическія понятія трактовались имъ и комбинировались въ духѣ Мегарской математической школы, какъ объекты математики, какъ вещи. И потомъ Платонъ могъ въ последствіи если не отчетливо сознать, то почувствовать, что всѣ понятія, сочетанія которыхъ приводили его къ столь уродливымъ заключеніямъ, были относительныя.

Такъ какъ возраженія Аристотеля па идеологію Платона основаніемъ своимъ имѣли положительныя и прочныя знанія его объ образованіи въ насъ понятій и идей, такъ какъ, поэтому, и его τρίτος ἄνθρωπος по смыслу своему совершенно отличалось отъ Парменидова, то ему и не зачѣмъ было дѣлать оговорку, что оно было предвосхищено у него Платономъ или Мегариками; онъ могъ хорошо понимать это различіе. Да и по своей формѣ даже, возраженіе Парменида есть только слабая тѣнь сравнительно съ Аристотелевымъ; тутъ нѣтъ и типическаго названія его—τρίτος ἄνθρωπος. Потомъ, мы не имѣемъ никакого повода думать, чтобъ Аристотель съ особенною заботливостью остановился на достоинствахъ этого своего возраженія, и что, поэтому будто бы, долженъ былъ оградить себя отъ будущихъ нареканій за мнимую покражу: Аристотель богатъ возраженіями противъ Платона, и между ними есть вѣрнѣе указывающія несостоятельность его системы, побивающія Платона его же собственнымъ оружіемъ, какъ напримѣръ, тотъ доводъ, что если идеи суть образцы природы, то для каждаго предмета должно быть по нѣскольку разныхъ образцовъ; ибо каждый предметъ можетъ быть подведенъ подъ разныя идеи: курица, напримѣръ, должна участвовать въ идеяхъ животнаго, птицы, двуногаго; для человѣка должно быть еще болѣе идей. Сверхъ того, настоящій діалогъ, по какимъ-либо обстоятельствамъ, могъ быть и просто неизвѣстенъ Аристотелю.

Эти отвѣты на возраженія противъ подлинности діалога даны нами не потому, чтобы мы намѣрены были положительно утверждать подлинность его: доказательствъ несомнѣнныхъ на это нѣтъ. Намъ хотѣлось только показать, что, не имѣя серіозныхъ основаній сомнѣваться въ подлинности „Парменида", мы тѣмъ съ большимъ правомъ, по высказаннымъ выше даннымъ, предпочитаемъ признавать этотъ діалогъ произведеніемъ Платона.

Ѳ. Златоустовскій.
